

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3>

ISSN 2410-0765 (Print)

ISSN 3033-7992 (Online)

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2026. Том 16, № 3

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2026, vol. 16, no. 3

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

ООО «Новый взгляд»
(394021, ул. Минская, 63а, помещ. 6/1,
Воронеж, Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from July 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

LLC "Novy Vzglyad"
(63a, room 6/1, Minskaya Str.,
Voronezh 394021, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Аминов Руستم Равилевич**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Переводчик английских текстов: **Антонова Наталья Васильевна**, к.и.н., доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, председатель редакционной коллегии, д.и.н., академик АН РТ, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.техн.н., академик АН РТ, президент Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Бабаджанов Бахтияр Мираимович, д.и.н., ведущий научный сотрудник, заведующий отделом исламоведения, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз (Ташкент, Республика Узбекистан)

Багирова Ирада Саидовна, д.и.н., профессор, заведующий отделом Всемирной истории, Институт истории имени А. Бакиханова НАНА (Баку, Азербайджанская Республика)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Вишленкова Елена Анатольевна, д.и.н., профессор, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Мюнхен, Германия)

Вовина Варвара Гелиевна, д.и.н., заместитель директора, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Габдрафикова Лилия Рамилевна, д.и.н., профессор, член-корреспондент АН РТ, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Джумашев Аскар Мамбетович, д.и.н., профессор, заведующий отделом истории, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, главный научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., профессор РАН, заместитель генерального директора, Государственный музей Востока; руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Ильяс Кемалоглу – Ph.D., профессор, директор Института тюркологических исследований, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Имашева Марина Маратовна, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Котюкова Татьяна Викторовна, к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мажитова Жанна Сабитбековна, д.и.н., профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, НАО «Медицинский университет Астана» (Астана, Республика Казахстан)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Российская Федерация)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (Курган, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н. (Чебоксары, Российская Федерация)

Норихиро Наганава – Ph.D., профессор, профессор Славяно-Евразийского исследовательского центра, Хоккайдский университет (Хоккайдо, Япония)

Омурова Жамыйкат Орозбековна, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой регионоведения и кыргызоведения Института истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына (Бишкек, Киргизская Республика)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Турадж Атабаки – д.и.н., заслуженный профессор, старший научный сотрудник Международного института социальной истории, Лейденский университет (Амстердам, Нидерланды)

Хабутдинов Айдар Юрьевич, д.и.н., профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Казань, Российская Федерация)

Хоу Айцзюнь – д.и.н., профессор, директор отдела истории России и Центральной Азии, Институт всемирной истории Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Ч. Упендер Рао – Ph.D., старший профессор Школы санскрита и индийских исследований, Университет Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (History), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Ilshat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive secretary of the issue: **Rustem R. Aminov**, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Translator of English texts: **Natalia V. Antonova**, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Foreign Languages in International Relations of the Institute of International Relation, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Chairman of the Editorial Board, Dr. Sci. (History), Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Director of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical sciences), Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, President of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Bakhtiyar M. Babadjanov, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Islamic Studies, Al-Biruni Institute of Oriental Studies of the Uzbekistan Academy of Sciences (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Irada S. Bagirova, Dr. Sci. (History), Professor, Institute of History named after A. Bakikhanov of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Republic of Azerbaijan)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Elena A. Vishlenkova, Dr. Sci. (History), Professor, Ludwig-Maximilian Universität (Munich, Germany)

Varvara G. Vovina, Dr. Sci. (History), Deputy Director, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation)

Liliya R. Gabdrafikova, Dr. Sci. (History), Corresponding member of the Tatarstan Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Askar M. Dzhumashev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of History, Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chief Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy General Director of the State Museum of the East; Head of the Center for the History of the Russia's Peoples and Interethnic Relations, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

İlyas Kemaloğlu – Ph.D., Professor, Director of the Institute of Turkic Studies, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Marina M. Imasheva, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (History), Head of the Department of Russian History of the Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Tatyana V. Kotyukova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Zhanna S. Mazhitova, Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Astana Medical University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Eco-nomic History and Information Technology of the Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation Studies, Director of the Humanities Institute, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (History) (Cheboksary, Russian Federation)

Norihiro Naganawa – Ph.D., Professor, Professor of the Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University (Hokkaido, Japan)

Jamyikat O. Omurova, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Regional and Kyrgyz Studies of the Institute of History and Regional Studies, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Eurasian Studies Research and Education Center, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary, Russian Federation)

Touraj Atabaki – Dr. Sci. (History), Emeritus Professor, Senior Researcher of the International Institute of Social History, Leiden University (Amsterdam, Netherlands)

Aydar Yu. Khabutdinov, Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Theory of State and Law, Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Kazan, Russian Federation)

Hou Aijun – Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Department of Russian and Central Asian History, Institute of World History, Chinese Academy of Social Sciences (CASS) (Beijing, China)

C. Upender Rao – Ph.D., Senior Professor of the School of Sanskrit and Indic Studies, Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Исхаков Д.М.

Татарские кланы в источнике XVII века «Дефтер-и Чингис-наме»:
к вопросу о генезисе средневекового татарского служилого сословия 14

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Aytmuratov J.

Historiographical sources of Karakalpak storytelling art 40

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Торопицын И.В.

«Прислали де астраханские мурзы 3 человека
х крымскому царю грамоты»: астраханско-крымские отношения
во второй половине XVI – начале XVIII века 48

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Четвериков С.А.

Выкуп русских подданных из азиатского плена в 1817–1831 гг.:
по материалам канцелярии оренбургского военного губернатора 66

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Роднов М.И., Хакова Л.К.

Бирская гончарная слобода 82

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Имашева М.М.

К вопросу о строительстве Соборной мечети
в честь 300-летия Дома Романовых в Астрахани 103

Публикация источника

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Мустафина Д.А.

Тенишевы в актах времени правления царя Федора Алексеевича (2) 119

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Аминов Р.Р.

Состав тептярских полков по материалам VIII ревизии (1834 г.)

Мензелинского уезда Оренбургской губернии158

Новые книги, рецензии

РЕЦЕНЗИЯ

Очиров У.Б.

Рецензия на книгу: Торопицын И.В. Военная служба астраханских
юртовских татар (вторая половина XVI – первая четверть XVIII в.)

(Казань, 2025)171

Научная жизнь

ПЕРСОНАЛИЯ

Сафина А.М.

Путь к успеху через науку и управление

(к 75-летию доктора философских наук Ф.М. Султанова)182

ПЕРСОНАЛИЯ

Хабутдинов А.Ю.

Научная деятельность Марины Маратовны Имашевой: вклад в изучение
социально-экономической истории мусульманских народов Нижнего По-
волжья и истории астраханских татар в Новое время (к 50-летию со дня
рождения)191

CONTENTS

Articles

RESEARCH ARTICLE

Iskhakov D.M.

Tatar Clans in the 17th-Century Source "Defter-i Chingiz-name":
On the Genesis of the Medieval Tatar Service Class14

RESEARCH ARTICLE

Aytmuratov J.

Historiographical sources of Karakalpak storytelling art40

RESEARCH ARTICLE

Toropitsyn I.V.

“The Astrakhan murzas sent a man with letters
to the Crimean ruler”: Astrakhan-Crimean relations
in the second half of the 16th – early 18th century48

RESEARCH ARTICLE

Chetverikov S.A.

The ransom of Russian subjects from Asian captivity in 1817–1831:
based on materials from the chancellery of the Orenburg military governor66

RESEARCH ARTICLE

Rodnov M.I., Khakova L.K.

Birsk Pottery Settlement82

RESEARCH ARTICLE

Imasheva M.M.

On the construction of the Cathedral Mosque in Commemoration
of the 300th Anniversary of the House of Romanov in Astrakhan103

Publication of the source

RESEARCH ARTICLE

Mustafina D.A.

The Tenishevs in the Acts of the Reign of Tsar Fyodor Alexeyevich (2)119

RESEARCH ARTICLE

R.R. Aminov

Composition of the Teptyar regiments based on the materials
from the 8th revision (1834) of the Menzelinsk district, Orenburg province158

New books, reviews

REVIEW

Ochirov U.B.

Book review: Toropitsyn I.V. Military service of the Astrakhan Yurt Tatars
(second half of the 16th – first quarter of the 18th century)
(Kazan, 2025)171

Scientific life

PERSONAL

Safina A.M.

Path to success through science and management
(on the 75th anniversary of Doctor of Sciences (Philosophy) F.M. Sultanov)182

PERSONAL

Khabutdinov A.Yu.

Marina Maratovna Imasheva’s scholarly activity:
her contribution to the study of the socio-economic history of the Muslim
peoples of the Lower Volga region and the history of the Astrakhan Tatars
in the Modern times (on the occasion of her 50th birthday)191

СТАТЬИ

ARTICLES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.14-39>

Татарские кланы в источнике XVII века «Дефтер-и Чингис-наме»: к вопросу о генезисе средневекового татарского служилого сословия

Д.М. Исхаков

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Тобольск, Российская Федерация

monitoring_vkt@mail.ru

Резюме. В данной статье приведены результаты исследований автора разных версий известного татарского исторического источника конца XVII в. – «Дефтер-и Чингис-наме». Выявлено, что на самом деле в этом источнике есть два списка кланов и клановых вождей: один – восходящий условно ко времени Чингисхана, а другой – датируемый временем правления хана Джанибека (1342–1357). При этом в последнем списке содержится ряд клановых позиций, включающих имена знатных татарских вождей периода правления хана Тохтамышша (1380–1395) и его предшественников Джанибека и Бердибека (1357–1359). Эти два списка племен хотя и имеют базовые совпадения, различаются, в том числе и по числу кланов – в первом списке их 17, а во втором – 14–15. Было выяснено, что разгадку числа кланов из основного списка надо искать в информации из труда Ибн Баттуты о параде войск Золотой Орды в районе Бешдага во время курултая с участием 17 десятитысячных войск во главе с темниками. В материалах, связанных с кланами и клановыми вождями Чингисхана, имеется информация о 9 (или 10) кланах, пришедших в поисках Чингисхана, что является, похоже, моделированием состава кланов Улуса Джучи во главе с уйшыи Майкы-бием, бывшим главой правого крыла государства. Такое деление 17 кланов на 9 «юртов» и 8 «юртов» (это правое и левое крылья Золотой Орды) прослеживается и в дастане «Идегей». Те кланы, которые перечислены с клановыми атрибутами в «Дефтер-и Чингис-наме», в максимально полном виде фигурируют в числе «племен илатий», в составе Большой и Ногайской Орд, что говорит об их историчности. Похоже, что эти кланы надо рассматривать как изначальные для Улуса Джучи. Появление их в позднетатарском историческом источнике конца XVII в. – в «Дефтер-и Чингис-наме», надо рассматривать как проявление исторической памяти татарского служилого сословия Золотой Орды и возникших после ее распада татарских юртов. Возведе-

© Исхаков Д.М., 2026

ние всех этих татарских кланов, к XVII в. еще реально существовавших в Крымском ханстве, Ногайской Орде, в казахских политиях, отчасти в Касимовском ханстве и в историческом сознании других групп татар, к Чингисхану, как к источнику их легитимации, было важнейшим элементом исторической памяти представителей татарского служилого сословия, в особенности, знатной их части, помнившей о своем происхождении из Золотой Орды.

Ключевые слова: «Дефтер-и Чингис-наме»; дастан о Чингисхане; списки кланов и клановых вождей; Золотая Орда (Улус Джучи); правое и левое крылья Золотой Орды; изначальные кланы; историческая память служилых татар

Для цитирования: Исхаков Д.М. Татарские кланы в источнике XVII века «Дефтер-и Чингис-наме»: к вопросу о генезисе средневекового татарского служилого сословия. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 14–39. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.14-39>

Tatar Clans in the 17th-Century Source "Defter-i Chingiz-name": On the Genesis of the Medieval Tatar Service Class

D.M. Iskhakov

*Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation
monitoring_vkt@mail.ru*

Abstract. This article presents the results of the author's study of various versions of the well-known Tatar historical source of the late 17th century "Defter-i Chingiz-name". It was found that this source actually contains two lists of clans and clan leaders – one conditionally dated back to the time of Genghis Khan, and the other dating from the reign of Khan Janibek (1342–1357). Furthermore, the latter list contains a number of clan entries including the names of noble Tatar leaders from the reign of Khan Tokhtamysh (1380–1395) and his predecessors, Janibek and Berdibek (1357–1359). Although these two tribal lists share a basic common core, they differ, including in the number of clans, the first listing 17 clans while the second listing 14–15. It was established that the key to deciphering the number of clans in the main list lies in the information found in Ibn Battuta's account of the Golden Horde military parade near Besh-Dag during the kurultai, which involved 17 tumen (units of 10,000 troops) led by temniks. Furthermore, the documents concerning the clans and chieftains of Genghis Khan contain data on 9 (or 10) clans that came in search of Genghis Khan. This appears to be a deliberate reconstruction of the clan composition of the Ulus of Jochi, led by Uysun Maiky-biy, who served as the head of the state's right wing. This division of 17 clans into 9 "yurts" and 8 "yurts" (constituting the right and left wings of the Golden Horde) is also evident in the daстан "Idegey". The clans that are listed with their clan attributes in the "Defter-i Chingiz-name" appear in their most complete form among the "tribes of ilatiya" within the Great Horde and the Nogai Horde, which testifies to their historicity. It turns out that these clans should be regarded as the original clans of the Ulus of Jochi. Their appearance in the late Tatar historical source of the late 17th centu-

ry – namely, the "Defter-i Chingiz-name" – should be interpreted as a manifestation of the historical memory of the Tatar service class of the Golden Horde and of the Tatar yurts that emerged after its disintegration. The tracing of all these Tatar clans – which by the 17th century still actually existed in the Crimean Khanate, the Nogai Horde, the Kazakh polities, partly in the Qasim Khanate, and in the historical consciousness of other Tatar groups – back to Genghis Khan as the source of their legitimization, was a crucial element of the historical memory of representatives of the Tatar service class, especially of its noble segment, which remembered its origin from the Golden Horde."

Keywords: "Defter-i Chingiz-name"; the Dastan about Genghis Khan; lists of clans and clan leaders; the Golden Horde (Ulus Juchi); the right and left wings of the Golden Horde; the original clans; the historical memory of the Tatar servicemen

For citation: Iskhakov D.M. Tatar Clans in the 17th-Century Source "Defter-i Chingiz-name": On the Genesis of the Medieval Tatar Service Class. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 3, pp. 14–39. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.14-39> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

«Дефтер-и Чингис-наме», известный татарский исторический источник конца XVII в., являющийся сборником дастанов, но кроме них включающем в свой состав список кланов и клановых вождей. Несмотря на длительную историю изучения исторического источника, отдельные его фрагменты, а именно список кланов и клановых вождей, остаются предметом острых дискуссий относительно их датировки, происхождения и этнополитической интерпретации. Данный список детальному анализу не подвергался, в том числе и в плане выявления причин его появления в рамках «дастана о Чингисхане» из данного собрания. В настоящей работе предпринимается попытка комплексного анализа двух версий таких списков, представленных в источнике, – условно более ранней, возводимой к эпохе Чингисхана, и более поздней, приписываемой ко времени правления хана Джанибека (1342–1357). Особое внимание уделяется вопросу о том, насколько зафиксированная клановая номенклатура соответствует историческим данным других письменных источников и какую роль эти клановые группы играли в формировании татарской служилой знати в Русском государстве. Цель исследования – выявить степень преемственности кланового состава Золотой Орды, проследить его трансформацию в постордынских государственных образованиях.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА

«Дефтер-и Чингис-наме» – поволжско-татарский достаточно изученный источник, датируемый 1680-ми годами (Усманов, 1972, с. 97–133); [15, б. 3–94]. К настоящему времени имеются качественные опубликованные тексты как вариантов этого произведения [15, б. 9–283], так и сводных его

текстов на языке оригинала [17, pp. 31–93] и на современном татарском литературном языке [1; 7, б. 37–94]. В результате длительного изучения данного источника был сделан вывод о том, что он является собранием прежде всего татарских исторических дастанов (Усманов, 1972, с. 97); [15, б. 3], однако в этом произведении имеются и материалы иного характера, среди которых следует указать на список племен с фиксацией их атрибутов.

В первом разделе «Дефтер-и Чингис-наме», также являющемся посвященным Чингисхану дастаном («Фасли дастан и нэсли Чингиз»), содержится отмеченный перечень большого числа находившихся в окружении Чингисхана кланов и клановых вождей с приведением племенных атрибутов (дерево, птица, уран, тамга) этих групп. Хотя в фигурирующих в «Дефтер-и Чингис-наме» клановых образованиях можно видеть татаро-монгольские племена эпохи формирования Еке Монгол Улуса под предводительством Чингисхана, на самом деле точная датировка этого перечня из данного источника под вопросом, ибо, во-первых, в некоторых версиях этого источника есть небольшие различия в приводимом составе кланов, а во-вторых, вообще существует его вариант, в котором на том месте, где в других версиях «Дефтер-и Чингис-наме» содержится перечисление кланов и их атрибутов, присутствует иной их список, на этот раз без клановых атрибутов, но с заголовком – «Таковы имена беков периода [правления] хана Джанибека» [15, б. 111]. Фактически этот последний список, в котором в ряде случаев кланы также замещены именами беков, должен был бы расцениваться как более поздний по сравнению с первым списком (списками). Но этот вопрос еще требует отдельного анализа, что будет сделано далее.

А в целом в обоих случаях в источнике фигурируют кланы и клановые вожди, за спиной которых стояли конкретные племена, в XIII–XIV вв. являвшиеся структурными элементами Великого Монгольского Улуса (Еке Монгол Улуса), а затем Улуса Джучи (Золотой Орды), социально-политический каркас которого как раз составляли клановые образования, имевшие определенную территориально-политическую структуру и игравшие ключевую роль не только в этом государстве, но и в возникших после его распада татарских полициях XV–XVI вв. [более детально см.: (Исхаков, Измайлов, 2007а; Исхаков, 2009b; Исхаков, Измайлов, 2007, с. 108–143; Исхаков, Измайлов, 2013, с. 178–203)]. Поэтому, отмеченные списки кланов и их вождей явно заслуживают внимания, в том числе и потому, что татарское сословие, сложившееся в золотоордынский период, имело продолжение в постордынских татарских юртах, послужив затем источником, из которого сформировались группы служилых татар Русского государства.

Теперь нам необходимо обратиться к рассмотрению названных двух списков – условно более раннего и более позднего времени – с тем, чтобы постараться понять, какая этнополитическая реальность за ними скрывается. Без такого анализа невозможно раскрыть этнические истоки татарского сословия как золотоордынского, так и постордынского периодов, следова-

тельно и этапа нахождения его представителей на службе у Русского государства, затем Российской империи. Полагаем, что вначале надо проанализировать тот список кланов и беков, который в источнике приписывается ко времени правления хана Джанибека (1342–1357), в данном случае явно сына хана Узбека (1312–1342).

Заметим, что этот список уже был предметом изучения, в том числе и нами (Мустакимов, 2009а; Мустакимов, 2009; Исхаков, 2009, с. 34–35; Исхаков, 2009а, с. 111–112). И.А. Мустакимов, опубликовавший ранее данный фрагмент из «Дефтер-и Чингис-наме» (сейчас этот вариант источника опубликован полностью), указал на то, что некоторые имена беков из перечня не удастся идентифицировать с «известными по более достоверным источникам лицами», что он объяснял текстологическими причинами (неясность почерка, опiski). Кроме того, им же было отмечено, что упоминаемые в источнике знатные лица жили не только в эпоху хана Джанибека (Мустакимов, 2009а, с. 123; Мустакимов, 2009, с. 275; Исхаков, 2011). С нашей стороны было высказано мнение о том, что само определение времени жизни клановых вождей из этого списка может быть условным, связанным с эпическим временем, которое надо воспринимать скорее как нечто вроде «стародавние времена» (Исхаков, 2011, с. 23–24). Поэтому в этом случае оказывается важнее не установление реального времени жизни этих беков – хотя это тоже, когда возможно, целесообразно – а сосредоточение внимания на фиксации в рассматриваемом источнике определенной клановой структуры, являющейся фундаментом некоей социально-политической реальности.

Итак, вот сам список: «...Мангытай Бурулдай (Бурудай) | Уйшын Иса углы Амет | алджин Алав | ак мангыт Т.м.р би | э.н.дж. ли Кутлу Буга | с. джут 'Али би | кытай Астай углы Дж. р Кутлы | Аладжа углы би [М[а]май кыбджак | шырын Ур[у]к – Т[и]мур | аргын Кара Ходжа | Барын С[а]рай би | Буркыт Алатай би | майман (найман) Аз.мат (Р.з. мат) би | тама Уз. к Чу | джалаир Б.т.р би | кыбджак М. нгал углы Т.м. р би | кункрат кырык сунгли К.р.з Булат бахадурнын углы Бек би» (Мустакимов, 2009, с. 275). Разделительные линии между позициями биев проставлены на основании прочтения И.А. Мустакимова. Еще один вариант прочтения этого же текста мы имеем у Р.Ф. Марданова: «...маңгытай Борулдай | уйшын Гайсә углы Амәт | алчын Алау | ак мангыт Тимер би | инжеле (илчеген) Котлыбуга | сижут Гәли би | кыйат Астай углы Жиркотлы | Алача угылы Бимамай кыбчак | ширин Үрәктимур | аргын Карахужа би | барын Сарай би | боркыт Алатай би | Мәмән Әзмәт би | тама Үзәкчү | жәлайр Батыр би | кыбчак Мәңгол угылы Тимер би | коңрат кырык сөңгеле Казарбулат бәһадурнын угылы Бик би» [15, б. 111]. За исключением определения клановой принадлежности Мамай, прочтение последнего исследователя не отличается существенно от прочтения И.А. Мустакимова. Нами в свою очередь был предложен следующий вариант прочтения рассматриваемого текста: «...Ман[г]ытай Буралдай/Бурулдай | уйшын Иса углы Амет | алчын Алав |

ак мангыт Т.м. р би | э.н. дж. ли Кутлы Буга | с.джут Али би | кыйат Астай углы Дж.р Кутлы | Аладжа углы би М[а] май | кыбджак шырын Ур[у]к-Тимур | аргын Кара-Ходжа | барын С[а]рай би | буркут Алатай би | м[а]ман (найман) Аз.мат/Р.з. мат би | тама Уз.к Чу | джалаир Б.т.р би | кыбджак М.н.гал углы Т.м.р би | кунграт кырык сунгиле К.р.з Булат бахадурнын углы Бек би» (Исхаков, 2011, с. 25).

Всего, таким образом, в этом списке имеются 17 позиций клановых вождей и кланов.

Несмотря на то, что мы не во всем согласились с выводами И.А. Мус-такимова относительно историчности присутствующих в данном источнике фигур (главным образом относительно Алатай бия и мангытая Бурулдай/Бурундая), в целом наши мнения о клановых вождях и кланах, стоящих за их спинами, оказались близкими, хотя и не тождественными. В частности, стоит подчеркнуть, что понятие «кыбджак шырын» может относиться к Урунг-Тимуру, а термин «э.н.дж. ли», стоящий перед именем Кутлы-Буги, может отражать не клановую принадлежность, а обозначать какой-то титул (звание) вождя племени найман. То есть, Кутлу-Бугу можно было бы считать предводителем клана найман (Исхаков, 2011, с. 25–26) (о нем см. еще далее). Но в таком случае остается вопрос о том, почему перед его именем нет кланового обозначения. Отсюда не исключено, что под «э.н.дж. ли» может скрываться, возможно, наименование какого-то ответвления клана найман или титул. Во-всяком случае, имя Кутлы-Буга отражает в списке отдельную клановую позицию. Что касается «мангытая Бурулдай/Бурундая», то термин «мангытай» возможно следовало бы рассматривать как манг+тай, когда – тай выступает прилагательным, обозначая нечто вроде русского окончания – ский. В результате получится, что клановое наименование тут это манг (мән/менг), а это известное племя минг (мең), хотя нельзя полностью исключить и этнонима мангыт (манг+формант – ыт). Полагаем, что первый вариант предпочтительнее. Наконец, фиксация Ур[у]к-Тимура (точное имя – Урәң-Тимур) как «кыбджак шырын» может пониматься по-разному, но мы исходим из того, что это в данном случае одна клановая позиция (хотя нельзя исключить того, что после определения «кыбджак» могло стоять еще одно конкретное имя, затем, однако, утерянное из текста).

Таким образом, перед нами оказываются 17 кланов, как думается, эпохи ханов Узбека и его детей – Джанибека и Бердибека (1357–1359), но скорее всего включая и период правления хана Тохтамыша (1380–1406). Речь, как видим, идет о XIV в. с возможным захватом начала XV в.

Несмотря на то, что мы пока не можем сформулировать идею относительно того, а что это за корпорация из 17 кланов, уже сейчас следует сказать – в Золотой Орде времени правления хана Узбека кланов было значительно больше (не менее 50–60) [2, с. 84]; (Исхаков, Измайлов, 2007а, с. 132), а при хане Тохтамыше еще больше.

АНАЛИЗ РАННЕЙ ВЕРСИИ ИСТОЧНИКА

Поэтому следует вернуться к первому, вероятно более раннему списку из «Дефтер-и Чингис-наме», не исключено отражающем состав кланов Улуса Джучи начальной стадии его истории, в том числе еще связанном с эпохой формирования Еке Монгол Улуса под руководством Чингисхана (1155 или 1162–1227). Вот их перечень: «...Бодонжар угылы Кыят | Конграт би угылы Сянглә | Уйшын Майкы би | Меңсадаклы Ордадж би | Тамиян би | Кыпчак би | Джурматы би | Кирайет би | Муйтен би | Борджан би | Боркыт би | Кагинджар углы Катай би | [Балын угылы] Калдар би | Салжут би | Тимер Кутлу би» [17, pp. 56–58; 1, б. 18–20; 7, б. 50–56]. Как явствует из данного списка, в нем фигурируют 15 позиций, частично отражающие эпонимы. Существует, правда, некоторая вариативность данного списка. В частности, имеется вот такой перечень беков, «поехавших искать Чингисхана»: «Уйшын Майкы би | Калдар би | Урдаж би | Кыпчак би | Тамиян би | Кирайет би | Йөрүтә би | Тимер Котлы би | Муйтан би | Таңгут би» [15, б. 160]. Однако, и в этой версии затем повторяется приведенный ранее перечень беков с племенными атрибутами, единственно, Боркыт би там замещается неким «Жорката» бием [15, б. 165]. Но это может быть результатом описки. На деле однако за последним исключением это все тот же список, в котором даже порядок расположения беков (биев) такой же.

В разбираемом втором списке кланов и клановых вождей имеется один нюанс, который нуждается в отдельном рассмотрении. Речь идет о том, что когда Чингис ушел казаковать, бежав от своих враждебно к нему настроенных дядьев, в поиски его отправились беки: «первый – *Майкы би*, второй – *Калдар би*, третий – *Урдуж би*, четвертый – *Кыпчак би*, пятый – *Тамьян би*, шестой – *Кирайет би*, седьмой – *Юркыт (Буртак) би*, восьмой – *Тимур Котлы би*, девятый – *Муйтан би*, десятый – *Тәләнгут (Тангут) би*» [7, б. 48; 17, pp. 48–49]. Но четверо беков не пошли на эти поиски: первый – *Конграт би*, второй – *Катай би*, третий – *Салчжут би*, четвертый – *Кият би*. При этом три группы из четверки как бы образовывали «народ» (*халк*), а Конграт би являлся «надежным [их] советником» [7, б. 48; 17, p. 49]. В результате мы имеем два сообщества – первая группа во главе с Майкы бием, всего вместе с ним 10 кланов, вторая группа во главе с Конграт бием – 4 клана. Итого, таким образом, получается 14 беков (биев) и стоящих за ними кланов. Последние 4 бека были наказаны Чингисханом, но остатки их в конце концов все равно вошли под руку этого правителя [7, б. 50–51; 17, pp. 54–55]. Ясно, что чем-то этот последний список напоминает первый перечень с упоминанием хана Джанибека, хотя число кланов немного различается: в более позднем (периода хана Джанибека) списке их 17, а в более раннем (периода Чингисхана), как было сказано, 14 или 15.

Теперь полезно будет свести все приведенные перечни клановых вождей и кланов, находившихся вокруг Чингисхана, в единый список. Тогда выяснится, в чем они совпадают, а в чем различаются. В принципе, за од-

ним исключением (список V), этот список един, хотя в некоторых случаях порядок перечисления беков и кланов в них может различаться.

Таблица 1. Список имен беков/биев (названий кланов) у Чингисхана

Table 1. List of the names of Genghis Khan's beks/biys (clan names)

	I	II	III*	IV	V**
1	Бодонжар углы Кият	Бүдән Чар углы Кыят	Бөртә Бу- чын [Кый- ат]	Кыйат би	[Кыйат би]
2	Конграт би углы Сәнглә	Кунграт би углы Сиңклә	... [+]	Коңграт би углы Сәңлә	[Коңграт би]
3	Майкы би Уйшын	Майкы би Уйшын	... [+]	Майкы би Уйшын	Майкы би Уйшын
4	Урдаж би мең са- даклы	Урдаж би минг(н) са- даклы	... [+]	Урдаж би Мең садак- лы	Урдаж би
5	Тамйан би	Тамьян би	... [+]	Тамйан би	Тамйан би
6	Кыпчак би	Кыбчак би	... [+]	Кыбчак би	Кыпчак би
7	Жорматы би	Журматый би	Журмат би	Журматы би	...
8	Кирайет би	Керайэт би	Кирэйэт би	Кирэйэт би	Кирэйэт би
9	Мутйан би	Мутйан би	Муйтан би	Муйтан би	Мүйтән би
10	Буржан би	Пор[х]ан [Бүржән]	Бөржан би	Боржан би	...
11	Боркыт би	Бөркет би	Боркыт би	Жорката би	Йүртүкә би
12	Кагинжар углы Катай	Кагайн Чар улы Кытай би	Кагынжар [угылы] Катай	Кагынжар улы Катай би	[Катай би]
13	Калдар би	Калдар би	Калдар би	Калдар би	Калдар би
14	Салчут би	Салчут би	Салжут би	Салжуд би	[Салжуд би]
15	Темир Кутлу би	Тимер Кутлу би	Тимер Кот- лы би	Тимер Кот- лу би	Тимер Котлу би
16					Тангут би

* Но за пределами основного списка все равно фигурируют беки Кыят, Коңграт, Майкы, Кыбчак, Мең садаклы Урдаж, Тамйан.

** К этому списку добавлены взятые в квадратные скобки 4 клановых образования, присоединившиеся к остальным кланам позже (см. выше).

Лишь в одном списке (V) обнаруживаются более существенные различия – там отсутствуют эпонимы Жорматы, Бөржән, наименование клана Боркыт искажено, а один эпоним – Тангут, прибавлен. В последнем списке, как видим лишь 14 позиций.

В приведенных I–IV списках клановых вождей и кланов у Калдар бия и Тимер Кутлу бия их клановые принадлежности не определены. Однако

удалось установить, что Калдар б. Балын би (бек) являлся вождем клана албыр, потомком эмира Бачмана, чьи владения в предмонгольское время находились в бассейне р. Яик [детальнее см.: (Исхаков, 2018)]. Если исходить из исторических материалов, этот клан был частью восточных кыпчаков из кимаков. Что касается позиции Темир Кутлу бия в списках, то за ним скорее всего скрывается клан тангаур, который, не исключено, имел какие-то древние связи с племенем конграт (Исхаков, 1998, с. 157, 170). Хотя возможно, что это на самом деле позиция Тимер Кутлу бия, то есть, группы тангут/теленгут.

На основе сводных данных из таблицы 1, их можно сравнить со списком, отнесенным в разбираемом источнике к эпохе хана Джанибека (см. таблицу 2). Анализ этих сведений позволяет заключить о частичном совпадении двух списков – речь идет о таких общих для них кланах, как кыйат, конграт, уйшын, манг/мэнг/мангыт, тамйан (тама/төмән), кыпчак, буркыт, саджиуд/салжигут (8 позиций). В этом перечне отсутствуют кланы «эпохи хана Джанибека», такие как алчын, шырын, барын, аргын, найман, джалаир (6 позиций). Как видим, в целом наблюдается существенное, но неполное совпадение двух списков.

Таблица 2. Сравнительная таблица двух списков из «Дефтер-и Чингис-наме»

Table 2. Comparative table of two lists from "Defter-i Chingiz-name"

	Список беков «оказавших содействие Чингисхану»	«Имена беков, бывших в эпоху хана Джанибека»
1	Бодонжар углы Кыйат би	Кыйат Астай углы Джир-Кутлы; Аладжа углы Мамай би [Кыйат]
2	Конграт би углы Сэңгелэ	Кунграт кырык сунгиле К.р. з Булат бахадурның углы Бек би
3	Майкы би Уйшын	Уйшын Иса углы Амет
4	Мең садаклы Урдаж би	Моңгытай Буралдай*
5	Тамйан би	Тама Уз.к Чу
6	Кыпчак би	Кыбджак М.нгал углы Т.м.р би**
7	Жорматы би	...
8	Кирайет би	...
9	Муйтан би	...
10	Бөрежан би	...
11	Боркыт би	Буркут Алатай би
12	Кагинжар углы Катай би	...
13	Балын углы Калдар би	...
14	Салжут би	Саджиут Али би
15	Темир Котлу би	...

16	Тангут би	...
		Алчын Алав
		*Акмангыт Т.м.р. (Темир) би
		**Кыпчак-шырын Урунг-Тимур
		Аргын Карахужа
		Барын Сарай би
		Найман (майман) Аз.мат (Р.з.мат) би;
		э.н.дж.ли [найман] Кутлу-Буга
		Джалаир Б.т.р би

* Эта позиция могла отражать как клан «мен/мэнг», так и наименование клана «мангыт».

** Не исключено, что позиция «кыпчак-шырын» могла тоже восходить к более ранней позиции «Кыпчак бия». Кроме того, как было сказано, фактически кыпчаками (восточными кыпчаками из кимаков) были и представители клана, вождем которых числился Калдар би б. Балын.

Конечно, наиболее существенным является вопрос об источнике обоих списков. Он не так прост, как может показаться на первый взгляд, ибо несмотря на фольклорный характер приведенной выше информации о клановых вождах и кланах двух эпох – периодов правления Чингисхана и Джанибека – мы в лице «Дефтер-и Чингис-наме» имеем дело с письменным источником, сложившемся не позже последней четверти XVII в., скорее всего, в Поволжье. А это означает, что следует поискать и иные похожие письменные источники тюрко-татарского происхождения из этого же ареала.

Прежде всего назовем «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека (1602). Но несмотря на то, что это источник, созданный на рубеже XVI–XVII вв. в Касимовском ханстве Кадыр Али-беком из клана джалаир, содержит много клановых наименований, в числе которых имеются и те кланы, хотя и только частично, которые перечисляются в разобранных выше двух списках (кераит, найман, конкрат, танкут, ушын, манкорт, джалаир, кыйат, салджиут, кара-кытай) (см. напр.: [4, с. 120, 126, 141 и др.]), этот автор при перечислении кланов Монгольской империи был зависим от Рашид ад-Дина (О том, что Кадыр Али-бек был хорошо знаком с трудом Рашид ад-Дина, писалось давно (Усманов, 1972, с. 37, 39)). Поэтому сочинение Кадыр Али-бека не могло быть основой для «Дефтер-и Чингис-наме» и не только в плане наполнения конкретными клановыми наименованиями вышеназванных списков, но и из-за некоторых других сюжетных линий «Дефтер-и Чингис-наме». Тем более, что в «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека нет упоминания о таких кланах, как минг (мен), тамйан, кыпчак, джурматы, муйтен, бурзян, буркут, алчын, аргун, фигурирующих в рассматриваемых нами списках.

При такой ситуации особый интерес для нас представляют источники из других регионов, например, списки «племен илатийа», дошедшие до

нас в составе «Маджму-ат таварих» Ахсикенти, автора конца XV – начала XVI в. [11], а также ряда других источников, содержащих такие же перечни племен, насчитывавших около 92 позиций или чуть меньше. Все эти сведения были проанализированы петербургским востоковедом Т.И. Султановым, сведшим данные из них в сводные таблицы (Султанов, 1977, с. 165–176).

Обращение к списку «племен илатийа» вызвано тем, что перечисляемые там кланы являлись «узбекскими», то есть относились к Шибанидскому Узбекскому Улусу, части бывшей Золотой Орды (Султанов, 1977, с. 165). Этот список, в полной форме включающий 92 клана, был зафиксирован не позже XVI в., в реальности восходя к более раннему времени. Действительно, у автора «Сборника историй» (Тарихтардың жыйнағы) Ахсикенти (конец XV – начало XVI в.), перечисляются 92 клана (*токсон эке урпак*) (данный список см.: [11, с. 24–25]), а среди основных событий отмечаются эпизоды, относящиеся ко времени правления хана Тохтамыш, как известно, долго враждовавшего с беклярибеком Идегеем. Между тем, именно в дастане «Идегей» фигурирует понятие «туксан башлы урда/девятиностоголавая Орда», по нашему мнению, отражающее число кланов Золотой Орды рубежа XIV–XV вв. (Исхаков, 2025, с. 107). Не будем также забывать о том, что накануне прихода группы золотоордынцев во главе с ханом Улуг-Мухаммедом в Булгарский вилайет, этот регион подчинялся Шибаниду Абул-Хайру, главе государства кочевых узбеков. Да и до этого в Булгарском вилайете скорее всего правили династы из Шибанидов (например, Габдулла-хан и его сын Алтунай) (Исхаков, 2025, с. 39–44; Исхаков, Тычинских, 2025). Вследствие таких обстоятельств мы и обратились к анализу списка «племен илатийа». В результате было установлено, что в составе «племен илатийа» прямо или косвенно перечислены практически все те кланы, которые присутствуют в «Дефтер-и Чингис-наме»: мең / минг / мангыт (?), джалаир, кунграт, алчын, аргун, найман, кыбчак, тангут, буркут, керай, тама, уйшун, ширин, хытай, бахрин, кыйат. В дальнейшем Т.И. Султанов, изучая клановый состав Узбекского Улуса Шибанидов, выяснил, что в составе «кочевых узбеков» уже в 30–60-х гг. XV в. были известны кланы буркут, конграт, кыйат, мангыт, найман, украш-найман, табгут (тангут), туман, туман-минг, уйсун, хытай. Кроме того, к ним он из других источников прибавил еще группы кыпчак, аргун, йети-минг, тили-минг, джалаир, тама (это та же группа туман), барин, сихиут (=салджигут) [подробнее см.: (Султанов, 1982, с. 8–18 и др.)]. Отсутствие в списке «племен илтийа» и последующих списках ряда клановых позиций из «Дефтер-и Чингис-наме», таких как жорматы, муйтен, буржан, салжут, а также кланов, скрывающихся за именами Калдар бия б. Балына и Темир Кутлу бия, можно объяснить тем, что они оказались скрыты или под близкими, но иными написаниями этнонимов (жорматы под “журат”, “муйтен” как одна из основных групп каракалпаков, под наименованием «каракалпак», буржан – под написанием “бурлан”, салжут – под вариантами “сих-

чут/чулчут/жалаут”), или же тем, что они «ушли» под собственно этнонимы – Калдар б. Балын – к клану «кыпчак», Темир Кутлу мог быть отнесен к кланам «конграт» или «тангут». При такой трактовке получается, что внутри списка «племен илатийа» или иных списков племен из состава «кочевых узбеков» известны все кланы (числом 14–17), которые есть и в «Дефтер-и Чингис-наме».

По-видимому, этот список из «Дефтер-и Чингис-наме» отражает какие-то весьма значимые исторические кланы и социальные реалии, являвшиеся и для татар даже в XVII в. важными, иначе он вряд ли оказался бы в составе данного источника, явно татарского происхождения. Но для того, чтобы выяснить глубинные аспекты складывания данного списка клановых вождей и кланов из «Дефтер-и Чингис-наме», нам сейчас придется обратиться к некоторым деталям из этого достаточно уникального исторического источника.

Первое, на что необходимо обратить внимание, это тот самый ранний список кланов и клановых вождей из окружения Чингисхана. Как отмечалось, в основных версиях «Дефтер-и Чингис-наме» пришедших к Чингису под руководством Майки-бия из клана уйшын беков насчитывалось 10, а затем к ним прибавились еще 4 клана, то есть всего 14, но иногда – 15. Однако, есть вариант этого источника, в котором как число этих кланов, так и их перечень, различаются. Вот этот перечень: «одна группа» (*аргысы*): тэлэнгут, чыгытай, муйтан, төрекмән, кирэйэт, онут, каган, зунгаз, оргут; «другая группа» (*биргесе*): арнау, бөкәче, тәрәс, зимән, тама, йаба, барлас, качас, кот, каңлык, уйсын [15, б. 110], всего 20 позиций, хотя в реальности и в этом тексте есть известие, что вместе с Чингисом бежали 3 сыновей праматери Алангу (их имена: йөз Уравыж, Мангыт и некто из эля с ураном «актуган») [15, б. 109], а далее сообщается, что к «сыну» Алангу Чингису были отправлены люди из 6 или 7 «элей» [15, б. 108, 125], что вообще-то с тремя названными «огулами», бежавшими ранее с Чингисом, тоже дает 9 или 10 позиций. Но если мы всмотримся в отмеченный «не стандартный» список кланов, то обнаружится, что в него все равно «вкраплены» ряд кланов (тэлэнгут/тангут, муйтан, кирэйэт, тама, уйсын), известные из основного, более древнего, списка. Поэтому не исключено, что в «не стандартном» списке мы обнаруживаем «вторжение» в него клановых групп из другого политического объединения, о чем могут свидетельствовать появление там таких клановых наименований, как барлас, чыгытай, канлык (каңлы?).

Несмотря на такие разночтения, нам сейчас следует сосредоточиться на основном списке с 14(15) кланами, где фигурируют 10 кланов во главе с Майки бием и 4 клана во главе с Конгратом. Объясняется это двумя обстоятельствами.

Во-первых, Уйшын Майки би, изначально бывший правителем 9 кланов, после посещения бежавшего Чингиса получает от него «бекство», став беком при хане Чингисе. Затем он едет на телеге (о последнем см.

далее) вместе с Чингисом в «город Алангу», а после вхождения в ее дворец, садится справа от хана (*ханнын уң ягыннан урун алды*) [15, б. 129–130]. Тут явно моделируется положение Майкы-бия из клана уйшын как командующего правым крылом (мейманэ) Улуса Джучи, о чем нам известно благодаря Рашид ад-Дину [10, с. 274]. Далее, в разбираемом источнике есть любопытный пассаж о том, что для привода бежавшего Чингиса в ставку его матери, один из пришедших к нему биев – Калдар-би б. Балын-би изготовил арбу, за что был обозначен как «пир арбы», то есть, объявлен особым мастером, владевшим искусством изготовления арбы. Создается впечатление, что Калдар б. Балын, уже вроде бы вполне «вписанный» в ближний круг Чингисхана, все равно имел некую культурную отличительность от других знатных лиц, находившихся в его окружении. Не подразумевается ли тут намек на иную этничность Калдара-бия, происходившего, как нами ранее было установлено, от предводителя клана албыр «эмира Бачмана» из группы кимаков? Похоже, что да, тут действительно скорее всего подчеркивается происхождение Калдар-бия б. Балына из иной этнокультурной среды, чем остальные клановые вожди, поехавшие к Чингису (Исхаков, 2018, с. 34). Эта «особость» Калдар бия б. Балына отчетливо видна из одного из вариантов «Дефтер-и Чингис-наме», сохранившегося только в русском переводе как «История Чингисхана и Тамерлана», где пришедшие к Чингису 10 человек объявляют, что они «старшие главари, от 9 родов» и только Калдар бий оказался «от себя». Затем там тоже рассказывается, как Калдар бий Балёнов «первым сделал телегу» [3, с. 133–134]. Наконец, весьма любопытно, что 4 клана (Катай, Салжут, Кыйат и Конграт), не подчинявшихся вначале Чингисхану, более того, выступавшие как члены иного политического объединения и находившиеся, видимо, в лагере враждебно настроенных к нему его «дядьев», затем через действия дочери предводителя клана Конграт по имени Буртэ-Кучин, будущей жены Чингисхана, оказались в экстремальных условиях «вписанными» во владение основателя Еке Монгол Улуса [15, б. 130]. Есть ли тут какое-то историческое основание такому сюжету источника? Думается, что есть и тут явно подразумевается противостояние разных клановых групп на начальной стадии формирования Еке Монгол Улуса, когда сородичи Чингиса не всегда были с ним едины.

Что касается исторических источников, таких известных, как «Сокровенное сказание» и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, то там обнаруживается, что в первом из них, датируемом в ранней версии XIII в., а в более поздней – XVII в., ничего сходного с информацией из «Дефтер-и Чингис-наме» не содержится. При этом вопрос о матери и жене Чингисхана там имеет совершенно иную трактовку [12; 6]. Анализ «Сборника летописей» Рашид-ад Дина, созданного в Хулагуидском государстве между 1300–1307 гг. с использованием старых монгольских и тюркских источников [9; 10], дает такой же результат. Более того, фигурирующие в «Дефтер-и Чингис-наме» сыновья Алангу (Алан-Гоа) Будантай и Булгунтай,

выступающие как старшие дядья Чингиса [15, б. 103], в двух вышеназванных источниках как сыновья Алангу предстают как представители очень далеких от Чингиса поколений [12, с. 13–18; 10, с. 10–11]. Они, согласно этим источникам, не имели никакого отношения как ко времени жизни Чингиса, так и его жены Бортэ, дочери предводителя клана кунграт Дэй-нойона [10, с. 68].

Короче, «Дефтер-и Чингис-наме» в качестве исходного предшественника не может иметь прямо собственно монгольские источники XIII–XIV вв. и более поздних времен (XVII в.). Как же тогда нам оценить источники сведений о кланах и клановых вождах из «Дефтер-и Чингис-наме» вкупе с другими содержащимися там данными о Чингисхане и его предках? Похоже, что в них надо видеть сложившиеся уже в Золотой Орде преимущественно на основе фольклорных сведений материалы, попавшие позднее в письменные тексты. Для того чтобы удостовериться в этом, нам необходимо опять вернуться к рассмотренным двум спискам клановых вождей и кланов, содержащихся в «Дефтер-и Чингис-наме».

Если идти вслед за более ранним списком клановых вождей и кланов из «Дефтер-и Чингис-наме», то обнаружится, что находившийся в числе 4000 выделенных Джучи войск одну тысячу возглавлял Байку, то есть Майки из племени хушин (уйшын), ведавший подразделениями войск правой руки (*барангур*, *меймане*), скорее всего периода правления Бату [10, с. 274]. Так как другой тысячей у Джучи ведал «эмир из племени хушин» по имени Хушитай, бывший «из числа родичей Боорчи-нойона», а «тот был из племени арулай, главой тысячи» и считался «самым старшим из эмиров» Чингисхана, командовавшего войсками «правой руки» всего Еке Монгол Улуса, имея в качестве заместителя тысячника Борагул-нойона из племени хушин [10, с. 267–268], несмотря на некоторую неопределенность клановой принадлежности (то ли арулат, то ли уйшын/хушин) Боорчи-нойона, Майкы-би (нойон) из клана уйшын оказывается знатым и значимым лицом [10, с. 171], главой правого крыла Улуса Джучи, видимо, периода правления хана Бату или немного раньше. Именно из-за своего высокого статуса он и попал скорее всего в предводители 9 кланов из «Дефтер-и Чингис-наме». Заметим, что в эту «девятку» Калдарбий б. Балын первоначально не был вписан. То есть, если самого Майкы бия из клана уйшын считать тут за главную фигуру и «приподнять» над остальными кланами, последних остается 8 подразделений. Таким же образом, как Майкы бий из клана уйшын, клан подразделения салжут (салжигут) в этом списке мог появиться из-за того, что при Джучи его глава Мунгур (Мунгэду-нойон) в качестве тысячника ведал левым крылом (*мейсарэ*) войск Бату [9, с. 183; 10, с. 274]. Однако, ни тот, ни другой клан в разбираемом источнике по-иному не выделены, в том числе и не стоят во главе списка кланов, хотя уйшын Майкы би представлен в числе первой четверки кланов из списка. А вот упоминание на почетном первом месте Бодончара (Бодончора), «сына» Кията, там далеко не случайно – Бодон-

чар-каан считался третьим сыном Алан-Гоа, к которому восходило родословное Чингиса, происходившего из клана кият (кият-борджигин) [9, с. 14–15]. Получается, что кияты из списка появляются там из-за знатности рода Чингисхана.

Отдельного внимания в данном случае заслуживает информация из «Сокровенного сказания» о выделении Джучи отцом 9000 юрт с приставлением к нему Хунана (Хуна), Мункеура и Кете (Хитана) [11, с. 120; 6, с. 186–187]. Тут Хунан это уйшын Хуштай, Мункер/Мунгур – это тысячник сиджиут, а Кете-Кунан нойон, глава тысячи из клана кингит. Как видим, «четвертной» характер тысяч, приставленных к Джучи, тут не отражен, но зато стоит принять во внимание присутствие и в этом случае тысячного контингента в рядах воинов Джучи из клана кингит. Все дело в том, что его, по «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана, когда Чингисхан послал Джучи как «даругачи над кипчаками» (а это случилось явно позднее, чем ему были выделены отмеченные выше 4 тысячных отряда), он не просто «отделил» для управления новыми землями, но и выделил для этого с целью верховодить над «землею оросутов и чэркисутов» Хукин-нойона, отдав тому «западную сторону» владения Джучи и отрядив вместе с ним «восемь тысяч людей». Но при этом Мунгету-багатуру было предписано оставаться на месте [6, с. 230–233]. Как видим, в этом новом сообщении глава клана кингит Хукин-нойон отвечает за правую половину (запад) владения Джучи и имеет под своим началом 8000 воинов (а это 8×1000), а Мунгету-багатур, глава 1000 воинов из салджигутов, остается, похоже, попрежнему ответственным за войска «левой руки» во владении Джучи. Но, внимание! – в итоге получается 9000 войско, которое можно рассматривать как 9 тысячных подразделений, в «Сокровенном сказании» и «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана указанных как 9000 «юртов»! Мы пока эту «девятку» просто запомним, как и про кингита тысячника Кунана-нойона, отвечавшего у Джучи за запад его владения, ибо о них есть весьма содержательная информация в дастане «Идегей», к которой обратимся позже.

Рассмотрение более древнего списка из «Дефтер-и Чингис-наме» позволяет, как думается, обнаружить в нем отчетливый след некоего достаточно раннего этнополитического объединения, исходно связанного с Еке Монгол Улусом периода правления Чингисхана, но затем отразившем и реальности истории уже Улуса Джучи. И тут показательны колебания составителей «Дефтер-и Чингис-наме» относительно фигуры Калдар б. Балын бия, ибо стоявший за ним клан албыр оказался в Улусе Джучи лишь в 1237 г. Но тем не менее наличие в рассмотренном списке отдельной позиции «Кыпчак-бия», не исключено, сигнализирует о присутствии у Джучи каких-то групп кыпчаков, например, связанных с государством Хорезмшахов, еще до начала Западного похода 1230-х – начала 1240-х гг., когда Джучи уже был покойным, а клан албыр был присоединен к Улусу Джучи.

Теперь мы можем перейти ко второму, более позднему по времени, списку клановых вождей и кланов из «Дефтер-и Чингис-наме». Изучение

его показывает, что в нем прежде всего следует выделить группу кланов, напрямую связанных с ханом Тохтамышем. Имеем в виду Кара-ходжу бия из клана аргын, Сарай бия из клана барын и Уренг-Тимура из клана «кыпчак-шырын». То, что они являлись личными элями (каучин) предков хана Тохтамыша, вытекает из нескольких источников. В «Межмуат ут-таварих» Ахсикенти есть пассаж о том, что эли «бахрин, оргун, кыпчак и байри» были вместе с ханом Тохтамышем [11, с. 46]. Тут группа «байри» – это клан шырын, но почему он в данном случае назван так, неизвестно. Насчет того, что данные четыре клана являлись личными элями хана Тохтамыша, прямое высказывание есть у Утемиша-хаджи [14, с. 115]. Причем ширин Уренг-Тимур, ставший после поражения хана Уруса от хана Тохтамыша, его «услуг беком», фигурирует в «Кара таварих» Утемиша-хаджи [13, с. 53, 58–59, 62, 67], там же упоминается Сарайбек [13, с. 66, 72] (он был главой клана барын) [5, с. 77]. Аргын Кара-ходжа, известный из дастана «Идегей» как глава этого клана, упоминается накануне смерти Тимура у Шараф ад-дина Йезди в «Зафэр-наме» (завершено в 1424/1425 г.) как один из «старинных нукеров» хана Тохтамыша [2, с. 366]. Но в другом издании этого источника, при описании этого же события, он назван «Кара Ходжа, из людей рода байри» [16, с. 342]. Не видим мы из «Чингис-наме» Утемиша-хаджи в ближайшем окружении потомков хана Тохтамыша лишь представителей клана кыпчак, хотя сочетание «кыпчак ширин» из указанного выше списка кланов может быть косвенно свидетельствует о присутствии среди ближнего круга людей хана Тохтамыша этого клана. Но не исключен и другой вариант – этот клан у Утемиша-хаджи может быть фигурирует в лице главы клана кыпчак Айас-бека, находившегося среди кланов, оказавшихся у хана Борака, но затем перебравшегося к Кичи-Мухаммеду, получив у него за заслуги должность «дараги Сарайчика» [13, с. 78]. Как бы то ни было, если отделить из анализируемого списка эти 4 клана, там остаются остальные клановые подразделения, часть глав которых тоже можно ввести в определенные хронологические рамки.

Так, Джир Кутлы, определенный как сын кыйата Астая, а также кыйат Мамай, у Утемиша-хаджи упоминаются как важные лица – первый во «время смуты» увел «левое крыло» на «берега реки Сыр-Дарьи», а второй – «забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым» [13, с. 47]. Более того, именно кыйат Астай (Исатай) совместно с салджигутом Алатаем привели в г. Сарай и возвели на сарайский трон Узбека, за что Астай видимо и получил от него в управление левое крыло Улуса Джучи «с племенами», доставшиеся потом его сыну кыйату Джир Кутлы, затем внуку Астай Тенгиз-Буге [14, с. 109; 13, с. 41–43]. Тогда же Алатаю из клана салджиут было выделено племя минг (*мең*) [13, с. 43]. В итоге получается, что Алатай би буркут из списка, это другая личность. Пока ясно одно – Джир Кутлы и Мамай б. Алач, оба в реальности из клана кыйат, отражают имена двух знатных лиц из Золотой Орды времени завершения правления хана Бердибека, но до начала эпохи «великой замятни».

Сейчас о некоторых других лицах из данного списка. Скажем, интересен Амет би сын Исы из клана уйшын. Более чем вероятно, что это тот самый Амет би, который является героем специального дастана, включенного в «Дефтер-и Чингис-наме» и посвященного ему. Из дастана вытекает, что он выкрал у хана Джанибека и его жены Тайдуллы их дочь, затем скрывался от гнева хана [1, б. 33–35]. Кстати, именно при возвращении его вместе с этой дочерью хана, скрывавшейся до того у Бердибека, они, когда дошли до владения хана Джанибека, вначале гостили у Темира, сына Мэнгэля (в нашем списке это кыпчак Мэнгэл углы Темир би), затем скрывались от гнева хана в излучине Итиля (*Идел якасында*). Там их и застал, согласно дастану, пришедший с войском по распоряжению хана Джанибека Алачин Алау (а это Алчын Алав из списка). Лишь после смерти Джанибека, когда ханом стал Бердибек, Амет б. Иса вернулся к новому хану и «владел половиною его юрта», как гласит дастан. В своих прежних работах мы предлагали видеть в отце Амет бия Исе того Иса-бека, которого Ибн Баттута именовал «старшим эмиром», «начальником эмиров», «начальником улуса» у хана Узбека [2, с. 135–136]. Этот Иса-бек был женат на дочери хана Узбека, то есть являлся гургеном, а Узбек, в свою очередь, был женат на дочери этого бека [2 с. 135]. Ранее мы думали, что кыйат Исатай (Астай) и Иса-бек – это одно и то же лицо (Исхаков, 2009, с. 39; Исхаков, Измайлов, 2007, с. 120). Но на самом деле правильнее будет видеть в зяте хана Узбека Иса-беке уйшына Ису, отца Амет-бия. Такое мнение ранее высказывалось и И.А. Мустакимовым (Мустакимов, 2009, с. 276).

Обратим также внимание на то, что одна из жен хана Узбека, согласно Ибн Баттуте, являлась дочерью эмира Нагатая, в котором надо видеть эмира Нангудая из клана конграт [2, с. 135], чей сын Ак-Хусейн являлся правителем «вилаята Хорезма» [14, с. 113]. В этой связи обратим внимание и на присутствие в рассматриваемом списке саджиута Али-бия – как видно из «Чингис-наме» Утемиша-ходжи, во время кратковременного правления в Золотой Орде Базарчи-хана (около 1362 г.), Тайдулла-бегим, которая способствовала приходу этого хана во власть, полагая, что «Сиджуд `Али-бек, [бывший] из старших эмиров, ...не покорится ...Базарчи... вызвала его», затем «[его и] убили», а его сын «по имени Хасан», бывший «племянником сына Конграта Нагадая Ак-Хусайна, ... бежал и пришел к [нему]» [14, с. 113]. То есть речь идет опять о личности, жившей перед началом «великой замятни».

Из оставшихся непрокомментированными имен беков из изучаемого списка можно еще попытаться ввести в хронологические рамки такие фигуры, как Котлу Буга бий с неясной клановой принадлежностью, а также Темир бий из клана ак-мангыт. Что касается первого, то нам из Утемиша-хаджи известен бек из племени найман Кутлуг-Буга, находившийся в окружении Шибанида Хызр-хана в момент его восшествия на сарайский престол [14, с. 112]. Более чем вероятно, что это тот самый Cotlubuga, который известен из ярлыков хана Джанибека (1347) и хана Бердибека (1358), данного

венецианцам; он же фигурирует видимо и в ярлыке, выданном митрополиту Алексею (1357). Это было важное лицо – у ал-Муhibби он упомянут не только как Кутлубуга инак, но и как «наместник хана Джанибека, один из [тех] четырех, которые по принятому обычаю, бывают правителями в землях Узбека» [разбор исторических сведений см.: (Исхаков, 2009, с. 37–38)]. Принадлежность Котлы Буги к клану найман, а не к группе «э.н.джли» (кстати, его звание «инак» по ал-Муhibби может быть связано вот с этим неясным термином), вытекает из того, что он как раз вписывается в ряд беков времен правления хана Джанибека и хана Бердибека. А вот насчет акмангыта Т.м.р (Тимир или Тимур) бия ситуация сложнее. Это скорее всего может быть Тимур б. Мансур, внук Идегея (ум. около 1484–1486 гг.), беклярибек Большой Орды второй половины XV в. (Трепавлов, 2001, с. 99, 120). Так как именно у него в рамках Большой Орды был собственный юрт – «Темиров улус» из представителей клана мангыт (Трепавлов, 2001, с. 99, 123), определение клановой принадлежности Тимура (Темира) бия из списка как «ак мангыт», могло означать «западные (ак – запад) мангыты», что и соответствовало географическому положению мангытов, входивших в виде «Темирова улуса» в Большую Орду. Но если это так, то получается, что данная клановая позиция из разбираемого списка относится уже к иной эпохе, чем клановая группа, о которой речь шла выше, отстоя от нее на целый век или несколько меньше, если принять во внимание клановые группы из окружения хана Тохтамыша. Отсюда возможен другой вывод – раз тут присутствует беклярибек Большой Орды ак-мангыт Тимур (Тимер), то это может указывать на преемственную связь между Золотой Ордой и Большой Ордой, являвшейся, как известно, «престольным юртом/тахт эли» (Трепавлов, 2010, с. 9), прямым наследником Улуса Джучи. К сожалению, клановая структура Большой Орды известна недостаточно (там находились кланы кыйат, китай/катай, кыпчак, алчын, минг/сарай-минг, найман, уйшын, конграт, мангыт, салджигут) (Исхаков, 2009b, с. 41–45; Трепавлов, 2010, с. 22–23), поэтому мы не можем однозначно утверждать, что второй список из «Дефтер-и Чингис-наме» отражает клановый состав Большой Орды, но совпадений достаточно много. Правда, это может быть и следствием определенной, но далеко не полной преемственности между Золотой Ордой и Большой Ордой. Одновременно наблюдается значительное совпадение кланового состава Ногайской Орды XV–XVI вв. со списком кланов из «Дефтер-и Чингис-наме», на что ранее мы указывали (Исхаков, 1998, с. 156–158). Заслуживает внимания и число основных кланов, входивших в Ногайскую Орду – их насчитывалось от 14 до 18. Но такие соответствия не удивительны, учитывая то, что Ногайская Орда сформировалась в основном за счет кланов бывшей восточной половины (Кок Орда) Улуса Джучи, да и основатель этого этнополитического объединения Идегей являлся беклярибеком именно этой части Золотой Орды (Трепавлов, 2001, с. 79). Следует также учитывать, что после распада Золотой Орды Мангытский Эль, вставший во главе кланов восточной зоны, длительное время взаимодействовал с госу-

дарством кочевых узбеков во главе с Шибанидами, да и позже поддерживал с последними тесные связи в лице Тюменского, затем Сибирского, а также Бухарского ханств. Тем не менее, клановый состав Ногайской Орды вряд ли лег в основание интересующего нас списка из «Дефтер-и Чингис-наме». Об этом прежде всего свидетельствует присутствие в этом источнике целого ряда клановых вождей и кланов «времен хана Джанибека», подтверждаемые другими источниками. Поэтому можно думать, что в «Дефтер-и Чингис-наме» мы скорее всего видим результат некоторого сознательного конструирования его создателями определенного идеального набора кланов, не исключено, исходя из кланового состава прежде всего Большой и Ногайской Орд. При этом отчетливо видно, что целый ряд этих кланов не просто связаны с эпохой Великой Монгольской империи Чингисхана, но и с Улусом Джучи. Там есть и совершенно ясный идеологический заряд, о чем еще скажем далее. Но пока нам надо прояснить один весьма серьезный вопрос об объединениях из 9-10 и 17 (15-16) кланов, который остался не раскрытым. И поможет нам в этом дастан «Идегей».

При изучении исторических реалий, содержащихся в дастане «Идегей», нами было обнаружено, что там фигурируют некие структуры, которые именуются «девять юртов» (*«тугыз йорт»*) и восемь юртов (*«сигез йорт»*). Обратим внимание, что в сумме они дают 17 «юртов». Хотя в содержании дастана имеются и другие цифры по «юртам» (60, 90 юртов), первые два деления представляют интерес потому, что они выступают там как определенные сообщества клановых вождей, что применительно к «девятке» видно отчетливо. Удалось установить, что клановый набор данной «девятки» с этими вождями хотя и различался в разных версиях рассматриваемого эпического произведения, но имел и определенное сходство (присутствие таких групп, как кыпчак из муйтена, аргын, туман, барын, шырын, минг, найман, уйсын). Во главе этой корпорации стоял военачальник Кыпчак би (вспомним о «кыпчак шырын» бие Уренг-Тимуре!). Детальное исследование данного вопроса позволило нам заключить, что под «девятью юртами» дастана «Идегей» зашифровано правое крыло (Ак Урда) Золотой Орды, а под «восемью юртами», левое крыло (Кок Урда) (Исхаков, 2025, с. 106–116). И что интересно, несмотря на то, что в дастане во главе «девятки» стоит воевода Кыпчак би, когда было решено захватить бежавшего Идегея, к группе из 9 батыров (*ур*) был еще приставлен сын Кемала Кин-Джанбай, как оказалось, не случайно названный в дастане «советником», «старшим бием», «старшим аталыком» хана Тохтамышша – он являлся по клановой принадлежности из племени кенегес! Вспомним об отправке Чингисханом восьмитысячного войска во главе с кенегесом (кингит=кенегес) Хукин-нойоном как правителя правого крыла Улуса Джучи.

Имеется весьма любопытный эпизод, приводящийся в труде Мирзы Улугбека «Түрт улус тарихы» и подтверждающий устойчивость деления на правое и левое крылья Улуса Джучи с нахождением в рамках каждого из них своего набора клановых подразделений. Так рассказывается, что в

ходе сражения войск Тохтамыш-хана с войсками Тимура в 1395 г., из правого крыла армии первого из-за необходимости укрепления левого ее крыла, подразделение барынов (бахрин улусы) во главе с Яглы бий-бахадуром было перемещено туда и впоследствии осталось там у «узбекских султанов». Это было признано экстраординарным событием, ибо, согласно источнику, клан барын занимал правое крыло со «времен Огуз-хана», то есть издревле. При этом указывается, что до этого такие кланы, как бахрин (барын), кунграт, найман, джалаир, уйшын занимали именно правое крыло, считаясь одной «партией» (фирка), именовавшейся «каратабыншон» [8, с. 233]. Напомним, что в родословных клана табын во главе его стоял именно уйшын Майкы-бий.

Короче, вот эта «девятка», как особая клановая корпорация, имела устойчивый характер, возводясь в «Дефтер-и Чингис-наме» ко временам Чингисхана.

А вот что касается цифры 17 (15-16) кланов из списка племен в «Дефтер-и Чингис-наме», то она тоже имеет совершенно конкретное объяснение, но не только из дастана «Идегей». Дело в том, что у Ибн Баттуты фиксируется церемониал – парад войск в 1334 г., проходивший в рамках курултая в районе Бешдага. Так вот, на этом военном параде, перед наблюдавшим его ханом Узбеком прошли 17 десятитысячных подразделений (туменов) во главе с 17 эмирами-темниками. Это во-первых, во-вторых, этот же путешественник побывал еще в Хорезме и затем описал проходившее там судебное заседание в резиденции великого эмира Кутлуг-Тимура, на котором вместе с правоведами (кадии, шейхи, юристы) рядом со «старшим эмиром» находились еще 8 других «старших эмиров» [2, с. 146]. Если один из «старших эмиров» на этих судебных заседаниях мог представлять правителя Хорезма «великого эмира» Кутлуг-Тимура (возможно, из клана кыйат), то остальные 8 старших эмиров могли быть главами находившихся в этом владении 8 основных кланов. То есть, тут мы видим, как раз отражение существования «восьми юртов» из дастана «Идегей» на левом крыле Золотой Орды.

Получается так, что 17 (иногда меньше) вождей и стоявших за их спинами кланов, возводимых ко временам Чингисхана, это изначальные военно-клановые подразделения Улуса Джучи, имевшие в Золотой Орде особый статус – недаром они проводили свои тьмы перед ханом Узбеком в ходе смотра войск, своеобразного военного парада фактически гвардейских частей Золотой Орды периода его наивысшего расцвета. И историческая память об этих славных кланах сохранялась в Улусе Джучи не только в период его расцвета во время правления хана Узбека и его сыновей, но и позже, уже в рамках поздnezолотоордынских политий XV–XVI вв., о чем прямо свидетельствует все содержание «Дефтер-и Чингис-наме», да и данные из дастана «Идегей» тоже.

Сейчас нам необходимо сформулировать некоторые общие выводы относительно татарских кланов, присутствующих в содержании «Дефтер-и

Чингис-наме», а также об их взаимодействии с родом Чингисхана, с учетом новых деталей, которые там представлены. Таких моментов там несколько.

Во-первых, все представленные там клановые вожди и их кланы получили свою легитимацию по воле Чингисхана. Он не просто выделил им владения (*урун-макам*), но и узаконил само их существование, наделив эти племена отдельными клановыми атрибутами (*агач* – дерево, *кош* – птица, *уран*, *тамга*). Более того, сами вожди племен лично от Чингисхана получили боевые снаряжения (*савыт*), имевшие особые наименования, видимо, весьма ценившиеся и уникальные, передававшиеся даже по наследству.

Во-вторых, род Чингисхана, волею истории занявший особый, над-клановый статус («Алтын уруг/Золотой род»), тем не менее показывается там и как конкретное племя, обладавшее всеми клановыми атрибутами (дерево – *чинар*, птица – *ике баиш каракош*, уран – *жан каба*, тамга – *кош-баиш*), то есть происхождение этого знатного рода от клана кыйат (кыйат-борджигин) не забывалось (хотя клан кыйат там представлен отдельно), как и то, что фактически Чингиса (следовательно и весь род Чингисидов) на престол посадили и далее сажали иных Чингисидов, именно клановые вожди, особенно знать девяти племен (затем представлявших Ак Орду). Тут на самом деле был заложен глубокий смысл – хана могли поднять на трон – и поднимали – только вожди аристократических, «изначальных» кланов. Следовательно, хотя эти кланы были Чингисханом наделены владениями и доходом (*илкөн*), а также племенными атрибутами, фактически учреждая их, Чингис, а в дальнейшем и его потомки, должны были помнить, как они возводились во власть клановыми вождями определенного круга ставших аристократическими, племен. И эта система продолжала функционировать как в Улусе Джучи, так и в татарских политиях, возникших после распада Золотой Орды.

В-третьих, история «Золотого рода» в виде отдельного дастана, излагающего и сведения о круге кланов и клановых вождей, связанных с Чингисханом, в «Дефтер-и Чингис-наме» сопровождается еще и иными дастанами, к которым тоже стоит присмотреться. Скажем, Амет б. Гайса (Иса) оказался не просто уйшыном, но и, согласно дастану, «владел половиной юрта» во главе с ханом Бердибеком, являясь заодно и гургенем Джанибек-хана. Вспомним, что изначально и уйшын Майки би был правителем правого крыла Улуса Джучи. А в дастане об «Идегее», из «Дефтер-и Чингис-наме», как это вполне очевидно, надо видеть рассказ о другом знатном лице из Золотой Орды, беклярибеке левого крыла этого государства Идегее. Тут нет случайности, эта информация очень хорошо вписывается в общее повествование о Чингисидах. Да и дастан о «юртах» из этого источника, представленный за одним исключением как владения Чингисидов, из этого же разряда. А когда речь там заходит о «юрте» Бачмана (Бачман-хана), надо напомнить, что потомки его из клана албыр после создания Золотой Орды оказались в ее составе знатными лицами, в дальнейшем положив начало Арским князьям из клана кыпчак в Казанском

ханстве. Да и другие дастаны (об Аксак Тимере, об истории Шахри Булгара и Казани) раскрывают на самом деле судьбу Булгарского вилайета Золотой Орды, ставшего в конце концов Казанским ханством. Примем также к сведению, что эти последние дастаны повествуют о событиях, происходивших в Поволжье, ядровой территории Золотой Орды.

В конечном счете дастан «О роде Чингисхана» оказывается началом истории для татар (и не только для них). Именно поэтому в исторических сочинениях, возникших на бывших территориях Золотой Орды, таких как «Чинис-наме» и «Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Джамигут таварих» Кадыр Али-бека, «Шаджараи тюрк» Абульгазы Бахадур-хана, «Умдет алахбар» Абдулгаффара Кырыми, «Семь планет в известиях о царях татарских» Сейида Мухаммеда Ризы, мы везде обнаружим аналогичное «чингисидское» введение в историю разных бывших золотоордынских территорий и населяющих их тюркских групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из изученного материала, сохранившегося в «Дефтер-и Чингис-наме», можно утверждать, что главной, стержневой линией этого источника, являлась история средневековых монголо-татар или просто татар, их кланов, клановых вождей и правителей – Чингисидов. С полным правом поэтому мы это произведение можем считать сжатым изложением истории становления служило-татарского военного сословия Улуса Джучи, построенного на клановых основаниях. Не следует забывать, что и к XVII в. все эти кланы еще реально существовали в Крымском ханстве, Ногайской Орде, на землях бывшего Астраханского ханства, в казахских полициях, а также в Бухарском и Хивинском ханствах, со всеми которыми поволжские татары имели обширные контакты. Да и сами татары Поволжья не забывали про своих знатных предков, связанных с золотоордынскими кланами (весьма показателен в данном случае пример с родом Кара-бека из клана кыпчак, имевшем в Казанском ханстве статус Арских князей, да и в Касимовском ханстве следы кланов к началу XVII в. еще сохранялись).

Но эта история была именно «татарской», то есть, историей верхней, господствовавшей в Чингисидских владениях, феодальной военно-служилой знати и их сородичей, из которых были рядовые воины. Тут нет истории ясачно-крестьянского сословия, в разных частях Золотой Орды и на территориях ее политических наследников именовавшегося по-разному (бесермяне/мусульмане/чуваши; иштяки и т.д.).

Следовательно, когда татарские историки в XIX в. взялись за написание национальной истории, им пришлось исходить из двухвекторности истории татарского народа, интегрировав разные ее составные в единый нарратив. Как представляется, с этой задачей блестяще справился Шигабутдин Марджани, отец татарской истории, которому удалось интегриро-

вать болгарский и золотоордынско-татарский векторы истории в целостный исторический концепт.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Дәфтәре Чыңгыз-намә. Казан: «Иман» нәшрияты, 2000. 44 б.
2. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения / сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2003. 448 с.
3. История Чингисхана и Тамерлана // Труды Оренбургской УАК. Т. XIX. Оренбург, 1907. С. 133–134.
4. Кадыр Али-бек. Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. изд. текста, исслед., критического текста, пер. с тюрки, словаря Р. Алимов; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 544 с.
5. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. 2. Вып. 5 / пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная ред., пред. и коммент. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
6. *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / пер. с монг., введ., ком. и приложение Н.П. Шастиной // Памятники письменности Востока. Т. X. М.: Наука, 1973. 439 с.
7. Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан: Татар кит. нәшр., 2011. 331 б.
8. *Мирза Улугбек*. Тўрт улус тарихы. Ташкент: Чўлпан нашраёты, 1994. 233 б.
9. *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.: НИК «Ладомир», 2002. 221 с.;
10. *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.: НИК «Ладомир», 2002. 315 с.
11. Сайф ад-дин дамулло Шах Аббас Ахсикенти, аның уулу Нурмухаммед. Тарыхтардың жыйнагы («Маджму ат тут-таварих») / котор. М. Досболов, О. Саронов, Б.: «Акыл» мамконцерны, 1996. 128 с.
12. Сокровенное сказание монголов. Монголои нюуса тобшо / пер. С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990. 318 с.
13. Утемиш-хаджи. Кара таварих / транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
14. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер., транскр., текста, прим., исследование В.Т. Юдина; коммент. и указ. М.Х. Абусаитовой. Алма-Ата: «Гылым», 1992. 240 с.

15. «Чыңгызнамә»: тарихи дастаннар / төз. Р. Мәрданов. Казан: «Милли китап» нәшрияты, 2019. 288 б.
16. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / пер. со староузб., предисл. и комм., указ. и карта А. Ахмедова. Ташкент: Изд-во «San'at», 2008. 486 с.
17. *Ivanics M., Usmanov M.A.* Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär-i Čingiz-nāmā). I. (Wortwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). *Studia Uralo-Altaica* 44. Szeged, 2002. 324 p.

ЛИТЕРАТУРА

- Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань: Фэн, 2009. 164 с.
- Исхаков Д.М.* Исторические реалии в тюрко-татарских дастанах («Ак Ку-бэк», «Туляк и Сусылу», «Идегей», «Чура батыр»). Екатеринбург: УрО РАН, 2025. 208 с.
- Исхаков Д.М.* История рода Яушевых в средневековый период и кимакская проблема. Воронеж – Казань: ООО «Фаворит», 2018. 116 с.
- Исхаков Д.М.* О 17 темниках хана Узбека (по описанию Ибн Баттуты) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. Казань: Институт истории АН РТ, 2009а. С. 111–112.
- Исхаков Д.М.* Одно из важных наблюдений Ибн Баттуты по внутреннему устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 21–27.
- Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.
- Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009b. 276 с.
- Исхаков Д.М., Тычинских З.А.* Проблема восточных границ Булгарского вилаета Золотой Орды и Казанского ханства в конце XIV–XV вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 860–879. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.859-879>
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Клановая структура Улуса Джучи // Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. Казань: Фэн, 2007. С. 108–143.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Татарские кланы Улуса Джучи: происхождение и место в системе власти // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 178–203.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007а. 356 с.
- Мустакимов И.А.* Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и со-

предельных стран / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М.: Вост. лит., 2009. С. 273–283.

Мустакимов И.А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009а. С. 122–131.

Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. 160 с.

Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 165–176.

Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010. 112 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. 222 с.

REFERENCES

Iskhakov D.M. *Historical essays*. Kazan: Feng, 2009. 164 p. (In Russian)

Iskhakov D.M. *Historical realities in the Turkic-Tatar dastans ("Ak Kubek", "Tulyak and Susylu", "Idegey", "Chura Batyr")*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2025. 208 p. (In Russian)

Iskhakov D.M. *The history of the Yaushev family in the medieval period and the Kimak problem*. Voronezh – Kazan: Favorit LLC, 2018. 116 p. (In Russian)

Iskhakov D.M. *About the 17 dungeons of Khan Uzbek (as described by Ibn Battuta)*. Idel-Altai Forum. Proceedings of the scientific and practical conference "Idel-Altai: the origins of the Eurasian civilization", the I International Congress of Medieval Archeology of the Eurasian Steppes. Tez. dokl. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009a. Pp. 111–112. (In Russian)

Iskhakov D.M. *One of the important observations of Ibn Battuta on the internal structure of the Golden Horde*. Golden Horde Heritage. Issue 2. Proceedings of the Second International Scientific Conference "Political and Socio-economic History of the Golden Horde", vol. in memory of M.A. Usmanov. Kazan, March 29-30, 2011. Ed. and comp. I.M. Mirgaleev. Kazan: Foliant, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011. Pp. 21–27. (In Russian)

Iskhakov D.M. *From medieval Tatars to Modern Tatars (an ethnological look at the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries)*. Academic publication. Kazan: Publishing house "Master Line", 1998. 276 p. (In Russian)

Iskhakov D.M. *The Turkic-Tatar states of the 15th–16th centuries*. Kazan: Tatar Book Publ., 2009b. 276 p. (In Russian)

Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. The Problem of the Eastern Borders of the Bulgar Vilayet of the Golden Horde and the Kazan Khanate at the end of the 14th–15th centuries. *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 860–879. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.859-879> (In Russian)

Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *The clan structure of the Jochi Ulus*. Berthold Shpuler "The Golden Horde": research traditions and the present day. Ed. by I.A. Gilyazov, I.L. Izmailov. Kazan: Fen, 2007. Pp. 108–143. (In Russian)

Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *Tatar clans of the Jochi Ulus: origin and position in the power structure*. From Onon to the Thames. The Genghisids and their western neighbors. On the 70th anniversary of Mark Grigoryevich Kramarovsky. Moscow: Publishing house of Marjani, 2013. Pp. 178–203. (In Russian)

Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *The ethno-political history of the Tatars (III – mid-16th centuries)*. Kazan: Shkola Publ., 2007a. 356 p. (In Russian)

Mustakimov I.A. *Revisiting the question of the ancestors of "Mamai the Tsar"*. The Turkological collection. 2007–2008: History and culture of the Turkic peoples of Russia and neighboring countries. Ed. by S.G. Klyashtorny (prev.), T.I. Sultanov, V.V. Trepavlov. Moscow: East lit., 2009. Pp. 273–283. (In Russian)

Mustakimov I.A. *On one list of "Defter-i Chingiz-name"*. Medieval Turks-Tatar states. Collection of articles. Iss. 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009a. Pp. 122–131. (In Russian)

Sultanov T.I. *Nomadic tribes of the Aral Sea region in the 15th–17th centuries. (questions of ethnic and social history)*. Moscow: Nauka Publ., 1982. 160 p. (In Russian)

Sultanov T.I. *The experience of analyzing traditional lists of 92 "Ilatiya tribes". Central Asia in antiquity and the Middle Ages (history and culture)*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 165–176. (In Russian)

Trepavlov V.V. *The Great Horde – Takht eli*. Historical sketch. Tula: "Grif & K", 2010. 112 p. (In Russian)

Trepavlov V.V. *The history of the Nogai Horde*. Moscow: Oriental Literature, 2001. 752 p. (In Russian)

Usmanov M.A. *Tatar historical sources of the 17th–18th centuries*. "Collection of chronicles", "Daftar-i Genghis-nameh", "Tavarikh-i Bulgaria". Tatar Shajars. Kazan: Kazan University Publ., 1972. 222 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Исхаков Дамир Мавляевевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (Тобольск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-7556-8667>; e-mail: monitoring_vkt@mail.ru

About the author:

Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-7556-8667>; e-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 01.07.2026

Принята к публикации / Accepted 05.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.40-47>

Historiographical sources of Karakalpak storytelling art

J. Aytmuratov

*Karakalpak State University named after Berdakh
Nukus, Republic of Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan
aytmuratov.5757@gmail.com*

Abstract. The article examines historical materials on the creative activity of the legendary figure "Korkyt Ata", who had a notable influence on the formation of the art of the Karakalpak zhyrau. It considers the significance of performing folk dastans on the kobyz, which was created by "Korkyt Ata" for the Turkic-speaking peoples. It describes the contribution of such outstanding masters of the "Nogaily" era as Soppasly Sypyra zhyrau, Dospambet zhyrau, Asan Kaygy, and Zhirenshe sheshen to the development of the Karakalpak zhyrau art. Comparing the historical periods of the development of the zhyrau art, the author shows the stages of the formation of its school. In conclusion, the article provides information about contemporary masters who are glorifying Karakalpak zhyrau art on a global level.

Keywords: zhyrau art; "Korkyt Ata"; "Nogaily" era; Soppasly Sypyra zhyrau; zhyrau school

For citation: Aytmuratov J. Historiographical sources of Karakalpak storytelling art. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol.16, no.3, pp. 40–47. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.40-47>

Историографические источники каракалпакского сказительского искусства

Ж. Айтмуратов

*Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
Нукус, Республика Каракалпакстан, Республика Узбекистан
aytmuratov.5757@gmail.com*

Резюме. В статье исследуются исторические материалы о творческой деятельности легендарной личности «Коркыт Ата», оказавшей заметное влияние на формирование искусства каракалпакских жырау. Рассматривается значение исполнения народных дастанов на кобызе, созданном «Коркыт Ата» для тюркоязычных народов. Описывается вклад таких выдающихся мастеров эпохи «Ногайлы», как Соппаслы Сыпыра жырау, Доспамбет жырау, Асан Кайгы и Жиренше шешен в развитие каракалпакского искусства жырау. Сравнивая исторические периоды развития искусства жырау, автор показывает этапы формирования его школы. В заверше-

нии статьи представлена информация о современных мастерах, прославляющих каракалпакское искусство жырау на мировом уровне.

Ключевые слова: искусство жырау; «Коркыт Ата»; эпоха «Ногайлы»; Соппаслы Сыпыра жырау; школа жырау

Для цитирования: Aytmuratov J. Historiographical sources of Karakalpak storytelling art. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 40–47. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.40-47>

RESEARCH MATERIALS

In the course of the study of the Karakalpak folk epic, traditionally performed in a declamatory style to the accompaniment of kobyz melodies, its specific features have been identified, allowing for the reconstruction of the early stages of the formation of the art of storytelling. The research is primarily focused on studying scholarly sources that attest to the preservation by the Karakalpak people of both the ancient design of the kobyz and the archaic manner of performance up to the present day.

According to historical sources, the formation of the Karakalpak storytelling tradition is genetically linked to the activity of Korkyt Ata – a spiritual mentor and patron of kobyz performers, who, according to legends, lived in the 9th–11th centuries in the city of Yangikent on the banks of the Syr Darya. The theoretical basis of the research comprises the works of leading folklorist scholars (S. Bakhadirov, K. Palymbetov, V.M. Zhirmunsky, K. Aymbetov, A.N. Kononov, T. Adambayeva, N. Daukarayev, K. Makhsetov, M. Magauin), whose works have been subjected to critical analysis and used as representative source material.

SCIENTIFIC NOVELTY

The paper substantiates the proposition that Karakalpak instrumental and musical art originates from the sacralized power of the kobyz, personified in the figure of Korkyt Ata. It is the first time that the epics attributed to Korkyt Ata and legends associated with the history of the kobyz's creation are examined in a systematized form. With regard to the formation of the Karakalpak school of zhyrau, the findings confirm scholarly data on the creative activity of such representatives of the Nogai epic era as Soppasly Sypyra zhyrau, Zhirenshe sheshen, and Asan Kaygy. The article systematizes and lists the chronological periods in the evolution of the Karakalpak art of zhyrau, and characterizes the key figures of this school. The most significant conclusion concerns the activity of the 20th-century zhyrau, who made a decisive contribution to popularizing Karakalpak national art and folk music on a global scale.

RESEARCH RESULTS

In the process of evaluating the activity of the zhyrau, the author characterizes their unique performing abilities, which consist in the mental assimilation and reproduction from memory of a significant corpus of epic texts. The poetic lines created by the zhyrau are interpreted in the work as historical-philosophical sources that represent the tragic experience and sufferings of the peoples of the past. The analysis of the activities of Zhumabay zhyrau Bazarov, as well as Kiyas zhyrau Kairatdinov – whose performing mastery contributed to the recognition of Karakalpak zhyrau art in the global cultural space – allows us to draw a conclusion about the successive connection between generations (teacher–student) and about the functioning of the zhyrau school in the contemporary temporal context.

Korkyt Ata as an archetypal figure in the genesis of the art of the kobyz and zhyrau

Among the Karakalpak people, performers of folk epics who reproduce them from memory on the kobyz are called "zhyrau". Performing extensive epic poems, the zhyrau possess unique characteristics, distinguished by their mastery of melody, rhythm, and vocal technique. The zhyrau are performers of folk epics consisting of 15,000–25,000 lines of songs, set to kobyz melodies (Bakhadirova, 2017, p. 68). The Karakalpak people have preserved the kobyz created by Korkyt Ata in its ancient form and with the same manner of performance to the present day.

According to scholars, Korkyt Ata, considered the patron of the art of the zhyrau, was born between the 8th and 11th centuries in Jankent, the capital of the Oghuz, in the land of Bayata, and lived on the banks of the Syr Darya [1, p. 615–616]. Thus, in historical sources concerning Korkyt Ata, he is recognized to have been a wise singer, the father of spiritual storytellers, and the first inventor of the kobyz, a musical instrument of the Turkic-speaking peoples (Palymbetov, 2010, p. 69).

According to the fundamental study by V. M. Zhirmunsky ("Turkic Heroic Epic," Leningrad, 1974), Korkyt Ata appears in the Turkic epic tradition as the patron of the kobyz, an improviser, and a mentor of the zhyrau. In the book "Korkyt Ata," the term *uzan* is interpreted as "folk singer" who performed songs about Oghuz batyrs (Salar-Kazan, Derse-khan, Bamsi-Beyrek, etc.) (Zhirmunsky, 1974, p. 535). The kobyz of Korkyt Ata was endowed with a sacred function: according to a legend, its sound reconciled warring brothers (Sekrek and Ekrek), which testifies to the social-regulatory role of music in archaic society.

Of particular interest is the legend of the creation of the kobyz, recorded by K. Aymbetov from Yesemurat zhyrau. It represents the process of making the instrument as the result of a "recipe" overheard from demons (devils): the use of dry elm, camel calf skin, horsehair, and the sap of certain plants (Aymbetov, 1988, p. 73). K. Palymbetov rightly notes that the attribution of this

knowledge to demonic forces serves the function of sacralizing the craft and elevating the person of Korkyt Ata as a chosen one from above; otherwise, his status as a miracle-worker would have been lost (Palymbetov, 2010, p. 116).

In the Karakalpak version, recorded in 1965 by K. Mambetov from Dauletmurat, Korkyt Ata appears as the creator of the kobyz and the first melody ("Nar iydigen"), which arose from compassion for a camel calf (Palymbetov, 2010, pp. 108–109). These diverse legends, circulating among different Turkic peoples, confirm not only Korkyt Ata's inventiveness, but also his status as a spiritual mentor of the zhyrau, an optimist, and a long-liver, which coincides with the data provided by A. N. Kononov regarding Korkyt's service as a vizier under three khans (based on Abulgazi's "Shajarayi Tarakima") (Kononov, 1958, p. 57).

Periodization and main representatives of the Karakalpak school of zhyrau

The process of formation of the Karakalpak school of zhyrau can be divided into several historical stages:

- **Ancient period (up to the 14th century)** – the Korkyt Ata era, reflected in the book "Kitabi dedam Korkut."

- **Classical period (14th–15th centuries)** – the period of formation of a stable performing tradition, associated with the activity of Soppasly Sypyra zhyrau, who is considered the founder of the Karakalpak school. His name is recorded in the folklore of the Kazakhs, Bashkirs, Tatars, and Nogais; he was an advisor to Khan Tokhtamysh and a performer of the Nogai epic (Adambaeva, 1991, p. 5; Daukarayev, 1961, p. 12; Maksetov, 1983, p. 11). M. Magauin notes that Sypyra appears in the epics ("Er Targyn," "Teleagis," "Kuba-gul") as a wise old man instructing khans (Magauin, 1968, pp. 9–10). His tolgau contain criticism of rulers and sympathy for common people, which confirms the social function of the zhyrau.

- **Nogai period (15th–16th centuries)** – the work of Koztugan and Dospambet zhyrau, who were not only singers but also military commanders. Dospambet, offended by Khan Ormambet, founded a separate city and died in battle with the Kalmyks; his terme-tolgau have been preserved among the peoples of the Volga region (Bakhadirova, 2017, p. 81). During the same period, the gradual separation of the Karakalpaks from the Nogai political community takes place.

- **18th–19th centuries** – the era of Zhiyen Togay uly. The latter captured the historical events of the Karakalpaks' migration to the lower reaches of the Syr Darya. His legacy includes poems and terme ("Poskan el," "Kobyz tolgavy," etc.) (Karimov, 1981, pp. 3–5). Zhiyen also participated in preserving the epics "Alpamysh" and "Kyrk kyz" and transmitting them to his students, including Kholmurat zhyrau (Zhapakov, Mambetov, Sultanov, Karimov, 1983, p. 73).

- **20th century** – a period of flourishing, represented by a galaxy of zhyrau: Nurabulla (1862–1922), Yesemurat (1893–1980), Kiyas (1903–1974),

Kurbanbay, Shankay, Oteniyaz, and others (Aymbetov, 1988, pp. 79–91). Nurabulla zhyrau established his own school, having trained 24 students, including his son Yesemurat, who from the age of 16 inherited the repertoire of the dastans "Koblan," "Alpamys," and "Edige" (Sagitov, 1986, p. 94). Kiyas zhyrau Khairatdinov recorded over 24 melodies on magnetic tape and performed at international congresses (Moscow, Tashkent, the 25th International Congress of Orientalists) (Adambaeva, 1991, p. 27).

- **Second half of the 20th – early 21st century** – the activity of Zhumabay Bazarov (1927–2006), a student of Yesemurat. He mastered the performance of the dastans "Edige" (7 days), "Koblan" (7 days), "Sharyar" (3 days), and numerous terme; he actively toured in Czechoslovakia, Germany, and the United States, participated in scholarly conferences, and was recorded by Professors K. Reichl and E. Lauze-Zirtahel (Esenbay Yermanov, 2000, p. 32; Alymov, Adambaeva, 2012, p. 80). In 2000, he was awarded the title "People's Bakhshy of the Republic of Uzbekistan."

- **Modern period (post-Soviet)** – the revival of the tradition. Represented by performers such as Bakbergen Syrymbetov (a student of Kiyas, laureate of international competitions in Almaty, Kashkadarya, Seoul, Cannes, and Amsterdam), Bakhtiyar Yesemuratov (ensemble director, Honored Artist of Karakalpakstan), Zhanibek Piyazov (winner of the "Kelezhak ovazi," "Asrlar sadosi," and "Interfolk" competitions in St. Petersburg), and others (Dosymbetova, 2011, pp. 6–7).

Social status and functions of the zhyrau

Historical sources testify to the high position of the zhyrau at the courts of rulers. Marco Polo noted that in Central Asia, singers sat next to sovereigns and enjoyed complete freedom (Bakhadirova, 2017, p. 81). The zhyrau not only sang of heroic deeds but also acted as advisors, military commanders (like Koztugan and Dospambet), and critics of authority, which is vividly manifested in Sypyra's tolgau: he denounced khans for neglecting orphans and widows.

In Karakalpak culture, kobyz performers (zhyrau) and bakhshi singers existed side by side, but the zhyrau are considered a more ancient tradition. According to R. Kosbergenov, the bakhshi, who performed to the accompaniment of the gidjak, appeared later (Kosbergenov, 1970, pp. 65–66). Researcher N. Daukarayev identifies two independent schools: that of Soppasly Sypyra zhyrau and that of Zhiyen Togay (Daukarayev, 1959, p. 25).

Continuity was ensured through apprenticeship: Nurabulla taught Yesemurat, Yesemurat taught Zhumabay Bazarov and others; Kiyas taught Zhaksylyk and Bakbergen Syrymbetov. In the 20th century, there were more than a hundred known zhyrau (Kosbergenov, 1970, p. 67). Currently, the Karakalpak art of the kobyz and tolgau is recognized at the international level: recordings of dastans have been published in German and English, and performances are showcased at festivals in Europe and Asia.

CONCLUSION

The art of zhyrau performance, which originated with Korkyt Ata, possesses its own school and history, and continues to serve as a wellspring of Karakalpak national musical art. Indeed, Karakalpak national music, represented, among other forms, by the storyteller-zhyrau, continues amazing the world today. The unbroken chain of continuity, documented in legends, historical chronicles, field recordings, and modern festivals, confirms that the institution of the zhyrau has not only retained its significance but has also assumed new forms of existence within the global cultural landscape. The preservation and study of this heritage remains a crucial task for philologists, musicologists, and historians, as it encodes the worldview, ethical, and aesthetic values of the Turkic peoples over more than a millennium.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

PUBLISHED SOURCES

1. Қазақ Совет энциклопедиясы. Т. 6. Көз-Қосұйтас / бас. ред. М.Қ. Қаратаев. Алматы: [б. и.], 1975. 640 б.

REFERENCES

Davkaraev N. *Essays on the History of Pre-Revolutionary Karakalpak Literature*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR Publishing House, 1959. 222 p. (In Russian)

Zhirmunsky V.M. *The Turkic Heroic Epos*. Leningrad: Nauka, 1974. 727 p. (In Russian)

Kononov A.N. *The Pedigree of the Turkmens. A Work by Abulgazi, Khan of Khiva*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 193 p. (In Russian)

Adambaeva T. *Preface to Jıraw Namaları [Songs of the Jıraw]*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1991. 316 p. (In Karakalpak)

Ayımbetov Q. *Folk Wisdom*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1988. 492 p. (In Karakalpak)

Alimov A., Adambaeva T. *Famous Composers*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 2012. 80 p. (In Karakalpak)

Bakhadyrova S. *What Kind of People are the Karakalpaks?* Tashkent: Navruz, 2017. 256 p. (In Karakalpak)

Daukarayev N. *Essays on the History of Pre-Revolutionary Karakalpak Literature*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1961. 208 p. (In Karakalpak)

Dosymbetova T. A Talent Forged in the Heart. *Saniyat*, 2011, no. 3–4, pp. 6–7. (In Karakalpak)

Ermanov E. *Zhumabay Zhyrau Bazarov*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 2000. 32 p. (In Karakalpak)

Zhapakov N., Mambetov K., Sultanov K., Karimov A. *History of Karakalpak Literature*. Nukus: Karakalpakstan, 1988. 342 p. (In Karakalpak)

Karimov A. *An Outstanding People's Poet and Jiraw*. In «*Jiyen Jiraw. Posqan el*» [*The Migrated People*]. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1981. 86 p. (In Karakalpak)

Kosbergenov R. *Culture and Life of the Karakalpak People during the Colonial Period (1873–1917)*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1970. 112 p. (In Karakalpak)

Magauin M. *The Melody of the Kobyz*. Almaty: Zhazushy, 1968. 156 p. (In Karakalpak)

Maksetov K. *Karakalpak Zhyrau and Bakhshi*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1983. 208 p. (In Karakalpak)

Palymbetov K. *The Book of «Korkyt Ata» and Karakalpak Dastans*. Nukus: Bilim, 2010. 128 p. (In Karakalpak)

Sagitov I.T. *The Heroic Epic of the Karakalpak People*. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1986. 352 p. (In Karakalpak).

ЛИТЕРАТУРА

Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной Каракалпакской литературы. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1959. 222 с.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос: избранные труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен: сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.-Л.: Академия наук СССР, 1958. 193 с.

Адамбаева Т. Предисловие // Жырау намалары. Нөкис: Қарақалпақстан, 1991. 316 б.

Айымбетов Қ. Халық даналығы. Нөкис: Қарақалпақстан, 1988. 492 б.

Алымов Ә., Адамбаева Т. Атақлы сазгерлер. Нөкис: Қарақалпақстан, 2012. 80 б.

Бағадырова С. Қарақалпақ қандай халық. Ташкент: Наўрыз, 2017. 256 б.

Даўкараев Н. Революцияға шекемги қарақалпақ әдебияты тарихының очерклері. Нөкис: Қарақалпақстан, 1961. 208 б.

Досымбетова Т. Жүрекке қәлиплескен талант // San'at. 2011. № 3–4.

Ерманов Е. Жумабай жырау Базаров. Нөкис: Қарақалпақстан, 2000. 32 б.

Жапаков Н., Мамбетов К., Султанов Қ., Каримов А. Қарақалпақ әдебияты тарихы. Нөкис: Қарақалпақстан, 1983. 342 б.

Кәримов А. Көрнекли халық шайыры хәм жырауы / Жийен жырау. Посқан ел. Нөкис: Қарақалпақстан, 1981. 86 б.

Қосбергенов Р. Колониал дәуиринде қарақалпақ халқының мәдениаты хәм турмысы (1873–1917). Нөкис: Қарақалпақстан, 1970. 112 б.

Мағауин М. Қобыз сарыны. Алматы: Жазушы, 1968. 156 б.

Мақсетов Қ. Қарақалпақ жырау бақсылары. Нөкис: Қарақалпақстан, 1983. 208 б.

Палымбетов К. «Қорқыт ата кітабы» хәм қарақалпақ дәстанлары. Нөкис: Билим, 2010. 128 б.

Сағитов И.Т. Қарақалпақ халқының қахарманлық эпосы. Нөкис: Қарақалпақстан, 1986. 352 б.

About the author:

Jalgas Aytmuratov – Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Archeology, Karakalpak State University named after Berdakh (Nukus, Republic of Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0000-0002-8973-6852>; e-mail: aytmuratov.5757@gmail.com

Информация об авторе:

Жалгас Айтмуратов – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха (Нукус, Республика Каракалпакстан, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0000-0002-8973-6852>; e-mail: aytmuratov.5757@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 03.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 06.07.2026

Принята к публикации / Accepted 03.08.2026

**«Прислали де астраханские мурзы 3 человека
х крымскому царю грамоты»: астраханско-крымские
отношения во второй половине XVI – начале XVIII века**

И.В. Торопицын

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Российская Федерация

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

itoropitsyn@mail.ru

Резюме. В статье рассказывается о сложных взаимоотношениях, которые существовали между населением Нижнего Поволжья и Крымским ханством во второй половине XVI – начале XVIII в. Отмечается, что в период существования Астраханского ханства его правители и население воспринимали Крым в качестве равного государства, с которым они периодически то конфликтовали, то поддерживали мирные отношения. В период присоединения к Московскому государству татарское население Нижнего Поволжья становится заложником политических игр астраханского хана Дервиша-Али, который то воевал с бывшим астраханским ханом Ямгурчеем, которого поддерживали крымцы, то, наоборот, вместе с крымцами и турками пытался отстоять свою независимость от Московского государства. После окончательного присоединения Астраханского ханства к Московскому государству местное татарское население вынуждено было следовать политике астраханских властей в лице царских воевод. Несогласные с этим покидают Нижнее Поволжье и перебираются в соседние государства, в том числе и в Крым или в османские владения в Азово-Черноморском регионе, где участвуют в их политической жизни, сохраняя на первых порах формальную принадлежность к прежнему Астраханскому ханству. При этом остающееся в Нижнем Поволжье татарское население, несмотря на официальные запреты со стороны русских властей в отношении связей с Крымом, поддерживает контакты с крымскими татарами и в случае ухудшения своего материального положения выбирает Крым в качестве нового места проживания. Наряду с этим астраханские юртовские татары участвуют в XVII в. в составе российских войск в военных походах против Крымского ханства, а также совершают с разрешения астраханских воевод самостоятельные разведывательные рейды в Крым с целью получения информации об обстановке в Крымском ханстве.

Ключевые слова: Астрахань; Крым; Московское государство; Нижнее Поволжье; мурзы; татары; XVI–XVIII века

Для цитирования: Торопицын И.В. «Прислали де астраханские мурзы 3 человека к Крымскому царю грамоты»: астраханско-крымские отношения во второй половине XVI – начале XVIII века. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 48–65. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.48-65>

“The Astrakhan murzas sent a man with letters to the Crimean ruler”:
Astrakhan-Crimean relations in the second half of the 16th – early 18th century

I.V. Toropitsyn

Tatishchev Astrakhan State University

Astrakhan, Russian Federation

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

itoropitsyn@mail.ru

Abstract. The article describes the complex relationships that existed between the population of the Lower Volga region and the Crimean Khanate in the second half of the 16th – early 18th centuries. It is noted that while the Astrakhan Khanate still existed, its rulers and population perceived Crimea as an equal polity, with which they periodically either clashed or maintained peaceful relations. During the period of the annexation to the Muscovite state, the Tatar population of the Lower Volga region became a pawn in the political maneuvering of the Astrakhan Khan DervishAli, who alternated between waging war against the former Astrakhan Khan Yamgurchey, who was supported by the Crimeans, and trying to defend his independence from the Muscovite state together with the Crimeans and the Turks. After the final annexation of the Astrakhan Khanate to the Muscovite state, the local Tatar population was forced to follow the policy of the Astrakhan authorities represented by the tsar’s voivodes. Those who disagreed with this left the Lower Volga region and moved to neighboring states, including Crimea, or to Ottoman territories in the AzovBlack Sea region, where they participated in their political life, initially maintaining a formal affiliation with the former Astrakhan Khanate. At the same time, the Tatar population remaining in the Lower Volga region, despite official prohibitions from the Russian authorities regarding ties with Crimea, maintained contacts with the Crimean Tatars and, if their financial situation deteriorated, chose Crimea as their new place of residence. Along with this, the Astrakhan Yurt Tatars participated in the 17th century as part of the Russian troops in military campaigns against the Crimean Khanate, and, with the permission of the Astrakhan voivodes, they also carried out independent reconnaissance raids against Crimean in order to obtain information about the situation in the Crimean Khanate.

Keywords: Astrakhan; Crimea; the Muscovite state; the Lower Volga region; murzas; Tatars; 16th–18th centuries

For citation: Toropitsyn I.V. “The Astrakhan murzas sent a man with letters to the Crimean ruler”: Astrakhan-Crimean relations in the second half of the 16th – early 18th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no.3, pp. 48–65. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.48-65> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Астрахань играла важную роль во взаимоотношениях тюркских народов. Нахождение на пересечении торговых путей из Поволжья и Центральной Азии в Крым делало нижеволжский город удобным местом для остановки в пути и в то же время позволяло местным властям контролировать все маршруты, проходящие через низовья Волги, которыми пользовались не только торговцы, но и дипломаты, и паломники к святым местам. Не удивительно, что в контроле над Нижним Поволжьем были заинтересованы не только астраханские ханы, но и соседние государства, в числе которых было и Крымское ханство.

Тема астраханско-крымских контактов в период второй половины XVI – начала XVIII в. не была предметом специального исследования, хотя интерес к ней проявляли как дореволюционные, так и современные авторы. Как правило, в центре их внимания оказывались события, относящиеся к периоду XVI в. Так, Н.М. Карамзин приводит факт обращения представителя астраханской знати князя Ярлыгаша к турецкому султану с просьбой взять под свой контроль Астрахань (Карамзин, 1821, с. 44). П.К. Хлебников сообщает ряд важных деталей, связанных с событиями присоединения Астраханского ханства к Московскому государству и с той ролью, которую сыграли в них представители Крымского ханства, направленные для поддержки астраханского хана Дервиша-Али (Хлебников, 1907, с. 3–4). В.И. Буганов, изучая события, связанные с битвой при р. Молодах в 1572 г., отмечает факт пленения русскими войсками в процессе сражения с крымцами астраханского царевича (Буганов, 1959, с. 180). П.А. Садиков констатирует факты обращения в Крым в 1560-е гг. представителей татарского населения Казани и Астрахани с просьбами о военной помощи и обещаниями в ответ поднять восстание среди местного населения против русской власти (Садиков, 1947, с. 136, 142, 145–146). И.В. Зайцев уделяет внимание позиции Крымского ханства в период борьбы за астраханский престол в середине XVI в. (Зайцев, 2006, с. 140, 169).

События последующих столетий не привлекали внимания исследователей в контексте астраханско-крымских либо астраханско-османских отношений в виду того, что Астрахань к этому времени уже много лет была частью Московского государства и не являлась субъектом самостоятельной внешней политики. Несмотря на это местное тюркское население негласно осуществляло контакты с крымскими властями, поддерживало торговые связи с крымско-османским рынком, а некоторые астраханские юртовские татары даже участвовали в набегах на российские приграничные земли вместе с крымцами, азовцами и ногайцами.

Пролить свет на эти события дают первоисточники, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах. Период второй половины XVI в. хорошо иллюстрируют документы, отложившиеся в Посольских книгах по связям России (Московского государства) с Ногайской Ордой и

Крымом. События, происходившие в XVII в., можно проследить по документам, включенным в ряд сборников, посвященных кабардино-русским отношениям, воссоединению Украины с Россией, истории донского казачества, а также по архивным источникам, отражающим русско-ногайские и русско-калмыцкие взаимоотношения, а также делопроизводство Астраханской приказной палаты. События начала XVIII в. позволяют рассмотреть документы, опубликованные в сборниках писем и бумаг императора Петра Великого, а также относящиеся к периоду Булавинского восстания.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

На протяжении первой трети XVI в. между Москвой и Бахчисараем шла оживленная переписка в отношении «астраханского дела». Крымские власти не скрывали своего стремления в установлении контроля над Астраханским ханством и периодически делали такие попытки. В 1546 г. крымский хан Сахиб-Гирей совершает успешный поход против Астраханского ханства, в ходе которого разоряет его столицу Хаджи-Тархан, а жителей угоняет в Крым. В письме русскому царю Ивану IV Грозному в декабре 1547 г. Сахиб-Гирей сообщал, что намерен в дальнейшем «устроить» астраханский юрт по-своему и «держать его» в своей власти (Зайцев, 2006, с. 140).

Однако, разгром Астраханского ханства не означал его полного уничтожения. В то время как часть астраханских жителей была пленена крымцами, другая в ходе столкновений с ними рассеялась по окрестным землям и со временем вернулась назад. Причем в Нижнее Поволжье смогли возвратиться не только те, кто избежал крымского плена, но и те, кто был угнан в Крым. В 1551 г. московским властям стало известно о планах турецких властей назначить на место астраханского хана своего ставленника. Причем из разговора служилого татарина Т. Тимеева с ногайским мурзой Исмаилом следовало, что прошение к турецким властям поступило из самой Астрахани, что доказывает наличие там политически активного местного населения, нуждавшегося в верховной власти. Находившийся в Ногайской Орде турецкий посол Чевуш утверждал, что просьба астраханцев турецким султаном будет уважена и им будет направлен «царь». Более того, турком было заявлено о том, что пленным астраханцам разрешено возвратиться на родину из Крыма. Передавая слова своего господина, Чевуш говорил Исмаилу: «которые люди полонены были в Крым из Астарахани, и яз тех людей в Астарахань поотпущал, а иных часа того отпущаю» [12, с. 57].

В самой Астрахани в середине XVI в. происходила череда политических событий, в ходе которых власть в столице Астраханского ханства при поддержке внешних сил в лице черкесов и ногайцев переходила из одних рук в другие. Внесли свою лепту в эти события даже русские казаки. В конце 1540-х гг. на астраханском престоле утвердился Ямгурчей, который проводил двойственную политику, то обращаясь за протекцией к русскому

царю, то принимая помощь от турецко-крымских властей. В 1552 г. русский посол С. Авраамов застал в Астрахани посланцев из Османской империи и Крымского ханства. В том же году крымский хан Давлет-Гирей присылает астраханскому хану Ямгурчею 13 пушек (Хлебников, 1907, с. 3–4); [12, с. 109].

В 1554 г. московские власти решили положить конец политике неопределенности в отношении Астраханского ханства. Против него было направлено царское войско, которое захватило столицу ханства город Астрахань и утвердило на астраханском престоле московского ставленника хана Дервиша-Али. Однако свергнутый русским войском хан Ямгурчей не смирился со своим поражением. В 1555 г. он вместе с ногайцами, ушедшими из Ногайской Орды во главе с сыновьями мурзы Юсуфа при поддержке крымцев и турецких янычар предпринял попытку вернуть себе Астраханское ханство, но потерпел поражение от защищавших Астрахань объединенных русско-татарских сил. На фоне происходивших в Нижнем Поволжье в 1555 г. событий до Москвы дошли сведения, что хан Дервиш-Али сам стал склоняться на сторону Крыма и взял себе в калги сына крымского хана Девлет-Гирея Казбулата [12, с. 156].

В ходе второго похода на Астрахань, предпринятого в 1556 г., русскому войску противостояли не только астраханцы во главе с Дервишем-Али, но и отряды ногайцев, а также крымцев и янычар, которых крымский хан Девлет-Гирей прислал в помощь астраханскому хану для обороны Астрахани (Зайцев, 2006, с. 169). Однако эта помощь оказалась весьма символической и не помогла астраханцам сохранить независимость. В середине XVI в. Астраханское ханство было окончательно включено в состав Московского государства, а его население вынуждено было следовать политике русских властей, которые стремились прервать любые контакты между Астраханью и Бахчисараем. Впрочем, несмотря на эти запреты, татары Нижнего Поволжья не утратили полностью политических и экономических связей с Крымом.

Царские воеводы, утвердившись в Астрахани, контролировали внутривнутриполитическую ситуацию в Нижнем Поволжье во многом номинально. Их реальная власть во второй половине XVI в. ограничивалась чертой городских стен, за пределами которых действовал неформальный закон степи – право сильного. Воеводы понимали эти обстоятельства и старались направлять с различными поручениями за пределы Астрахани либо служилых татар, либо военные отряды в составе стрельцов и казаков. Для связи с Москвой использовалась водная артерия реки Волги.

Астраханские татары, расселившиеся в окрестностях Астрахани, широко пользовались тем, что воеводы не имели возможности обеспечить плотный надзор над их действиями. Сложившаяся ситуация позволяла татарам поддерживать связи как с Крымом, так и с другими государствами. Об этом, в частности, свидетельствует грамота бия Ногайской Орды Ис-

маила царю Ивану IV Грозному, доставленная в Москву в июне 1560 г., в которой отмечалось, что из Азова в Астрахань ходят «гости» [13, с. 313].

Доходило до того, что астраханские татары отваживались нападать на проезжавших путников и захватывать их в плен с целью продажи в рабство. В 1567 г. русским послам в Крыму А. Нагому и Ф. Писемскому стало известно о нападении астраханских татар и ногайцев на князя И. Дашкова, который шел из Черкас. По словам казака С.А. Коришева, князя взяли «не доходя азстороханские соли, на стороже азстороханские татарове Кубок да Зема». Вместе с И. Дашковым астраханцы и ногайцы взяли в плен самого С.А. Коришева, а также казаков, стрельцов и детей боярский – 15 человек. Всех их «азстороханские деи татаровя» и ногайцы привели и «разпродали в Крыме» [11, с. 109].

Очевидно, что среди астраханских татар было немало тех, кто ориентировался на Крым, Ногайскую Орду, Тарковское шамхальство и другие восточные государства. Казак С.А. Коришев утверждал, что предводители астраханских татар, захватившие их в плен, имели тесные родственные связи с ногайцами и соседними народами. «Мать деи и жена – у Кубака в Асторохани, а другая жена – в Нагаех, а третья жена – в Азове», – говорил С.А. Коришев [11, с. 109]. Не удивительно, что среди астраханских татар нашлось немало желающих оказать содействие крымско-турецкому войску в организации их похода на Астрахань в 1569 г. Н.М. Карамзин пишет, что турецкий султан Сулейман («Солиман») «по внушению знатного беглеца Астраханского, Князя Ярлыгаша, замыслил великое дело: соединить Дон с Волгою прокопом, основать крепость на Переволоке (там, где сие реки сближаются), другую на Волге, где ныне Царицын, третью близ моря Каспийского» (Карамзин, 1821, с. 44).

Источники сохранили имена и других представителей астраханской знати, которые активно поддерживали крымско-турецкую армию в походе на Астрахань. В их числе были астраханские мурзы Саин и Теней Теребердеев сын Кабанов. После провала крымско-турецкого похода эти астраханские мурзы со своими семьями и приближенными вынуждены были уйти из Московского государства и обосноваться в Азове. По сведениям русского посла в Крыму И.П. Новосильцева, астраханские перебежчики продолжали играть активную роль в степной дипломатии. «Преж сего прибежали из Асторохани в Крым ко царю и х Касыму-князю астороханцы Семен-мурза да Теней Теребердеев сын Кабанова с товарищи, – сообщили весной 1570 г. русскому послу в Крыму служилые татары С. Резанов и Б. Разгозин, – и Теней деи из Кафы и из Азова ездит в Нагай, а из Нагай де ездит тайно в Астороханские улусы к астороханским людям проводывати всяких вестей, а приехав в Кафу сказывает де Касыму-князю. А сее деи зимы Теней с нагайскими и с астороханскими казаки побил на Волге служивых татар Байбулата Кадышева с товарищи и грамоты деи государевы у него поимал и про те грамоты в Кафе похваляет» [5, с. 2].

В 1570-х гг. в районе Азова осела значительная группа выходцев из прежнего Астраханского ханства. Среди них были не только представители астраханской знати, но и рядовые татары. С целью недопущения провокаций с их стороны в отношении русского посольства, направленного в 1570 г. в Турцию, диздар (комендант крепости) Азова Сефер выслал на встречу посольству военный отряд. «А за десять верст от Азова встретили человек с тридцать, – указано в статейном списке И.П. Новосильцева. – А приехали берегом конми, а прислал их Сефер же для береженья казыевых татар и тумачев астроханских» [14, с. 63].

В августе 1571 г. русским властям стало известно о посылке из Азова с бухарскими купцами в Астрахань и Казань лазутчиков. Они должны были связаться с астраханскими татарами, а также разведать, что собой представляет крепость, выяснить численность ее гарнизона и определить уязвимые места. После этого Мустафа должен был остаться в Астрахани, а его напарник – отправиться в Ногайскую орду, а оттуда в Казань. «А презывати ему в Казани и в Азсторохани князей и мурзы и козаков на турецкого царя имя, – писал А.К. Шеин, – и турецкого царя им жалованья сказывати и грамоты с ним от турецкого царя в Асторохань и в Казань посланы. Которые азстороканские и казанские князи и мурзы и козаки похотят служить турецкому царю и тем людем велено бытии в Азсторохани и в Козани готовым. А дожидатьца турецких и крымских и нагайских людей приходу. А мысль турецкого царя: посылати ему войска к Асторохани на лето [...]» (История татар, 2014, с. 92).

Запланированного вторжения турецкого войска в Поволжье не произошло. Но уже в следующем году в знаменитой битве при Молоди в ходе сражения между русскими и крымско-татарскими войсками было взято в плен много знатных мурз. В числе пленных оказался и некий «астраханский царевич» [10, с. 192]; (Буганов, 1959, с. 180). Это доказывает, что представители астраханской тюркской знати находили себе прибежище в Крыму и активно участвовали в политике Крымского ханства и Османской империи.

На протяжении большей части XVII в. астраханские татары не давали повода усомниться в их преданности российскому престолу. Они активно участвовали в набегах за языками в Крым (Торопицын, 2015, с. 26–27), принимали участие в составе русских войск в походах против Крымского ханства (Торопицын, 2025, с. 124–138, 188–202, 213–230). Несмотря на это, астраханские власти не ослабляли контроль над астраханской тюркской знатью. В наказах должностным лицам предписывалось следить за тем, чтобы юртовские татары никуда без разрешения не отлучались, а если это происходило, то требовать, чтобы табунные головы сразу же докладывали об этом. Они же должны были сообщать астраханским властям о появлении в юртах приезжих из «Больших Нагай и Казыева улуса» и других мест (Торопицын, 2014, с. 223). В свою очередь головам, поставленным над астраханскими юртовскими татарами, воеводы поручали выведывать

среди подведомственного населения «всяких вестей про Турского царя, и про Крымского хана и про Бухарского, и про Большой Нагай, и про Казыев улус, нет ли в ком какие шатости или какого дурного умышления?». Головы, назначенные над юртовскими татарами, должны были также выяснять «нет ли от них (иноземных правителей. – *И.Т.*) к юртовским мурзам и к табунным головам и к черным Татаром каких присылок и присыльных листов, и у юртовских мурз и у табунных голов и у юртовских Татар нет ли с ними каких ссылок и соединения» (Торопицын, 2014а, с. 7). В астраханском кремле на положении аманатов находилось значительное число родственников местной тюркской знати (Торопицын, 2014, с. 222). Впрочем, бегство в Крым мурзы А. Байтерекова, не пожелавшего стать аманом в Астрахани (1626 г.)¹, красноречиво показывает, что Крым по-прежнему являлся для тюркской знати наиболее предпочтительным вариантом для вынужденной эмиграции из России.

К середине XVII в. численность тюркского населения в Нижнем Поволжье значительно увеличилась. Наряду с юртовскими татарами здесь стали проживать выходцы не только из Большой, но и Малой Ногайской Орды, что явилось следствием проводимой астраханскими властями политики по подчинению России тюркских народов. Наплыв большого числа тюркского населения совпал с вторжением в Волго-Яицкие степи калмыков. В связи с чем обстановка в регионе обострилась. На фоне возникших проблем среди местного тюркского населения вновь стали популярны идеи ухода в Крым.

Взятый в апреле 1645 г. донскими казаками в плен татарин из Большой Ногайской Орды говорил «про Астраханских мурз и татар, что меж ими учинилась смута: иные хотят кочевать к Астрахани, а иные итить на Крымскою степь: лиха де нам стала тесната в Астрахани от воевод, лошади и детей их бьют и емлют к себе» [1, стб. 746].

Не исключено, что какая-то часть тюркского населения все-таки ушла из Нижнего Поволжья. По крайней мере, такие слухи дошли до Ивана Тургенева, сопровождавшего из Москвы в Путивль иерусалимского патриарха Паисия, приезжавшего в декабре 1648 г. – конце июля 1649 г. в Москву по поручению гетмана Войска Запорожского Богдана Хмельницкого. По возвращении в Москву Иван Тургенев сообщил, что гетман Б. Хмельницкий расположился лагерем за городом Старым Константиновым, что вместе с ним стояли крымские и ногайские отряды, которые захватывали в плен много людей и уводили их в Крым. «Да и про то де он слышел, – сообщил Иван Тургенев, – что есть с ним и астраханские татаровя, с колико их, и хто у них мурзы, того неведомо» [4, с. 103].

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемый период часть ногайских улусов во главе с Чебан-мирзой ушла из-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 3. Л. 10–15.

под Астрахани на Северный Кавказ. На протяжении нескольких лет астраханскими властями предпринимались шаги по возвращению ушедших обратно. Большую часть улусов в итоге удалось вернуть, но в августе 1651 г. появилась информация, что Чебан-мурза через Кабарду и Малую Ногайскую Орду уехал к крымскому хану (Новосельский, 1994, с. 55). Интересно, что еще в июне 1651 г. астраханским властям поступили сведения, что Чебан-мурза неоднократно обращался к тарковскому шамхалу с просьбой проводить его с улусом в Крым, так как ногайцы постоянно ездят туда самостоятельно (Торопицын, 2018, с. 25).

По всей видимости, отголоски этих событий дошли в 1651 г. до русских послов в Крыму, которые сообщили в Москву, что им стало известно, что «прислали де астраханские мурзы 3 человека к крымскому царю грамоты, чтоб крымской царь прислал к ним ис Крыму от себя воинских людей тысяч з дватцать. А они де, астраханские татаровя, все готовы, которого дни крымских людей увидят, тотчас от Астрахани совсем откочуют к Крыму. Только б от крымского царя была к ним присылка, а они все готовы» [6, с. 486].

Во второй половине XVII в. астраханским властям удавалось держать ситуацию в регионе под контролем, благодаря чему тюркские подданные не предпринимали попыток ухода из Московского государства, хотя и высказывали такие мысли. Так, в 1663 г. в ходе побега со службы из-под Цырицына астраханские мурзы, табунные головы и татары заявили посланному за ними в погоню отряду стрельцов во главе с головой Ф. Пушиным, «что они бегают не впервые и им де от тебя Великого Государя наказания никакого не бывало [...], а будет де в Астрахани какое дурно над ними учинят и они де отъедут к Дайчину тайше или в Крым и жен своих их юрт выкрадут»². Астраханские мурзы, табунные головы и татары объяснили свой побег тяжелой обстановкой, сложившейся в Царицыне (им пришлось даже есть своих лошадей), из-за чего они утратили готовность к службе. Астраханским властям не без труда удалось урегулировать ситуацию. К провинившимся не стали применять наказание из опасения ухода татар из страны.

В дальнейшем астраханские татары продолжали верно служить русскому царю и ходили в походы против Крымского ханства в 1675, 1687 и 1689 гг., сражались с крымскими татарами под крепостью Чигирин на Украине в 1678 г. При этом участие в походах русских войск не мешало им поддерживать торговые связи с крымцами. Астраханские юртовские татары вместе с калмыками пригоняли в крымские и турецкие владения в Причерноморье лошадей и скот [3, с. 169].

Отражением событий подобного рода может служить обращение в 1694 г. к астраханским властям мурзы Казы Алеева Урусова, табунного головы Ишея Кашкарина и сотника Тлева Уразаева «с товарищи», сообщивших о подозрительном поведении своих людей, которые «покупили

² РГАДА. Ф. 119. 1663 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

многих лошадей и ныне покупают для отпуска в ардабазарной станице к Москве». При этом челобитчики обратили внимание на то, что «указу на то нет», и они «опасны тово, чтобы улусные их люди и черные торговые татары тех покупных лошадей утайкою без указа [...] в Крым и в Азов [...] не угнали и сами б не отъехали»³.

Опасения астраханской тюркской знати были не беспочвенны. В последней трети XVII в. царским властям периодически поступали сведения о том, что астраханские юртовские татары были замешены в набегах на русские пограничные земли вместе с крымскими татарами и другими неприятелями Московского государства. В 1683 г., например, в посланной из Москвы на Дон к казакам грамоте указывалось, что «под Азовом де собираются крымские и нагайские и астраханские татаровя, хотят идти под наши, царского величества, украинные города войною» [2, с. 111]. В апреле 1694 г. воеводам в Астрахань сообщалось, что Кубек-ага с азовскими людьми при поддержке кубанцев, ногайцев и черкесов намерен совершить нападение на поволжские города, что «к нему же Кубеку приехали астраханских юртовских татар семей с тридцать и те де татары» намерены выступить в качестве проводников в набеге на российские земли⁴.

По словам пленных, взятых казаками в 1694 г. в бою на р. Калитве, в набег на российские города «пошло было азовцев и аюкаевых калмык и едисанцов и астраханских юртовских татар близки 400 человек». Нападавшие разделились на три партии и пошли под города Усерд, Ольшанск и другие места, «на хлебные жнитва». В связи с этим в царской грамоте была высказана похвала донским казакам за службу и дано поручение, чтобы они «аюкаевых калмык, также и астраханских юртовых татар соединение их с азовцы всячески разрывали и отвращали и с конскими табунами и с скотом в Азов их не пропускали» [3, с. 169–170].

Таким образом, можно видеть, что именно к крымским ханам, как, очевидно, к ближайшим единоверным правителям, адресовали свои мольбы тюркские жители Нижнего Поволжья. В Азов и Крым вели пути большинства беглых астраханских юртовских татар. С Крымом и зависимыми от него территориями Прикубанья астраханские юртовские татары стремились поддерживать экономические отношения, несмотря на существующие запреты царских властей.

Однако следует принять во внимание, что политические обращения к Крыму представителей астраханской тюркской знати во второй половине XVI – XVII вв. не носили массового характера. Основная масса астраханских юртовских татар находилась на царской службе, получая за нее жалованье, и по долгу службы участвовала в походах русских сил против Крымского ханства. Впрочем, это не исключало того, что в свободное от походов время астраханские татары поддерживали торговые отношения с

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12474. Л. 1.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12554. Л. 1.

Крымом, а некоторые даже соблазнялись шансом получить добычу в набе-ге на российские земли в составе азовско-крымско-ногайских отрядов. Как правило, на такой шаг могли пойти либо совершенно впавшие в нищету люди, желавшие за счет военной добычи поправить свое материальное положение, либо те, кто недавно влился в состав астраханских юртовских татар, например, вырвавшись из-под калмыцкого контроля, и еще окончательно не утвердился в статусе служилого человека.

Источники последней трети XVII в. упоминают астраханских юртовских татар в числе участников набегов на русские земли вместе с калмыками. Как известно, еще в первой половине XVII в. калмыцким тайшам удалось захватить значительное количество ногайских улусов, вместе с которыми под их власть попали и некоторые группы астраханских юртовских татар. В дальнейшем татары стремились освободиться и вернуться к соплеменникам, но ногайцы по большей части предпочитали кочевать среди калмыцких улусов. Не исключено, что участниками таких набегов могли быть именно те группы татарского и ногайского населения, которые были более тесно связаны с калмыками, чем основная масса астраханских юртовских татар. Нельзя исключать и того, что казаки либо представители азовских и крымских татар, а также малых ногайцев в политических целях придавали излишне большое значение участию отдельных представителей астраханских татар в совместных набегах на русские земли. Показательна в этом плане реакция царских властей, которые, принимая во внимание факт участия астраханских юртовских татар вместе с крымцами, азовцами, ногайцами, а также калмыками на свои пограничные земли, не ставили задачу провести проверку каждого такого факта с последующими выводами (не будем забывать, что в распоряжении воевод имелись именные списки астраханских юртовских татар и установить потенциальных участников нападения не составило бы труда), ограничиваясь требованием не допускать впредь соединения российских подданных в лице астраханских юртовских татар и калмыков с явными своими противниками в лице крымцев, азовцев и малых ногайцев. Очевидно, что царские власти не придавали большого значения фактам присутствия астраханских юртовских татар среди участников таких набегов, так как понимали, что основная их масса находится под постоянным контролем астраханских властей.

В этой связи представляет интерес переписка между российскими государственными деятелями в 1706–1707 гг., посвященная обсуждению тайных переговоров российских тюрокских подданных с крымскими и турецкими властями. «Пишет хан Крымский к порте, – сообщал П. Толстой 14 сентября 1706 г. из Константинополя в письме Ф.А. Головину, – прислали к нему татары, живущие близ Астрахани, Эштек-султан и другие, одного салтанского сына и с ним 3 черных Татар, с жалобою на Российское правительство, что чинится им обида многая в вере их, берут с них многия деньги, и свадьбы свои без Русских попов отправлять не могут; просят у хана Крымскаго прислать к ним несколько своих ратей, а они го-

товы с женами и детьми вытти из России в Крым» [9, с. 431]. П. Толстой сообщил, что крымский хан запросил мнения турецких властей по этому вопросу и визирь, посоветовавшись с муфтием, пришел к выводу, что «по закону их, подобает тех Татар принять». П. Толстой отметил также, что до него дошла информация, что с астраханскими татарами «согласились Уфимские и Каракалпаки: все хотят вытти из России» [9, с. 431].

Сообщая в апреле 1707 г. Н.А. Кудрявцеву об этих ведомостях, поступивших из Азова от П. Толстого, царь Петр I отмечал, что «был в Царьграде Астраханской Татарин, салтан Турахан, с четырьмя человеки и просил у салтана Турецкова, чтоб им дал сорок или пятьдесят тысяч людей, которыми людьми хотят они бутто вывести из восмидесят тысяч дворов мужеского и женска полу, которые живут по Казанской черте, Казанских татар. И салтан Турецкий послал их в Крым к Ратахану. И говорят де в Турской земле, что будут дожидатца лета, и когда де пойдет войско Русское на войну, тогда де и оне пойдут под Казань для взятъя тех Казанских Татар». Далее в письме указывалось на то, что турецкий двор регулярно получал известия из России обо всех происходящих событиях, которые пересылал в Царьград некий казанский или астраханский татарин, «Эсанком зовут» [7, с. 172–173].

Допуская факт шпионства на турецкий двор кого-либо из представителей российских подданных из числа тюркских народов, считаем необходимым отметить, что указанная информация, поступившая по дипломатическим каналам в Россию, вызывает ряд вопросов. Во-первых, среди представителей астраханской знати в XVII–XVIII вв. никто не носил титула «салтан» (султан). Во-вторых, в обоих письмах присутствуют значительные разночтения относительно цели призыва крымско-турецких войск. П. Толстой сообщал Ф.А. Головину, что посланцы астраханских татар добивались помощи для себя, а Петр I сообщал Н.А. Кудрявцеву, что иностранные войска должны были способствовать побегу из России казанских татар.

Несмотря на кажущуюся противоречивость цитируемых писем, они, без сомнения, в самых общих чертах отражали ситуацию недовольства тюркских подданных России своим положением, что вылилось в дальнейшем в новые восстания, участие в которых приняли и астраханские юртовские татары (Торопицын, 2008, с. 75; Торопицын, 2015–2016, с. 71–81). С другой стороны, эта переписка свидетельствует, что государственные деятели России были озабочены фактом контактов российских подданных-мусульман с Крымом и Турцией и придавали им серьезное значение.

Имели ли эти обращения какие-либо последствия для судьбы народов России, источники умалчивают. Обнаруженный нами в РГАДА «рописной» список города Астрахани за 1707 г., который был передан воеводой П.И. Хованским новому воеводе П.М. Апраксину, содержит имена 96-ти мурз, 11-ти табунных голов, 14-ти сотников и 14-ти детей табунных го-

лов⁵. Он свидетельствует, что юртовская знать не утратила после Астраханского восстания своего положения. Ее многочисленные представители по-прежнему числились среди служилых людей Российского государства.

Впрочем, это не исключает того, что среди юртовцев могли быть лица, которые вынашивали планы по уходу из России. Об этом свидетельствует отписка Донского войска в Посольский приказ от 15 декабря 1707 г. Казаки сообщали, что их заставы летом и осенью 1707 г. неоднократно подвергались нападениям со стороны астраханских татар, которые действовали совместно с кубанскими татарами. Так, 27 июня 1707 г. «из Астрахани едучи на Кубань астраханския тотары били боем у черкасских копаней на наших холопей твоих казаков, – указывалось в отписке, – которые ходили из розных городков для ломки соли на речку Манычь. И отбили у наших холопей твоих козаков 40 лошадей и многое число от них тотар в осаде сидели». В другом случае, писали донцы, «они астраханских табунных голов дети с тотары изменяя тебе в.г. с кубанскими тотары внезапно на наших холопей твоих козаков боем били». В обоих случаях донским казакам удалось отбиться и даже захватить пленных из числа нападавших. Одни из них были допрошены на месте сражения, другие – доставлены в Черкасский городок и допрошены «повольно [...] в кругу». «А в распросе они изменники астраханския тотары нам холопам Войску сказали: изменяя де они тебе в.г. из Астрахани на Кубань з женами и з детьми и с пожитки, семей с 40, жить бежали, а для перезыву на Кубань приезжал к ним в Астрахань кубанской мурза Сам Мамбет с тотары». При этом донские казаки отметили в отписке в Посольский приказ, что им удалось захватить в плен и самого кубанского мурзу Сам Мамбета [8, с. 400].

В изложении астраханских воевод П.И. Хованского «с товарищи» ситуация выглядела несколько в ином свете. По царскому указу для покупки лошадей «про [...] государев обиход» из Астрахани были посланы в 1707 г. на Кубань сын табунного головы Ишея Кашкарина Тарыбердей Ишеев, а после него табунный голова Булатай («Булотай») Акпердеев во главе 23 юртовцев. «И будучи на дороге напали на них Ишпулата воровские донские казаки, – писали воеводы из Астрахани, – и его Ишпулата и тотар и колмык и пожитки, что у них было, взяли к себе в полоно» [8, с. 399].

Из Посольского приказа на Дон к казакам была направлена грамота об освобождении задержанных астраханских юртовских татар и возвращении им всего имущества, но донские казаки отказались выполнить это указание, так как посчитали юртовцев изменниками. Присутствие среди них представителей юртовской знати казаки объясняли хитроумной уловкой. «А для провожания их изменников на Кубань были с ними ж табунных голов дети с тотары, – писали с Дона в Посольский приказ, – а не для покупки конной на тебя в.г. А если б они тотары по твоему в.г. указу посланы на Кубань были, и они б воровством з женами и з детьми и с пожитки на Кубань жить не бе-

⁵ РГАДА. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 4. Л. 125 об.–131.

жали, и на наших холопей твоих казаков на речке Колаузе боем не били б, и твоих в.г. русских людей с сабою неволею на Кубань для продажи не возили б». Вспоминая о событиях на Маныче, донские казаки отметили, что им удалось убить двух нападавших, «и один тотарин малое число был жив и роспрашиван. А в расспросе сказал, что они астраханския жилые тотары, а ехали де они на Кубань» [8, с. 400].

В этой связи, вполне возможно, что часть юртовцев могла воспользоваться обстоятельствами, чтобы бежать из России, в том числе под прикрытием официального поручения на покупку лошадей на Кубани.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно видеть, что для татарского населения Нижнего Поволжья крымский фактор во все времена играл значимую роль в политической и экономической жизни. Середина XVI в. ознаменовалась для жителей Астраханского ханства бурными политическими событиями, в которых Крымское ханство сыграло весьма важную роль, сумев ненадолго подчинить Нижнее Поволжье своему влиянию. Вмешательство Московского государства, свергнувшее астраханского хана Ямгурчея, привело к установлению сначала власти московского ставленника хана Дервиша-Али, а впоследствии к прямому воеводскому правлению.

В этот период времени часть астраханских татар эмигрирует в Азов и Крым и принимает участие в дальнейших событиях политической истории на стороне Крымского ханства и Османской империи. Другая часть астраханских татар из числа тех, что принесли присягу на верность московскому царю, осталась проживать в окрестностях Астрахани. В 1569 г. часть этих астраханских татар также поддержит крымско-турецкое вторжение в Нижнее Поволжье, которое, впрочем, не приведет к смене политической власти в Астрахани и ее округе.

В XVII в. астраханские юртовские татары активно участвовали в составе русских войск в походах на Крым, а также с большой охотой самостоятельно совершали рейды в Крымское ханство с целью получения информации об обстановке в этом государстве и на приграничных территориях. При этом астраханская тюркская знать не теряла надежды на помощь со стороны Крыма в решении своих проблем, связанных с ухудшением условий проживания в Нижнем Поволжье при все возрастающей служебной нагрузке. Однако открыто перейти на сторону крымского хана либо турецких властей ее представители не решались. В отличие от них, рядовые астраханские юртовские татары наряду с джетисанцами могли позволить себе присоединиться к крымско-азовско-ногайскому набегу на пограничные русских земли, в чем их стали обвинять в последней трети XVII в. и в начале XVIII в. Однако масштабных разбирательств по этому поводу астраханскими властями не инициировалось.

Стоит признать, что торговые отношения населения Нижнего Поволжья с Крымским ханством и османскими владениями в Азово-Черноморском регионе полностью не прекращались, несмотря на достаточно частые периоды военных столкновений. При этом в определенные кризисные моменты взаимоотношений с русскими властями в среде астраханских юртовских татар и проживавших с ними по соседству джетисанцев возникали идеи ухода из-под русской власти. В качестве одного из вариантов неизменно рассматривалось Крымское ханство.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Бытность Василья Струкова у Донских казаков с жалованною государвою грамотою. Разспросныя речи в Посольском приказе воронежца Василья Струкова (25 апреля 1645 г.) // Русская историческая библиотека издаваемая Императорскою археографическою комиссиею. Т. XXIV. Донские дела. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. № L. Стб. 739–746.

2. Грамота царей и великий князей Иоанна и Петра Алексеевичей на Дон с изъявлением похвалы казакам за поход на калмыцкие улусы на Волгу (18 мая 1683 г.) // Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генералом-майором А.А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск: Типография А.А. Карасева, 1891. № 73.

3. Грамота царей и великий князей Иоанна и Петра Алексеевичей на Дон с изъявлением похвалы казакам за воспрепятствование азовцам, калмыкам и татарам напасть на украинные города Усерд, Ольшинск и друг., за разбитие этих неприятелей на р. Лозовке и за морской поход под турецкия и ногайския места (15 августа 1694 г.) // Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генералом-майором А.А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск: Тип. А.А. Карасева, 1891. № 109.

4. Из дела о пребывании в Москве иерусалимского патриарха Паисия и его переговорах, которые он вел по поручению Богдана Хмельницкого (1 декабря 1648 г. – 28 июля 1648 г.) // Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. II. 1648–1651 годы. № 46.

5. Из списка русского посла в Крым А. Ф. Нагова о битве крымских войск с черкесами и кабардинцами, о ранении кн. Темрюка Идарова, о пленении крымцами его сыновей Мамстрюка и Беберюка и др. (13 ноября 1569 г. – 30 июня 1570 г.) // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М.: АН СССР. 1957. № 11.

6. Из статейного списка русских послов в Крым И. Елякова и Т. Кузьмина о сношениях Богдана Хмельницкого и польского короля с крымским ханом (16 января 1651 г. – 20 августа 1651 г.) // Воссоединение Украины с Россией: документы

и материалы в трех томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. II. 1648–1651 годы. № 208.

7. К Никите Алферовичу Кудрявцеву // Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1907. Т. 5. (январь – июнь 1707). № 1660.

8. Отписка Войска Донского в Посольский приказ о «воровских» астраханских татарах, бежавших на Кубань (15 декабря 1707 г.) // Булавинское восстание (1707–1708 гг.) / Н.С. Чаев. М.: Изд-во всероссийского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. № 195.

9. Петр Толстой из Константинополя Ф. А. Головину цифирью (14 сентября 1706 г.) // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. Т. 4. Ч. II. Приложения. № 424.

10. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 31–220.

11. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. Текст // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев; подгот. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские Витязи». 2016. С. 68–354.

12. Посольские книги по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Кн. 4. 1551–1556 г. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. С. 38–233.

13. Посольские книги по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Кн. 5. 1557–1561 г. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. С. 234–345.

14. Статейный список И.П. Новосильцева (Турция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 63–99.

ЛИТЕРАТУРА

Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–181.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1032 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX СПб.: В типографии Н. Греча: изданием братьев Слениных, 1821. 472, 296, [4] с.

Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.

Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 132–166.

Торопицын И.В. Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. // Козацька спадщина. Альманах Інституту суспільних досліджень. Дніпропетровськ: Изд-во «Пороги», 2008. Вип. 4. С. 72–78.

Торопицын И.В. Знать у астраханских юртовских татар в XVII в. // Каспийский регион: экономика, политика, культура. Астрахань, 2014. Вып. 3 (40). С. 220–228.

Торопицын И.В. Наказы астраханским воеводам XVII в., как источник по изучению тюркского населения Нижнего Поволжья // Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science – 2014». Volume 11. History. Sheffield: Science and education LTD, 2014a. Pp. 3–8.

Торопицын И.В. Восстание мурз Тинбаевых в Нижнем Поволжье (1715–1717 гг.) // Transcaucasica. Вып. 3. Южный Кавказ: история, религия, общество / под общ. ред. З.В. Кананчева. М., 2015–2016. С. 71–81.

Торопицын И.В. Астраханские юртовские татары в орбите российской внешней политики на Северном Кавказе в XVII–XVIII вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 25–36.

Торопицын И.В. Большие ногаи на Северном Кавказе в середине XVII в. // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 2 (10). С. 7–28.

Торопицын И.В. Военная служба астраханских юртовских татар (вторая половина XVI – первая четверть XVIII в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. 332 с.

Хлебников П.Х. Астрахань в старые годы. Вторая половина XVI в. СПб.: Тип. Т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н.Я. Стойковой», 1907. 156 с.

REFERENCES

Buganov V.I. Documents on the Battle of Molodyahy. *Historical Archive*. 1959, no. 4, pp. 166–181. (In Russian)

Zaytsev I.V. *The Astrakhan Khanate*. 2nd ed., revised. Moscow: Vostokovaya Litsa, 2006. 303 p. (In Russian)

The History of the Tatars from Ancient Times in Seven Volumes. Vol. V: The Tatar People as Part of the Russian State (Second Half of the 16th to the 18th centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1032 p. (In Russian)

Karamzin N.M. *History of the Russian State*. Vol. IX. St. Petersburg: N. Grech's Printing House, sponsored by the Slenin brothers, 1821. 472, 296, [4] p. (In Russian)

Novoselsky A.A. *Studies in the History of the Feudal Era (Scientific Heritage)*. Moscow: Nauka, 1994. 223 p. (In Russian)

Sadikov P.A. The campaign of Tatars and Turks on Astrakhan in 1569. *Historical Notes*. Vol. 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. Pp. 132–166. (In Russian)

Toropitsyn I.V. The incursions of the Kuban Tatars into Russia in 1715. *Cossack Heritage. Almanac of the Institute of Social Studies*. Dnipro: Porhogy Publ. House, 2008. Vol. 4, pp. 72–78. (In Russian)

Toropitsyn I.V. Knowledge among the Astrakhan yurt-dwelling Tatars in the 17th century. *Caspian Region: Economy, Politics, Culture*. 2014, vol. 3(40), pp. 220–228. (In Russian)

Toropitsyn I.V. Orders to the Astrakhan voivodes of the 17th century as a source for studying the Turkic population of Lower Volga Region. Materials of the X International Scientific and Practical Conference "Trends of Modern Science – 2014". Vol. 11. History. Sheffield: Science and Education LTD, 2014a. Pp. 3–8. (In Russian)

Toropitsyn I.V. The uprising of Murz Tinbaev in Lower Volga Region (1715–1717). *Transcaucasica*. Vol. 3. Southern Caucasus: History, Religion, Society. Under the general editorship of Z.V. Kananchev. Moscow, 2015–2016. Pp. 71–81. (In Russian)

Toropitsyn I.V. The Astrakhan yurt Tatars in the Context of Russian Foreign Policy in the North Caucasus during the 17th–18th centuries. *Echo of Centuries*. 2015, no. 1/2, pp. 25–36. (In Russian)

Toropitsyn I.V. Large legs in the North Caucasus in the mid-17th century. *Journal of Frontline Research*. 2018, no. 2 (10), pp. 7–28. (In Russian)

Toropitsyn I.V. *Military Service of the Astrakhan Yurta Tatars (Second Half of the 16th Century – First Quarter of the 18th Century)*: A Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. 332 p. (In Russian)

Khlebnikov P.Kh. *Astrakhan in the Old Years: The Second Half of the 16th Century*. St. Petersburg: Elektro-Typographical Press of N.Ya. Stoykova, 1907. 156 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Астраханской государственной университет им. В.Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-7542-3337>; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

About the author:

Ilya V. Toropitsyn – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tatishchev Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-7542-3337>; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.07.2026

Принята к публикации / Accepted 10.08.2026

Выкуп русских подданных из азиатского плена в 1817–1831 гг.: по материалам канцелярии оренбургского военного губернатора

С. А. Четвериков

*Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской
Оренбург, Российская Федерация
oounb_rf@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается деятельность пограничного отделения канцелярии оренбургского военного губернатора и Оренбургской пограничной комиссии по выкупу российских подданных из азиатского плена. Указывается, что в плен попадали не только обыватели (крестьяне, рабочие, жены и дочери казаков), но и вооруженные казаки. Отмечается, что перепиской с частными лицами и государственными служащими по розыску пленных занимался лично военный губернатор. Выкуп русских пленников старшинами и султанами из отдаленных казахских аулов являлся не столько актом проявления гуманизма, сколько желанием выслужиться, получить награду или добиться освобождения заложников. Выкуп пленников из Хивинского и Бухарского эмирата требовал значительных денежных трат и наличия посредника из числа мусульман, согласного лично доставить невольника на пограничную линию. Родственников пленных приглашали внести в казну Пограничной комиссии какую-либо сумму для их выкупа.

Ключевые слова: киргиз-кайсаки; казаки; русские пленники; выкуп; Средняя Азия; работорговля

Финансирование. Работа выполнена в рамках темы НИР «Русские в регионах ПФО: история и современность» № FZSM-2026-0057 программы комплексных научных исследований, связанных с всесторонним междисциплинарным этнографическим изучением государствообразующего русского народа «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего».

Для цитирования: Четвериков С.А. Выкуп русских подданных из азиатского плена в 1817–1831 гг.: по материалам канцелярии оренбургского военного губернатора. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 66–81. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.66-81>

The ransom of Russian subjects from Asian captivity in 1817–1831:
based on materials from the chancellery of the Orenburg military governor

S.A. Chetverikov

Orenburg Regional Library named after N. K. Krupskaya

Orenburg, Russian Federation

oounb_rf@mail.ru

Abstract. This article examines the activities of the Border Department of the Orenburg Military Governor's Chancellery and the Orenburg Border Commission for the ransom of Russian subjects from Asian captivity. It is noted that not only ordinary citizens (peasants, workers, and the wives and daughters of Cossacks) but also armed Cossacks were captured. The military governor personally handled correspondence with private individuals and government officials regarding the search for captives. The redemption of Russian captives by elders and sultans from remote Kazakh villages was less an act of humanitarianism than a desire to curry favor, receive a reward, or secure the release of hostages. The release of captives from the Khiva and Bukhara emirates required significant financial outlays and the presence of a Muslim intermediary willing to personally deliver the captive to the border line. Relatives of captives were invited to contribute a sum to the Commission's treasury for their ransom.

Keywords: Kyrgyz-Kaisaks; Cossacks; Russian captives; ransom; Central Asia; slave trade

Financing. The work was carried out within the framework of the research topic "Russians in the regions of the Volga Federal District: history and modernity" No. FZSM-2026-0057 of the program of complex scientific research related to a comprehensive interdisciplinary ethnographic study of constituent Russian people "Russian people: traditions, values, image of the future".

For citation: Chetverikov S.A. The ransom of Russian subjects from Asian captivity in 1817–1831: based on materials from the chancellery of the Orenburg military governor. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no.3, pp. 66–81. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.66-81> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XIX века расположенные на границе с Киргиз-кайсацкой степью¹ казачьи форпосты по Оренбургской пограничной линии страдали от разбойничьих нападений. Киргиз-кайсаки из отдаленных аулов грабили путников в степи, угоняли скот, крали лошадей, захватыва-

¹ Киргиз-кайсацкая (Киргизская) степь – историко-географическое название, которое использовалось в Российской империи для обозначения территории между Уральскими горами и Аральским морем. Киргизы или киргиз-кайсаки – этноним, который использовался в этот же период для обозначения казахских и северных киргизских родов.

ли в плен местных жителей с целью их продажи в азиатские государства. Вместе с обывателями, застигнутыми за сельскохозяйственными работами, рыбной ловлей и другими занятиями, в плен попадали и служилые казаки, пасшие скот и отправлявшиеся с поручениями в степь.

Выяснением судьбы российских подданных и их выкупом из азиатского плена занималось пограничное отделение канцелярии оренбургского военного губернатора и подведомственная ей Оренбургская пограничная комиссия. Документальной основой исследования стали материалы из архивного фонда «Канцелярии оренбургского генерал-губернатора» за 1815–1831 гг., хранящиеся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Одним из первых опубликованных свидетельств об азиатском плене является сочинение переводчика с восточных языков, надворного советника Ф.С. Ефремова (1750–?), посвященное описанию Киргизской степи, Бухарии², Хивы³, Персии, Тибета и Индии (Ефремов, 1811). Его автор в 1774 г. был захвачен в плен киргизами и продан в рабство в Бухару.

Значительный интерес представляет статья члена Оренбургской ученой архивной комиссии, священника Н.Н. Модестова «К истории освобождения русских пленных из Хивы», написанная на основе архивных материалов. Автор дает список российских подданных, находившихся в Бухарии, Хиве и соседних азиатских государствах в неволе с 1794 по 1819 г. (Модестов, 1914, с. 456–486).

Широкий спектр вопросов, связанных с «русскими рабами» в Средней Азии, государственным выкупом российских подданных из азиатского плена и их правовым положением, рассматривается в статьях А.Ю. Перетятко. Автор указывает, что при снятии показаний с «русских пленников» (терминология оренбургских чиновников XIX в.) акцент делался на обстоятельствах их захвата в плен, в то время как детали дальнейшего пребывания в рабстве обычно почти не фиксировались (Перетятко, 2026, с. 119). Исследователь отмечает, что подданные Российской империи чаще всего маркировались в документах как «русские пленники», при этом их этническое происхождение и социальный статус могли быть самыми разными (Перетятко, 2023а, с. 630).

Проблемам рабства в Средней Азии посвящены статьи И.А. Мальцева, Р.Ю. Почекаева и А.В. Кочнева (Мальцев, 2007; Почекаев, 2017; Кочнев, 2017). Использование баранты (взятие заложников) как способа раз-

² Бухария (Бухарский эмират) – государство в Средней Азии, располагавшееся на территории современных Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана.

³ Хива (Хивинское ханство) – принятое в отечественной исторической науке название государства Хорезм со столицей в г. Хиве, которое находилось на территории современных Туркменистана, Узбекистана и Казахстана.

решения локальных конфликтов и базу для ведения переговоров рассматривается в статье С.В. Джунджузова. Автор отмечает, что баранта воспринималась чиновниками «единственным способом оказать давление на хивинского хана» (Джунджузов, 2021, с. 111).

МАТЕРИАЛЫ КАНЦЕЛЯРИИ ОРЕНБУРГСКОГО ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА О ВЫКУПЕ РУССКИХ ПОДДАННЫХ ИЗ АЗИАТСКОГО ПЛЕНА В 1817–1831 ГГ.

Согласно «Ведомости о числе лиц, захваченных в плен киргизами с Оренбургской линии, убитых и возвращенных из плена»⁴ с 1758 г. по 1831 г., составленной Оренбургской пограничной комиссией, в указанный период всего было захвачено 3797 человек, из них выручено – 1154 человека, или 31% от общего числа. Не были возвращены из плена 2287 человек (60%), 192 погибло при нападении разбойников.

Наибольшее количество пленников было захвачено разбойниками в 1822–1824 гг., что связано с *восстанием под предводительством батыра Жоламана Тленишулы*. Согласно ведомости о разбойничьих нападениях киргиз-кайсаков Меньшого (Младшего) жуза⁵, с 1 января 1822 г. по 8 сентября 1824 г. в плен было угнано 194 душ м.п., 19 душ ж.п., 4457 лошадей, 144 голов другого скота. Ограблено разного имущества на сумму в 26 363 руб. и 32 с половиной коп.⁶

Восставшие требовали от российских властей срытия укреплений по Новоилецкой пограничной линии и отмены «Устава о сибирских киргизах» [1, с. 417–433] от 22 июля 1822 г., фактически упразднявшего ханскую власть в Среднем жузе⁷.

О значительном увеличении числа разбойничьих нападений на жителей пограничной линии в первой половине 1820-х гг. свидетельствуют отдельные данные «Ведомости о числе лиц, захваченных в плен киргизами [...]» за 1814–1831 гг., представленные в таблице 1⁸.

⁴ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 38 об.

⁵ Младший жуз (от казахского «сторона», «часть») – объединение казахских родов и племен, сформировавшееся на территории Западного Казахстана.

⁶ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 66.

⁷ Согласно «Уставу о сибирских киргизах», все кочевья разделялись на волости, волости на аулы. Каждую волость составляли от 10 до 12 аулов, каждый аул – от 50 до 70 кибиток. Аулы управлялись старшинами, волости – султанами. Для удобства управления создавались округа, включавшие от 15 до 20 волостей, которые управлялись старшими султанами и окружными приказами. Окружные приказы состояли из двух российских заседателей, назначаемых начальником губернии, двух заседателей из почетных киргизов по выбору, и старшего султана. Внутренней стражей округа являлась команда линейных казаков [1, с. 417–418].

⁸ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 38 об.

Таблица 1. Количество жителей Оренбургской пограничной линии, захваченных в плен киргизами**Table 1.** The number of residents of the Orenburg border line captured by the Kyrgyz

Год	Захвачено в плен	Выручено	Осталось в плену	Убито	Год	Захвачено в плен	Выручено	Осталось в плену	Убито
1814	28	10	18	—	1823	113	44	69	34
1815	10	7	3	—	1824	76	32	44	21
1816	7	5	2	—	1825	19	18	1	1
1817	5	—	5	—	1826	38	22	16	2
1818	4	—	4	—	1827	14	22	—	4
1819	22	—	22	—	1828	22	22	—	5
1820	10	—	10	4	1829	5	14	—	1
1821	42	20	22	15	1830	—	1	—	—
1822	78	17	61	19	1831	2	9	—	—

Оренбургскому военному губернатору приходилось отвечать на многочисленные просьбы от частных лиц и вести переписку с государственными служащими по вопросам розыска и возврата русских подданных, плененных киргизами.

Например, в марте 1815 г. проживавший в Степной крепости отставной казак Антон Петров обратился к оренбургскому военному губернатору князю Г.С. Волконскому (1742–1824) с просьбой выволить из плена его дочь Агрофену, захваченную киргизами во время возвращения с полевой работы. Поиск пленницы был поручен Оренбургской пограничной комиссии, которая предписала Уральской войсковой канцелярии выяснить у кочевавшего вблизи границы войска султана Каратая Нуралиева (?–1826), у кого именно из киргизов она находится в плену. Султану поручалось арестовать разбойников и потребовать у них неперменной выдачи пленницы. Спустя год поисков, 30 мая 1816 г. султан Нуралиев сообщил, что «увоз»⁹ совершен неподвластными ему киргизами чаклинского рода, Агрофена была отправлена в Хиву и там продана.

В 1819 г. астраханский гражданский губернатор И.Я. Бухарин (1772–1858) передал оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену (1772–1844) просьбу князя Н.Б. Юсупова (1750–1831) возвратить из плена принадлежавших ему крестьян с. Безводное Нижегородской губернии Андрея Буклышева и его сына Трофима, захваченных киргизами во время рыбалки в Каспийском море. Поиски похищенных продолжались до лета 1828 г., когда князю Н.Б. Юсупову было сообщено, что все попытки возвратить крестьян оказались безуспешными, и, кроме того, даже не установлены

⁹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 12 об.

виновные в пленении. Князя попросили прекратить «дальнейшую переписку»¹⁰ по этому вопросу и внести пленников в ведомость людей, ожидавших возвращения.

Наряду с долгими безуспешными поисками, отмечались случаи, когда спустя значительное время русские пленники обнаруживались в киргиз-кайсацких аулах. В марте 1820 г. министр юстиции Д.И. Лобанов-Ростовский (1758–1838) направил оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену просьбу жителя Астрахани унтер-офицера Игнатия Семенова оказать помощь в возвращении из плена мещанина Трифона Семенова с его сыном Петром и рабочими людьми, захваченными во время рыбалки. Поиск пленников длился семь лет. В 1827 г. правитель казахов Младшего жуза султан Чингалий Урманов нашел Петра Семенова у киргизов адаевского рода и доставил его в Оренбург в канцелярию пограничной комиссии. На допросе пленник заявил, что его отец был убит при похищении, а рабочие Антонов и Татаринов проданы в Хиву¹¹.

По окончании допроса, в соответствии с манифестом от 5 мая 1779 г. [2, с. 817–819] в 1785 г. Семенов был направлен в Астраханское губернское правление для поселения на прежнее место жительства¹². В соответствии с установленным порядком ему выдали теплую одежду и 5 руб. на путевые расходы и пропитание в дороге.

Похищения русских подданных в степи происходили как в светлое время суток, так и ночью. Например, в сентябре 1822 г. атаман Илецкой станицы Уральского казачьего войска полковник Донсков отправил в Оренбургскую пограничную комиссию рапорт, в котором сообщал, что утром киргизы, числом до десяти человек, напали на табуны коней, выпущенных казаками на пастбище у Сухоречинского форпоста. Разбойники угнали лошадей и прочий скот, взяли в плен трех находящихся при табунах караульных казаков (Дениса Абломкова, Леонтия и Есипа Сорокиных), шесть башкир, а также двух дочерей казака Ефима Дубовского – Марию и Керью. В погоню за ними был отправлен отряд казаков, в результате были «отбиты только овцы и рогатый скот, а людей киргизцы увезли, лошадей угнали»¹³. В ноябре 1824 г. пограничная комиссия потребовала у атамана Донскова сообщить о ходе расследования похищения. В ответе значилось – «где Абломков находится ныне неизвестно, а равно и надежды никакой на возвращение его не предвидится»¹⁴.

В сентябре 1822 г. начальник Калмыковской крепости Уральского казачьего войска есаул Бородин доложил Оренбургской пограничной комиссии, что из числа командированных им в подводы до соседнего форпоста

¹⁰ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2017. Л. 13.

¹¹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2201. Л. 8 об.

¹² ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1373. Л. 1.

¹³ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 91 об.

¹⁴ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 90 об.

четырех казаков двое (Алексей Чупалин и Мирон Голубов) не остановились ночевать в форпосте, а отправились ночью в степь и были пленены киргизами. На их поиски отправился старшина Меньшей орды (Младшего жуза) Самай Хан-Ходжиев, который успел выкупить Мирона Голубова за 165 баранов¹⁵.

Выкуп русских пленников старшинами и султанами в отдаленных аулах являлся не столько актом проявления гуманизма и человеколюбия, сколько желанием выслужиться, заручиться поддержкой администрации и использовать сам факт участия в освобождении пленных в личных целях. Так, в феврале 1825 г. по распоряжению султана Нуралиева в Уральск были доставлены два пленника – рабочий Александр Рубчинский и помещицкий крестьянин Симбирской губернии Степан Данилов. Султан сообщал, что пленников с целью обмена выкупили братья двух содержавшихся в Уральске под стражей заложников – Байганы Туянова и Бигали Исянтюлева. За рабочего Рубчинского они заплатили 385 баранов, а за крестьянина Данилова – 330 баранов, «надеясь, что вместо сих пленников, не будут ли отпущены в орду поименованные киргизцы»¹⁶.

В дополнении к рапорту советник Уральской войсковой канцелярии Авдеев докладывал председателю Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генсу (1787–1845), что требуемые на обмен киргизы были взяты в качестве заложников марте 1823 г.

В ходе допроса работавший в Илецкой станице Рубчинский сообщил, что в сентябре прошлого года он был отправлен за сеном и для поправки стогов в степь на расстояние в семь верст от поселения. На обратном пути из-за поломки телеги Рубчинский отстал от других рабочих. Начав перекидывать сено, вместе с Кобрицким, он был схвачен разбойниками, увезен в дальние степи и продан киргизу Дуглаю Туянову из рода Кадыргула Исыкова за 380 баранов. Тот привез его в свой аул, где держал три месяца, после чего доставил к султану Каратаю, надеясь обменять на своего отца Байганы.

Крестьянин Данилов сообщил Уральской войсковой канцелярии, что работал у казенного солевоза Сергея Ларионова. С прочими людьми он выехал в Илецкую защиту для погрузки соли и перевозки ее в Самару. Во время выпаса волов Данилов вместе с крестьянином Дмитрием Пандиным были захвачены в плен. Его товарищ бежал, а сам он был закован в железные кандалы и отвезен в дальнюю степь, где находился три недели. Из плена его выкупила жена Кадыргула Исыкова – Балким, заплатив 330 баранов.

В марте 1825 г. Г.Ф. Генс направил управляющему Илецким соляным промыслом Г.Н. Струкову (1771–1846) письмо, в котором просил отпустить в орду Байганы Туянова, в ответ за выкуп Рубчинского и «безукоризненное» содержание его в степи. Председатель Оренбургской пограничной комиссии признавал данный случай исключительным и в дальнейшем

¹⁵ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 1.

¹⁶ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 110 об.

принял за правило «отпускать заложников только за тех пленников, которые были захвачены прежде задержания заложников, [...] чтобы в подобных случаях возвращение пленников не имело вида торговли»¹⁷ при их обмене на киргизских заложников.

На основании Высочайших указов от 22 октября 1777 г. и 22 мая 1784 г. «искупителям из Азии российских пленников»¹⁸ полагалось награда в размере 150 руб. и более, смотря по обстоятельствам, из суммы, предназначенной на выкуп пленников. Кроме того, чтобы побудить азиатских купцов, начальников караванов и других благомыслящих султанов и старшин к вырубке российских пленников, им выдавались похвальные листы и ценные подарки.

В сентябре 1824 г. за возвращение из киргизского плена пяти человек и «за оказанное усердие» султану Иркингию от Оренбургской пограничной комиссии был дарован похвальный лист, а ордынцам Мустафе Токтабаеву и Абилю Бакатову, непосредственно доставившим пленников на пограничную линию из отдаленных аулов, было поручено при собрании почетных ордынцев объявить благодарность¹⁹.

Особого внимания заслуживают случаи мошенничества и приписывания себе заслуг при освобождении российских подданных из плена, выявленные Оренбургской пограничной комиссией.

В январе 1825 г. наказной атаман Уральского казачьего войска полковник П.М. Назаров (1769–1844) сообщил в Оренбургскую пограничную комиссию, что киргиз Ача Чалкайдаров выкупил из плена солевоза Петра Максимова за 300 баранов. Он доставил его на пограничную линию, не потребовав никакой за это платы, и заявив, что «сделал сие из усердия своего к России, обещаясь и впредь служить ревностно»²⁰. В целях поощрения подобных поступков и в качестве примера для других ордынцев, П.М. Назаров предложил даровать Чалкайдарову звание почетного старшины.

Бывшего пленника отправили в Оренбург в Пограничную комиссию. В ходе допроса было установлено, что освобожденного зовут Петр Максимович Слепченков. Из плена его выкупили братья Аранбай и Ундагак Якмильковы, которые отправили русского подданного на пограничную линию в обмен на их отца Якмилька. Подлинность слов Слепченкова было поручено установить султану Нуралиеву, доложившему, что пленного выкупили за 300 баранов сыновья содержавшегося в Уральске под стражей, но уже освобожденного, Якмилька Бустакова, упомянутый киргиз Чалкайдаров «учинил через хитрость свою обман»²¹.

¹⁷ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 128 об.

¹⁸ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1623. Л. 3 об.

¹⁹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 105.

²⁰ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 145.

²¹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3002. Л. 146 об.

В декабре 1825 г. оренбургский военный губернатор П.К. Эссен предписал атаману П.М. Назарову не производить Чалкайдарова в звание, быть осмотнительным в донесениях к начальству, соблюдать строгую истину, чтобы в его действиях не было причин сомневаться.

Правовое положение российских подданных, выкупленных из азиатского плена, определялось манифестом от 5 мая 1779 г. и сенатским указом от 31 января 1785 г. Документы предоставляли «полную волю избирать род жизни, вступать в военную службу, возвращаться на прежние жилища, записываться по городам или селениям на назначенных для того местах»²² (в казаки). Данные правила распространялись на всех лиц, гражданского и военного звания, в том числе и беглых. Помещичьи крестьяне, пожелавшие приписаться в казенное ведомство или вступить в военную службу казаками, зачитывались владельцам за рекрут при будущих наборах.

Данным правилом воспользовался султан Ширгази Каипов (?–1818). В августе 1817 г. он обратился к Оренбургской пограничной комиссии с просьбой оставить в качестве письмоводителя, выкупленного им в Бухарии российского пленника Сергея Петрова. Султан сообщал, что освобожденный «не знает и не помнит своего происхождения»²³.

Не поверив докладу султана, бывшего пленника доставили для допроса в Оренбургскую пограничную комиссию, где выяснилось, что его зовут Сергей Федорович Пятнов. Он учился читать и писать на русском и татарском языках в Тобольском народном училище, был отдан в рекруты, в июле 1815 г. сбежал из Петровского гарнизонного батальона Сибирской пограничной линии в степь, продан бухарскому купцу и принял ислам. Получив рапорт о проведении повторного допроса, оренбургский военный губернатор П.К. Эссен 7 сентября 1817 г. принял решение удовлетворить просьбу султана.

Выкуп русских пленников из Хивинского и Бухарского эмирата требовал от правительства значительных денежных трат, достигавших тысячи рублей за одного человека, а также наличия посредника из числа мусульман, согласного лично доставить невольника на пограничную линию. Начальников караванов, азиатских купцов, казахских старшин и султанов, проявлявших «расположение к российской стороне» и усердие в данном деле, ожидала приличная награда и милость со стороны правительства.

Например, в августе 1817 г. старшине Меньшого жуза, тархану Юсупу Сырымову за доставку из Хивы трех пленных в вознаграждение оказанного им усердия был выдан похвальный лист и выплачены 150 руб.²⁴

В ноябре 1817 г. начальнику киргиз-кайсацкого каравана, бию Санамасу Сердалину (?–1822) при отправлении в Хиву было поручено отыскать пленного крестьянина Степана Крючкова и выкупить его собствен-

²² ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1373. Л. 1.

²³ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1723. Л. 1.

²⁴ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1623. Л. 11.

ным иждивением. За выполнение поручения и прибытие вместе с невольником на пограничную линию Сердалину обещали вернуть выплаченные деньги и выдать сверх того 300 руб.²⁵

В октябре 1826 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс предложил начальнику штаба Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанту Г.П. Веселитскому (1774–1829) выплачивать начальникам караванов и азиатским купцам в награду за каждого выкупленного пленного христианина из Бухарии и Хивы, кроме суммы самого выкупа, не менее 200 руб. В случае если будут вывезены пленные по назначению комиссии, то не менее 300 руб.²⁶, с целью скорейшего возвращения пленников на родину.

При определении выплаченной за пленников суммы за неимением других доказательств Г.Ф. Генс посчитал возможным руководствоваться показаниями купцов или начальников караванов, подтвержденных бывшими пленниками. В результате сумма выкупа за одного пленного, по его предположению, в среднем составляла тысячу рублей. Сбирать необходимые средства он предложил с семей киргизов, виновных в пленении людей, руководствуясь правилом, что целый род «ответствует за преступление одного дворца»²⁷. Кроме того, деньги для скорейшего освобождения своих близких должны были вносить родственники находящихся в неволе людей.

В ответ на обращение генерал-лейтенант Г.П. Веселитский указал, что находит сумму в тысячу рублей на выкуп одного пленного преувеличенной. Весь годовой бюджет Пограничной комиссии составлял 21289 руб. и 83 с половиной коп., на которые по предложению Г.Ф. Генса можно было освободить лишь 21 человека. Начальник штаба предложил «внушить караванным вожакам и азиатским купцам, [что] они должны действовать не из корыстолюбия, противного человеколюбию и сострадательности, [...] а на общую пользу»²⁸, и что они получают от правительства соответствующее вознаграждение.

С целью узнать подробности пленения, происхождение и точную сумму выкупа, освобожденные из Хивы лица допрашивались канцелярией Уральского казачьего войска. В случае если их показания вызывали вопросы, то повторный допрос происходил при Пограничной комиссии в Оренбурге.

Согласно рапорту есаула Уральского казачьего войска Бородин, в августе 1817 г. киргиз-кайсаками Младшего жуза были доставлены из Хивы уральский казак Иван Толкачев и два российских подданных Трофим Степанов и Петр Васильев²⁹.

²⁵ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1623. Л. 3 об.

²⁶ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3 об.

²⁷ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4.

²⁸ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 5.

²⁹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1623. Л. 4.

На допросе казак Толкачев заявил, что пять лет назад (в июле 1812 г.) он косил сено за Уралом со своей женой Анной и был схвачен отрядом из сорока человек вооруженных киргизов. Его продали в рабство в Хиву, а жену увезли в город Ургенч. Старшина Юсуп Сырымов выкупил Толкачева за 60 хивинских червонцев.

Крестьянин Симбирской губернии Трофим Степанов сообщил, что был пленен 48 лет назад во время перевозки хлеба по реке Волге из Симбирска в Астрахань. Вследствие плохой погоды их судно вынуждено было остановиться на зимовку на хуторе близ Астрахани. На хутор напали киргиз-кайсаки числом до двух тысяч человек, захватили команду и продали хивинцам. За прошедшее с момента плена время он смог заработать некоторую сумму денег и выкупил себя на волю за 40 хивинских золотых червонцев, что по курсу равнялось 480 руб. В Уральск он выехал вместе со старшиной Юсупом Сырымовым.

Петр Васильев отказался называть свое происхождение, заявив, что был захвачен киргизами в плен близ Астрахани во время рыбной ловли 16 лет назад, еще в подростковом возрасте. Отца убили, а его самого продали муратскому татарину Чума-Зарбаю, у которого он находился десять лет. Во время войны с хивинцами Васильев был взят в плен, подарен хану Мухаммад Рахиму (1775–1825) и отпущен на свободу во время пира.

Есаул Бородин оставил казака Ивана Толкачева в Уральске, а российских подданных Трофима Степанова и Петра Васильева отправил в Оренбург для дальнейших разбирательств.

Расходы на выкуп российских подданных из азиатского плена составляли значительную часть издержек Оренбургской пограничной комиссии. Ежегодно на данные нужды выделялось три тысячи рублей из общей суммы в 21,3 тысячи руб. (или 14%). Поэтому широкое распространение имели пожертвования, как со стороны благотворителей, так и со стороны родственников пленников.

Так, в марте 1820 г.³⁰ оренбургскому военному губернатору П.К. Эсену было доставлено письмо от главы Симбирского женского общества христианского милосердия Веры Александровны Ивашевой (?–1837). В нем она сообщала, что Общество узнало о бедственной судьбе подканцеляриста Федора Соколова, захваченного киргизами и проданного в Бухарию за тысячу рублей. Для его выкупа с помощью благотворителей было собрано и выслано в Оренбург 450 руб., которые затем были внесены в общий бюджет на возврат русских пленников.

Наиболее действенным способом заявить о себе и получить надежду на выкуп из азиатского плена была передача невольниками писем родственникам, с указанием сумм, требуемых за их освобождение. Например, в октябре 1826 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс направил начальнику штаба Отдельного Оренбургского корпуса

³⁰ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 35.

генерал-лейтенанту Г.П. Веселитскому копию с письма находящегося в Бухарии пленника Тимофея Шабанова к отцу казаку Миасской станицы Оренбургского казачьего войска Леонтию. В письме, доставленном бухарцем Рахмангулом Аллагуловым, пленник просил прислать через благонадежного человека 40 бухарских червонцев, за которые его обещали отпустить на родину. На допросе Аллагулов заявил, что получив деньги, он надеется упросить хозяина (Рафигбая Календарбаева) отпустить русского невольника и доставить его в город Троицк будущей весной с караваном³¹.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии предложил выдать на выкуп пленного Шабанова бухарцу Аллагулову под расписку 54 голландских червонца, составлявших по курсу 40 бухарских, с условием, найти в Троицке поручителей, которые возвратили бы деньги в казну, в случае неисполнения обещания. Кроме того, он «пригласил» отца пленного внести какую-нибудь сумму для освобождения сына.

В качестве «пожертвования», предназначенного на выкуп сына, Леонтием Шабановым в Оренбургскую войсковую канцелярию были переданы 30 руб., и 4 руб. 60 коп. внес троицкий комендант подполковник Петерсен. Выкуп пленного на основании его письменной просьбы Г.Ф. Генс называл первым опытом, который позволит узнать «произойдет ли от сего желанный успех в таковом деле»³².

Зимой 1826 г. запрашиваемая сумма была отправлена с караваном в Бухарию через приказчика Абдрашита Абзелилова. В сентябре 1827 г. караван возвратился в Троицк и привез освобожденного казака Шабанова. Приказчик заявил, что потратил сверх выданной суммы 7 бухарских червонцев (или 116 руб.) и попросил возратить ему их, а также «за оказанные к России услуги в пример прочим [...] снабдить его хотя бы письменным аттестатом»³³.

Получив рапорт о прибытии пленного, оренбургский военный губернатор П.К. Эссен приказал выдать Абзелилову похвальный лист, вернуть Леонтию Шабанову 34 руб. 60 коп. «в уважение к его бедности» и выдать всю сумму выкупа с виновных в пленении казака киргизов.

В сентябре 1830 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс доложил оренбургскому военному губернатору, что сумма, затраченная на выкуп из плена казака Шабанова (758 руб. 75 коп.) была возвращена в казну путем продажи скота, захваченного в аулах, где проживали похитители. Признанный виновным в похищении киргиз Битюк Токтобаев был сослан на поселение в Архангельск, а его подельник Карсак Байтанатов – на поселение в Сибирь³⁴.

³¹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 7 об.

³² ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 9.

³³ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 16 об.

³⁴ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 31.

Огромные трудности имел выкуп русских пленников из Хивы. В августе 1829 г. правитель Западной части Малой орды (Малого жуза) султан Чингалий Урманов доложил Г.Ф. Генсу, что отправил в Хиву благонадежных людей для выкупа находящихся там пленников. По возвращении они объявили, что хан Аллакули (1794–1842) был согласен дать разрешение на выкуп до 20 пленников, но из-за побега во время приезда послов четырех русских невольников рассердился на них и «не только не позволил выкупать пленных, но даже запретил говорить с ними [пленниками]»³⁵.

За содействие побегу, хан повесил киргиза Бахтияра и хивинца Ходжу-Ат-Яр Муайтмасова, обнаружив при них кожаную сумку, принадлежавшую одному из беглецов, и заявил, что подобная участь будет ожидать всех, кто способствует переписке российских пленников с родственниками. Поэтому лица, доставлявшие письма из хивинского плена, получали вознаграждение. Например, бухарскому подданному Гарифу Атагалиеву³⁶ было даровано пять аршин красного сукна на кафтан.

Сами письма от пленников тайно передавались оренбургскому военному губернатору. Их копии направлялись в Оренбургскую пограничную комиссию для изыскания способов к освобождению и помощи пленным. Ближайшим родственникам лиц, упомянутых в письмах, сообщалось, чтобы они не считали их умершими.

В течение следующих двух лет председатель Оренбургской пограничной комиссии неуклонно сообщал оренбургскому военному губернатору, что все попытки к освобождению российских пленников из Хивы посредством выкупа оставались «совершенно безуспешными, [...] продавать пленников для возвращения в Россию, строго воспрещено хивинским правительством, что подтверждается получаемыми от пленников письмами»³⁷.

Выкуп пленников осложнялся тем, что смертная казнь грозила не только лицам, помогавшим освободить русских подданных, но и хозяину невольника, «согласившемуся продать его для возвращения в отечество» (Перетятко, 2023, с. 1775). Исходя из этого, Г.Ф. Генс обратился в мае 1831 г. к управляющему Азиатским департаментом Министерства иностранных дел К.К. Родофиникину (1760–1838) с предложением выкупать российских пленников из Хивы посредством помощи подданных Бухарского эмирата.

Состоявший при Бухарском посольстве Мырза Абдул-Халык согласился выкупать российских пленных из Хивы. Он предложил отправлять их сначала в Бухарию, а оттуда караванами через Сыр-Дарью в Россию, так как хивинское правительство соглашалось продавать пленников только единоверцам и никак не позволяло возвращать их напрямую. Мырза считал, что за каждого пленного необходимо будет заплатить от 30 до 60

³⁵ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3661. Л. 4–4 об.

³⁶ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 39.

³⁷ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3661. Л. 3–3 об.

бухарских червонцев или от 480 до 960 руб.³⁸ Ежегодно можно было бы выкупить от пяти до восьми человек.

В июне 1831 г. оренбургскому военному губернатору П.П. Сухтелену (1788–1833) было передано письмо от русских пленников в Хиве, в котором сообщалось, что в ханстве в неволе находилось до 1800 человек русских людей различного состояния. Не имея возможности выкупить их, военный губернатор роздал начальникам караванов и купцам, отправлявшихся в Хиву, объявление для российских пленников. Он призывал их «возложив надежду на Бога, искать утешения в вере христианской, подкрепляющей страждущих»³⁹ и указывал, что российское правительство, принимая полное участие в горестном положении пленных, заботится об их освобождении, и местное оренбургское начальство никакого случая для этого из виду не упустит.

Единственным действенным решением проблемы похищения киргизами российских подданных с Оренбургской и Нижнеуральской линии для их продажи в неволю в соседние среднеазиатские государства председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс видел в решительном походе на Хиву, «питающую издавна в киргизах дух своедовольства и грабежа»⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выкуп российских подданных из азиатского плена являлся одним из важнейших направлений деятельности Оренбургской пограничной комиссии. В плен попадали как простые обыватели (крестьяне, рабочие, жены и дочери казаков), так и служилые казаки. Оренбургскому военному губернатору приходилось отвечать на многочисленные просьбы от частных лиц и государственных служащих, разыскать и возвратить плененных. Выкуп русских пленников старшинами и султанами из отдаленных аулов являлся не столько актом проявления гуманизма и человеколюбия, сколько желанием выслужиться. Выкуп пленников из Хивинского и Бухарского эмирата требовал значительных денежных трат и наличия посредника из числа мусульман, согласного лично доставить невольника на пограничную линию.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

³⁸ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 2 об.

³⁹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 21.

⁴⁰ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3661. Л. 5.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (ПСЗРИ-1). Т. 38. СПб., 1830. № 29127.
2. ПСЗРИ-1. Т. 20. СПб., 1830. № 14870.

ЛИТЕРАТУРА

Ефремов Ф.С. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию / предисловие магистра исторических наук Петра Кондырева. 3-е изд., исп. и доп. Казань: Университетская тип., 1811. 159 с.

Джунджузов С.В. Баранта как способ разрешения локальных конфликтов в юго-восточном фронтире России в 40–50-х гг. XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 107–113. <https://doi.org/10.17223/15617793/469/14>

Кочнев А.В. Российские подданные в хивинском плену в конце XVIII– начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 100–104. URL: https://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1620&article_id=36291 (дата обращения: 08.06.2026)

Мальцев И.А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, 2007. Вып. 3. Сентябрь. Серия 2. История. С. 71–77.

Модестов Н.Н. К истории освобождения русских пленных из Бухары в 1821 г. (из архива Оренбургской ученой архивной комиссии) // Русский архив. 1914. № 12. С. 455–477.

Перетягко А.Ю. Задержание хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. и российская борьба с работорговлей в Средней Азии. Ч. I. // Былые годы. 2023. 18 (4). С. 1766–1779. <https://doi.org/10.13187/bg.2023.4.1766>

Перетягко А.Ю. Пленники, рабы, свободные: некоторые особенности показаний бывших русских рабов в Средней Азии XIX в. как исторического источника // Былые годы. 2023а. 18 (2). С. 619–632. <https://doi.org/10.13187/bg.2023.2.619>

Перетягко А.Ю. Связанные с рабовладением нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии первой половины XIX в. // Былые годы. 2026. 21 (1). С. 119–130. <https://doi.org/10.13187/bg.2026.1.119>

Почекаев Р.Ю. Из рабов в господа: «карьера» русских пленников в среднеазиатских ханствах XVIII–XIX вв. // История государства и права. 2017. № 18. С. 58–63.

REFERENCES

Efimov F.S. *The wanderings of Philip Efimov in the Kirghiz steppe, Bukhara, Khiva, Persia, Tibet and India and his return from there through England to Russia.* Preface by Master of Historical Sciences Petr Kondyrev. 3rd edition, corrected and supplemented. Kazan: University Printing House, 1811. 159 p. (In Russian)

Dzhundzhuzov S.V. Baranta as a Method of Resolving Local Conflicts in the Southeastern Frontier of Russia in the 1740s–50s. *Tomsk State University Journal*. 2021, no. 469, pp. 107–113. <https://doi.org/10.17223/15617793/469/14> (In Russian)

Kochnev A.V. Russian Subjects in Khiva at the End of the 18th – Beginning of the 19th centuries: Ways of Problem Solving and Consequences. *Tomsk State University Journal*. 2017, no. 423, pp. 100–104. URL: https://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1620&article_id=36291 (accessed: 08.06.2026) (In Russian)

Maltsev I.A. Legal slavery in Siberia and the Orenburg region in the 18th – first half of the 19th centuries. *St. Petersburg University Bulletin*. St. Petersburg, 2007. Iss. 3. September. Ser. 2. History. Pp. 71–77. (In Russian)

Modestov N.N. On the history of the liberation of Russian prisoners from Bukhara in 1821 (from the archives of the Orenburg Scientific Archival Commission). *Russian Archive*. 1914, no. 12, pp. 455–477. (In Russian)

Peretyatko A.Yu. The Detention of Khiva Subjects in the Russian Empire in 1836 and the Russian Fight Against the Slave Trade in Central Asia. Part I. *Bylye Gody*. 2023, 18 (4), pp. 1766–1779. <https://doi.org/10.13187/bg.2023.4.1766> (In Russian)

Peretyatko A.Yu. Captives, Slaves, Free People: Some Features of the Testimony of Former Russian Slaves in Central Asia of the 19th Century as a Historical Source. *Bylye Gody*. 2023, 18 (2), pp. 619–632. <https://doi.org/10.13187/bg.2023.2.619> (In Russian)

Peretyatko A.Yu. Atypical Slavery-Related Cases from the Orenburg Border Commission Practice in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 2026, 21 (1), pp. 119–130. <https://doi.org/10.13187/bg.2026.1.119> (In Russian)

Pochekaev R.Yu. From Slaves to Lords: The «Career» of Russian Captives in the Central Asian Khanates of the 18th–19th centuries. *History of the State and Law*. 2017, no. 18, pp. 58–63. (In Russian)

Информация об авторе:

Четвериков Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором редких книг, консервации и реставрации документов, Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской (Оренбург, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-9750-2896>; e-mail: oonb_rf@mail.ru

About the author:

Sergey A. Chetverikov – Cand. Sci. (History), Head of the Sector of Rare Books, Conservation and Restoration of Documents, Orenburg Regional Library named after N.K. Krupskaya (Orenburg, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-9750-2896>; e-mail: oonb_rf@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.07.2026

Принята к публикации / Accepted 14.08.2026

Бирская гончарная слобода

М.И. Роднов^{1*}, Л.К. Хакова²

¹ *Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация*

** rodnov@uifacot.ru*

² *Краевед*

Бирск, Российская Федерация

Резюме. Важное значение среди кустарных промыслов конца XIX – начала XX в. занимало гончарное (керамическое) производство. Фабричная промышленность не могла обеспечить многомиллионное население Российской империи своей продукцией, в первую очередь жителей сельской местности и небольших уездных городов. Поэтому везде существовало гончарное производство глиняной посуды и другой продукции. А в местах с концентрацией населения складывались специализированные районы, где селились гончары. Так было в Уфе (Нижегородка), так произошло и в Бирске – центре огромного Бирского уезда, охватывавшего почти весь север Уфимской губернии. Там на северной окраине города к началу XX в. сложилось отдельное небольшое поселение – Гончарная слобода (улица Гончарная). Количество ремесленников-гончаров было не особенно велико, достигая несколько десятков мастеров. Ежегодно один гончар с помощью членов семьи изготавливал сотни изделий, что вполне обеспечивало потребности рынка. Вдобавок на бирские базары поступала продукция сельских ремесленников, а для постоянной части населения в магазинах всегда имелась в продаже железная, стеклянная, хрустальная посуда. Из-за сравнительной малочисленности и работы исключительно на местные рынки, в исторических источниках, исследованиях статистиков гончарное производство освещалось слабо, в сравнении с другими промыслами. Поэтому важное значение имеет привлечение новых источников – материалов городской переписи 1917 г. и воспоминаний жителей Бирска, обитавших в районе улицы Гончарной.

Ключевые слова: Бирск; Уфимская губерния; гончарное производство; керамика; торговля; городская перепись 1917 года; мемуары; экономика; вторая половина XIX – начало XX века

Для цитирования: Роднов М.И., Хакова Л.К. Бирская гончарная слобода. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, №. 3. С. 82–102. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.82-102>

Birsk Pottery Settlement

M.I. Rodnov^{1*}, L.K. Khakova²

¹ Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

* rodnov@ufacom.ru

² Local historian
Birsk, Russian Federation

Abstract. Pottery (ceramics) production occupied a significant place among the handicraft industries of the late 19th and early 20th centuries. Factory production was unable to provide for the multi-million population of the Russian Empire, primarily those living in rural areas and small provincial towns. Therefore, pottery – the making of clay vessels and other goods – existed everywhere. In densely populated areas, specialized craft quarters developed where potters settled. This was the case in Ufa (Nizhegorodka), as well as in Birsk, the center of the vast Birsk district, which encompassed almost the entire northern part of Ufa province. There, on the northern outskirts of the city, by the early 20th century, a separate small settlement had emerged – Goncharnaya Sloboda (Goncharnaya Street). The number of pottery artisans was not particularly large, reaching a few dozen master craftsmen. Each year, a single potter, with the help of family members, produced several hundred pieces, which amply met the market's needs. In addition, the Birsk bazaars supplied the products of rural artisans, and for the wealthy segment of the population, iron, glass, and crystal tableware were always available in stores. Due to the comparatively small number of workers and their exclusive focus on local markets, pottery production has received little attention in historical sources and statistical studies compared to other crafts. Therefore, it is important to draw on new sources – data from the 1917 city census and the memoirs of Birsk residents living in the Goncharnaya Street area.

Keywords: Birsk; Ufa province; pottery production; ceramics; trade; 1917 city census; memoirs; economics; second half of the 19th – early 20th centuries

For citation: Rodnov M.I., Khakova L.K. Birsk Pottery Settlement. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 3, pp. 82–102. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.82-102> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее успешно развивающихся направлений в современной российской историографии является история повседневности, изучение обыденной жизни преимущественно рядового населения. А всю жизнь любой семьи во все века сопровождает посуда. Глиняную посуду наиболее активно изучают археологи, для которых керамика – один из важнейших источников познания прошлого, вплоть до нового времени (Данилов, 2022). Значительный вклад внесли этнографы, Д.К. Зеленин отмечал для-

тельное бытование у русских ручного гончарного круга. В знаменитом своим гончарном производстве с. Гжель Бронницкого уезда Московской губернии еще в 1860 г. пользовались как ручным, так и ножным гончарными кругами. Зеленин выделял три типа глиняной посуды – в форме овала (горшки и пр.), цилиндра (кружка, кринка, др.) и перевернутого усеченного конуса (миска, плошка и т. д.) (Зеленин, 1991, с. 134, 138–139). Такое деление сохраняется в современных книгах, рассчитанных на широкую публику (Беловинский, 2003); [8].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В обширной советской и новейшей историографии о кустарных промыслах (крестьянской промышленности) России приводились общие данные по гончарному производству (Рындзюнский, 1966; Тарновский, 1995; Водарский, 2004). В последних исследованиях раскрываются региональные особенности. Так, в Московской губернии в конце XIX в. гончарный промысел включал производство разной фарфоровой, фаянсовой и глиняной посуды, кухонных и садовых горшков, белого, красного, огнеупорного кирпича, труб, брусков для кос и т. д., выделялся Гжельский район. Но сельские мастера не выдерживали конкуренции с промышленным фарфорово-фаянсовым производством, разорялись, переходили на фабрики. В материалах обследования Богородского уезда в 1890 г. отмечались жалобы кустарей, «что простой горшечный товар не находит себе более сбыта». Его вытесняли стекло, эмалированная и жестяная посуда, дешевый фаянс. «Горшечники, наперекор всем требованиям рынка, из года в год производят одну и ту же посуду» (Егоров, 2011, с. 78, 195, 208).

М.В. Карташова справедливо обратила внимание на локальное место горшечного промысла. Группа, «в которую входили гончарный, кирпичный, изразцовый промыслы, изготовление глиняных свистулек, не имела всероссийского значения. Изделия сбывались на местных рынках. Региональные центры гончарного производства сложились практически во всех губерниях» (Карташова, 2025, с. 381). Перевозка достаточно хрупкой и недорогой глиняной посуды на большие расстояния была крайне сложна.

Гончарное производство затрагивалось в региональных исследованиях по кустарным промыслам (Перепелицын, 2005; Никулин, 2017; Григорова, 2017; Махрачев, 2023). Наибольшее значение имеет цикл трудов, непосредственно посвященных гончарному мастерству. В них подробно, с анализом технологий, рассматриваются локальные центры, показаны особенности, динамика производства (Шмагало, 1992; Скобликова, 2014; Шевчук, 2015, 2017; Мамонтова, 2015; Вечорко, 2017).

Интерес вызывают диссертации по сопредельным регионам. В работе археолога Р.С. Кирсанова сочетались археологический анализ вещевых коллекций, материалы опросов гончаров и привлечение письменных источников, отдельная глава посвящена гончарному производству Самар-

ского края с подробным анализом местных технологий. Автор, опираясь на труды предшественников (А.А. Бобринского, Е.П. Бусыгина и др.), проследил истоки архаичного гончарства из Костромской губернии и высокоразвитого с украинских регионов (Кирсанов, 2000). Вообще, на стыке археологии и собственно истории в Среднем Поволжье гончарство изучается весьма основательно.

Это подтвердила защищенная в Казани диссертация специалиста по декоративно-прикладному искусству А.Ю. Махинина (Махинин, 2012). В селе Пестрецы изготавливалась строительная керамика, утилитарная (бытовая) гончарная посуда, мелкая пластика. На основе народного промысла в 1912 г. открывается Пестречинская гончарная художественно-ремесленная учебная мастерская А.И. Ильинского. Казанский край был тесно связан речными коммуникациями с Бирском, возле Елабуги даже действовал Кокшанский керамический завод, выпускавший плитку для полов и каминов.

А.Ю. Махинин выделяет причины возникновения гончарного промысла – потребность в дополнительном заработке, наличие сырья, спрос местного населения (Пестрецы лежат недалеко от Казани). При объяснении истоков гжельского промысла добавляют бедные глинистые почвы в лесном краю, малопригодные для сельского хозяйства. Думаем, что в каждом конкретном случае работала комбинация этих факторов, среди которых к началу XX в. на первое место, с нашей точки зрения, выходили запросы местных рынков.

Даже в города происходил непрерывный привоз простой гончарной посуды деревенских ремесленников. Ее везли в Санкт-Петербург, где продавали лавочникам на Сенной площади, в Тихвин, Гатчину, Царское Село, Петергоф (Никулин, 2017, с. 186, 188–190). В многочисленных рабочих окраинах на столах стояли обычные глиняные тарелки. С фотографии предположительно 1916 г. на уфимской Верхне-Торговой площади видно изобилие простой гончарной посуды: всевозможные горшки и миски, вплоть до очень крупных, рядами расставлены на снегу (Роднов, 2024, с. 84).

В краеведческой литературе по Уфимской губернии гончарное производство мимоходом упоминается в обобщающих трудах. Лишь историк-любитель А.Н. Дегтярев выпустил несколько работ, затрагивая местные кустарные промыслы. Он немного говорит о горшечном промысле, отмечая, что каменная (глиняная) посуда стоила от 2 до 20 коп. (Дегтярев, 2000, с. 46). Уфимская статистика оставила небольшое наследие по кустарным промыслам.

ОБСУЖДЕНИЕ

При изучении гончарного производства необходимо учитывать, что даже среди кустарных занятий изготовление посуды носило наиболее «потребительский», локальный, малотоварный характер. Это в значительной степени объяснялось дешевизной самой продукции, стоившей копейки.

Краевед-историк XIX в. Р.Г. Игнатьев приводил обычаи русского населения Южного Урала. Так, в Миасском заводе свадебный обряд включал попойку, где «женщины с криком бьют горшки» [2, с. 263]. В Троицком уезде на свадьбе «женщины, подвыпивши порядком, бьют горшки, если невеста оказалась девицей» [3, с. 378]. Никакую другую домашнюю утварь не ломали.

Тот же Р.Г. Игнатьев в 1866 г. провел подробное статистическое обследование города Бирска. Видимо, от местных властей он узнал число городских ремесленников, среди которых оказались всего два горшечника. Сам же Бирск в 1865 г. насчитывал 3112 жителей при 479 домах. Если на каждое жилище условно в среднем считать по десятку штук глиняной всевозможной посуды, то бирский городской рынок потреблял около 5 тыс. изделий гончарной продукции, достаточно хрупкой и недолговечной, между прочим. Сложно поверить, что два мастера выпускали такие объемы. Хотя...

По данным северо-западных губерний, семья горшечника в месяц изготавливала несколько сот горшков, за день один горшечник на гончарном круге мог сделать до 100 горшков средней величины или столько же чашек. По другим сведениям, дневная выработка гончара достигала даже 200 или 300 изделий (Никулин, 2017, с. 187, 189). В Уфимской губернии «большая часть заведений [гончаров] работает в течение весенних и летних месяцев в свободное от сельско-хозяйственных работ [время]» [5, с. 120]. В любом случае, за полгода два горшечника могли изготовить не менее одной тысячи изделий.

В современном обществе нормы боя посуды (нормы эксплуатационных потерь фарфорово-фаянсовых изделий) в предприятиях рядовой категории (общедоступные кафе и рестораны) исчисляется в денежном эквиваленте, в среднем составляя около 0,5% годового розничного товарооборота, при этом чем богаче заведение, тем выше процент боя посуды. Это было установлено приказом Минторга СССР в 1982 г., действовал по 2020 г. Если перевести эти стандарты в натуральные величины, тогда годового боя глиняной посуды в Бирске исчислялся совсем небольшими числами.

Двух горшечников, в принципе, вполне могло хватать для обеспечения рынка небольшого уездного городка, а на постоянные в Бирске базары привозили свою продукцию деревенские кустари.

Затем, у населения в изобилии было деревянной посуды (чашки, ложки), в Бирске проживал один ремесленник, резавший деревянную посуду. Более состоятельные семьи покупали дорогую фарфоровую, фаянсовую, стеклянную посуду, хрусталь. Хотя бы в небольшом числе, но у всех имелась ценная железная посуда (котлы, чайники, сковороды и пр.), а также самовары.

Это подтверждают сведения о бирской ярмарке 1866 г., куда привезли всевозможные металлические изделия, на 100 руб. посуды дубовой (всю скупили), посуду фарфоровую и фаянсовую (привезли на 4 тыс. руб., продали на 800 руб.), а также стеклянную и хрустальную (на 500 и 100 руб.,

соответственно) [2, с. 201, 216, 219]. В домах уже стояли шкафы с посудой, в простых избах ей отводили место на полках.

В последующих справочниках Бирск не упоминался как центр гончарного производства. На 1886 г. сообщалось о наличии в Бирске уже трех кустарей горшечников (18 чел. в семьях) (Роднов, 2026, с. 134). Более интересные данные приводит Первая всеобщая перепись населения 1897 г. При распределении жителей по видам занятий выделялась группа № 28: «обработка минеральных веществ (керамика)». В Бирске этим занимались 19 мужчин и 7 женщин (sic!), членов семейств еще учли 15 мужских и 33 женских души [7, с. 94]. Это уже внушительная группа горожан – 74 человека. Город стремительно развивался, росли все слои населения от купцов до рабочих, спрос на посуду также возрастал. Город стоял на речном пути, поэтому для состоятельных жителей завозилась всевозможная посуда – от стальной до кузнецовского фарфора. Но в погребах непременно стояли глиняные корчаги, горшки, на подоконниках – цветочные банки, глазурованные миски доставались в обед и ужин. Население Бирска увеличивалось в основном за счет миграции из деревень, вчерашние крестьяне долго сохраняли сельские стандарты питания и, соответственно, посуды. Керамика оставалась востребованной.

Логично, что мастера-гончары начали селиться рядом друг с другом. Так, на северной окраине Бирска возникает Гончарная слобода, именовавшаяся в просторечии Гончаркой. По картам города вплоть до начала XX в. граница северной застройки проходила по улице Кладбищенской, современное название – Лермонтова. Она протянулась с востока на запад, где располагались кладбище (сохранилось) и рядом Свято-Троицкий женский монастырь. Народу здесь проживало немного, по улице Кладбищенской в 1917 г. было всего десять усадеб.

Далее раскинулись сельскохозяйственные угодья (деревни Гребени, Покровское). Само селение бывших удельных крестьян лежало в 13 верстах к северу от Бирска, видимо, поэтому дальние угодья сдавались под застройку. Даже на карте Бирска 1932 г. из коллекции Бирского исторического музея за Гончарной слободой (ул. Гончарной) показаны «земли с.-х. назначения». Гончарка возникла в небольшом (в пределах современного квартала) отдалении от сплошной городской застройки. Почему именно там поселились кустари? Дело в том, что к северу от кладбища на всех картах показан «овраг крутой», начало которого находится возле Гончарки. Там добывали глину.

Гончарка возникает на рубеже XIX–XX вв. и сразу была включена в состав города. В инвентарно-окладной книге Бирска, подготовленной до 1904 г., самого названия еще нет, что свидетельствует о сравнительно недавнем поселении. Но поименный состав домовладельцев в сравнении с материалами городской переписи 1917 г. показывает, это одно и то же население. В инвентарно-окладной книге эти дворы сгруппированы под заголовком: «без кварталов, около кладбища» (Роднов, 2026, с. 473).

Всего в начале 1900-х гг. здесь возвели 15 жилых одноэтажных домов, из них четыре именовались просто изба (еще одна изба стояла на усадьбе как второе жилье, и был один прируб), учли два подвала. Все крыши покрывались тесом, в двух случаях нет информации, лишь единственный дом Петра Николаевича Пономарева имел железную крышу. Это были маленькие домики объемом от 2 до 14 куб. саж., оценкой в небольшие суммы – от 3 до 23 руб. И ни у кого не было огородов, приусадебной территории.

Бедная рабочая окраина на неплодородных (с глиной) почвах мало привлекала как ремесленников-гончаров, так и просто бедное население. Из 15 семейств через десяток лет остались тут жить всего пятеро. Их с наибольшей вероятностью и можно считать занимавшимися промыслом.

Комплектовалось население Гончарной слободы из самых разных уроженцев, частично это были представители распространенных в Бирске фамилий (Галановы, Тороповы, Самойловы и др.), другие переселялись из деревень. Это подтверждают записанные Л.К. Хаковой в июне 2026 г. воспоминания о переселении семьи гончаров Нориных в Бирск из деревни Баженово уже в советское время. Миграция продолжалась и новые обитатели, занимавшиеся промысловой деятельностью, селились именно в Гончарке. К примеру, в Баженовке одной из самых распространенных была фамилия Климины и в 1917 г. в Гончарке проживал Иван Лаврентьевич Климин с семейством (еще одна семья Климиных обитала в Бирской Верхней слободе, тоже небогатой городской окраине).

В самом конце 1890-х гг. по поручению Уфимского губернатора Н.М. Богдановича делопроизводитель Уфимского губернского кустарного отдела Н.П. Газов собрал подробные сведения по всем волостям. В отличие от других источников, Газов установил, что в деревне Ново-Петровке пригородной Старо-Петровской волости «некоторые лица делают деревянную посуду», в деревне «Родыгине обжигают кирпичи, в д. Пономарёвке – глиняную посуду» [1, с. 58, 59]. То есть, по меньшей мере небольшое гончарное производство в окрестностях Бирска существовало, откуда на базар везли горшки и крынки, затем в город переселялись отдельные мастера, в Гончарку. Само возникновение специализированной Гончарной слободы в Бирске показывает развитие городского рынка, такая же ситуация была и в Уфе, где посуду делали в особом районе – Нижегородке.

ГОРОДСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 1917 ГОДА

Сохранившиеся в уфимском архиве карточки городской переписи 1917 г. (в Бирске проводилась осенью, в октябре) позволяют увидеть население Гончарной слободы (таблица 1)¹.

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 111.

Таблица 1. Население Гончарной слободы города Бирска в 1917 г.
Table 1. Population of the Goncharnaya Sloboda of the city of Birska in 1917

Кв.	Обстановка	Квартирохозяин, постоянно живут, возраст, статус
Ул. Гончарная, д. 2. Домовладелец – Прасковья Максимовна Рубцова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, плита	1. Рубцова Прасковья Максимовна, 43, хозяйка 2. Петр, 6, сын 3. Ситников Никифор Димитриевич, 55, жилец
Ул. Гончарная, д. 3. Домовладелец – Андриян Кузмич Вепрев		
Кв. 1	1 комната, русская печь	1. Вепрев Андриян Кузмич, 50, хозяин 2. Арина Феладеновна, 43, жена 3. Иван, 22, сын 4. Аграфена, 23, жена сына 5. Анна, 16, дочь хозяина
Ул. Горшечная, д. 4. Домовладелец – Евгений Димидович Киселев		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь, дойная корова	1. Киселев Евгений Димидович, 42, хозяин 2. Евдокия Никифоровна, 45, жена 3. Степан, 15, сын 4. Парасковья, 12, дочь 5. Мария, 10, дочь 6. Александра, 7, дочь 7. Николай, 6, сын
Ул. Гончарная, д. 6. Домовладелец – Анастасия Яковлевна Торопова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова, подтелка	1. Торопова Анастасия Яковлевна, 56, хозяйка 2. Торопов Павел Исаевич, 30, сын, во временной отлучке 3. Торопова Татьяна Исаевна, 16, дочь, во временной отлучке
Ул. Гончарная, д. 7. Домовладелец – Григорий Ильич Ерыжинов		
Кв. 1	1 комната, русская печь, нерабочая лошадь, дойная корова, нежилое помещение	1. Ерыжинов Григорий Ильич, 43, хозяин 2. Степанида Николаевна, 39, жена 3. Александра, 9, дочь
Ул. Гончарная, д. 7. Домовладелец – Григорий Егорович Белоусов		
Кв. 1	1 комната, русская печь, рабочая лошадь до 4-х лет, дойная корова, теленок, 2 поросенка	1. Белоусов Григорий Егорович, 47, хозяин 2. Анна Максимовна, 47, жена 3. Екатерина, 12, дочь 4. Анна, 6, дочь 5. Петр, 3, (сын) 6. Елена, 0, дочь
Ул. Гончарная, д. 8. Домовладелец – Димитрий Степанович Желонкин		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь	1. Желонкина Мария Павловна, 70, хозяйка,
Ул. Гончарная, д. 12. Домовладелец – Алексей Петрович Смирнов		
Кв.	2 комнаты, рус-	1. Смирнов Алексей Петрович, 38, хозяин

1	ская печь	2. Софья Васильевна, 38, жена 3. Филипп, 16, сын 4. Егор, 13, сын 5. Михаил, 8, сын 6. Павел, 7, сын 7. Александр, 4, сын 8. Таисия, 0, дочь
Ул. Горшечная, д. 13. Домовладелец – Василий Николаевич Пономарев		
Кв. 1	2 комнаты, 2 русских печи, голландка, не-рабочая лошадь, дойная корова	1. Пономарев Василий Николаевич, 58, хозяин 2. Ольга Петровна, 60, жена 3. Юсупова Мария Васильевна, 25, дочь 4. Иван Семенович, 26, муж дочери, в армии 5. Валентина, 8, дочь 6. Антонина, 7, дочь 7. Сергей, 3, сын 8. Брызгалов Даниил Савельевич, 78, жилец
Ул. Гончарная, д. 15. Домовладелец – Иван Романович Лаптев		
Кв. 1	2 комнаты, рус-ская печь, гол-ландка, коза	1. Лаптев Иван Романович, 27, хозяин 2. Евдокия Семеновна, 25, жена 3. Лидия, 7, дочь 4. Александра, 5, дочь 5. Петр, 5, сын 6. Таисия, 0,5, дочь 7. Константинов Семен Васильевич, 17, рабочий
Ул. Гончарная, д. 16. Домовладелец – Маремьяна Ермолаевна Шмакова		
Кв. 1	1 комната, рус-ская печь, дой-ная корова, 2 свиньи	1. Шмакова Маремьяна Ермолаевна, 74, хозяйка 2. Иванова Евдокия Феодоровна, 48, дочь хозяйки 3. Елизавета, 15, внучка 4. Мария, 8, внучка
Ул. Гончарная, д. 18. Домовладелец – Лукьян Васильевич Пермин		
Кв. 1а	1 комната, рус-ская печь, под-топок, дойная корова, нежилое помещение	1. Пермин Лукьян Васильевич, 75, хозяин 2. Прасковья Ефремовна, 75, жена 3. Анастасия Павловна, 32, сноха 4. Евлампий Лукьянович, 32, муж снохи, в армии 5. Трофим Лукьянович, сын хозяина, в армии 6. Вера, 8, дочь снохи 7. Геннадий, 5, сын снохи 8. Александр, 3, сын снохи 9. Павел, 1,5, сын снохи
Кв. 1б	вместе с 1а	1. Желчева Анна Гаврииловна, 22, жилища 2. Иван Николаевич, 24, муж 3. Анатолий, 1, сын
Кв. 1в	вместе с 1а	1. Абрамова Авдотья Гаврииловна, 36, хозяйка 2. Михаил Карпович, 38, муж, в армии 3. Мария, 12, дочь хозяйки 4. Александр, 6, сын
Кв.	2 комнаты, рус-	1. Климин Иван Лаврентьевич, 39, хозяин

Роднов М.И., Хакова Л.К. БИРСКАЯ ГОНЧАРНАЯ СЛОБОДА

2	ская печь	2. Прасковья Гаврииловна, 40, жена 3. Фекла, 16, дочь 4. Александр, 13, сын 5. Анастасия, 8, дочь 6. Алексей, 7, сын 7. Лидия, 5, дочь 8. Мария, 1, дочь
Гончарная слобода, д. 20. Домовладелец – Вера Емельяновна Ладыгина		
Кв. 1	3 комнаты, русская печь, голландка	1. Ладыгина Вера Емельяновна, 60, хозяйка 2. Мирон Степанович, 70, муж 3. Мария Семеновна, 33, сноха 4. Семен Миронович, 33, муж снохи (сын), в армии 5. Димитрий, 11, сын 6. Илья, 4, сын 7. Екатерина, 7, дочь
Ул. Гончарная, д. 21. Домовладелец – Иван Андреевич Мосунов		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь	1. Мосунов Иван Андреевич, 58, хозяин 2. Акулина Петровна, 57, жена 3. Николай, 24, сын 4. Иван, 22, сын, в армии 5. Клавдия, 17, дочь 6. Вера, 14, дочь 7. Илья, 10, сын
Ул. Гончарная, д. 21. Домовладелец – Елизавета Ивановна Морозова		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь, подтопок	1. Бахтина Парасковья Ефремовна, 38, хозяйка 2. Степан Иванович, 47, муж 3. Петр, 16, сын 4. Александр, 13, сын 5. Анна, 9, дочь 6. Анастасия, 4, дочь 7. Антонина, 2, дочь
Ул. Гончарная, д. 22. Домовладелец – Мария Егоровна Белоусова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова	1. Белоусова Мария Егоровна, 48, хозяйка 2. Добрынин Сильверст Иванович, 45, незаконный (невенчаный) муж 3. Феодор, 9, сын 4. Александр, 11, сын
Ул. Гончарная, д. 24. Домовладелец – Варвара Васильевна Сушкова		
Кв. 1	3 комнаты, русская печь, подтопок	1. Сушкова Варвара Васильевна, 36, хозяйка 2. Сергей Яковлевич, 34, муж, в армии 3. Алексей, 13, сын 4. Тимофей, 9, сын 5. Михаил, 8 месяцев, сын 6. Надежда, 11, дочь 7. Елизавета, 8, дочь 8. Евдокия, 6, дочь

Ул. Гончарная, д. 27. Домовладелец – Семен Павлович Исупов		
Кв. 1	2 комнаты, русская печь, голландка, дойная корова	1. Исупов Семен Павлович, 56, хозяин 2. Мавра Спиридоновна, 47, жена 3. Елизавета, 17, дочь 4. Мария, 15, дочь 5. Михаил, 10, сын 6. Анна, 5, дочь
Ул. Гончарная, д. 28. Домовладелец – Исак Николаевич Егошин		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова, теленок	1. Егошин Исак Николаевич, 48, хозяин, во временной отлучке 2. Евдокия Ивановна, 39, жена 3. Мавра Исаковна, 20, дочь 4. Штейнмиллер Николай Германович, 22, муж дочери 5. Вера, 2, дочь Мавры
Ул. Гончарная, д. 29. Домовладелец – Архип Архипович Быков		
Кв. 1	1 комната, русская печь, подтелка	1. Быков Архип Архипович, 70, хозяин 2. Ульяна Степановна, 50, жена
Ул. Гончарная, д. 30. Домовладелец – Петр Сидорович Смирнов		
Кв. 1	1 комната, русская печь, рабочая лошадь	1. Смирнов Петр Сидорович, 70, хозяин 2. Александра Степановна, 70, жена 3. Семенов Иван Васильевич, 22, зять, в армии 4. Екатерина Петровна, 29, дочь 5. Смирнова Анна Петровна, 19, дочь 6. Семенова Анастасия, 3, внучка 7. Семенова Мария, 0, внучка
Ул. Гончарная, д. 34. Домовладелец – Истор Иванович Гилев		
Кв. 1	1 комната, русская печь, рабочая лошадь	1. Гилев Яким Феодорович, 47, хозяин 2. Дария Кузьминична, 44, жена 3. Илия, 7, (сын) 4. Феодор, 4, сын 5. Клавдия, 2, дочь
Ул. Гончарная, без номера (между №№ 12 и 29). Домовладелец – Евдокия Клементьевна Решетникова		
Кв. 1	1 комната, русская печь, дойная корова	1. Решетникова Евдокия Клементьевна, 46, хозяйка 2. Кондякова Васса Ивановна, 17, дочь 3. Тимофеева Васса Мосеевна, 75, мать

Фамилии, имена, отчества приводятся как в источнике, сначала идет собственник жилья (усадыбы) – домохозяин (мог быть и арендатором), затем в списке жильцов первым пишется квартирохозяин (в таблице – хозяин, хозяйка), после указан возраст (число лет, 0 – несколько месяцев), в круглых скобках добавлены пропущенные, но очевидные сведения, например, сын.

Сама городская перепись 1917 г. – очень редкий источник, сохранившийся в считанном количестве архивов страны, совершенно неизвестный,

не используемый историками и почти нигде не публиковавшийся. Лишь бирский краевед С.Ф. Сахратуллин включил ее материалы в свою работу, но в сокращенном виде (Сахратуллин, 2000). По ряду регионов их материалы сразу издавались (см., напр.: [4]) (проведение самой переписи здесь не рассматривается). Во время обследования использовалось несколько формуляров: подворная ведомость (форма № 1) и поквартирная карточка (форма № 2), в таблице 1 их данные объединены. Изредка на местах встречался иной формуляр (печатали на местах, когда не хватало бланков).

Городская перепись 1917 г. проводилась вместе с более известной сельскохозяйственной и поземельной, но количество информации несравненно меньше. Городское население, в отличие от сельского, невозможно заставить давать сведения по экономике, поэтому, кроме демографических данных, собирались показатели, которые было видно воочию: число комнат (без их размера), отопительных печей и домашнего скота.

Печи подразделялись на кухонные русские печи, плиты, подтопки, голландские, ваннные, каминные и прочие (в Бирске появляются уже железные печи – буржуйки). Подробная градация была по домашнему скоту: рабочие лошади старше и до 4-х лет, нерабочие лошади (от 1 года до рабочего возраста), жеребята до 1 года, дойные коровы, нетели старше 1,5 лет, подтелки и бычки от 1 года до полутора лет, телята до года, свиньи и борова старше одного года, поросята до 4-х месяцев. Птицу, кроликов, пчел, огороды и сады городская перепись не фиксировала.

Тем не менее, даже при такой ограниченной информации городская перепись 1917 г. открывает огромные перспективы для историков и краеведов (Иллювиев, 2024). Из таблицы 1 видно, что Гончарная слобода Бирска насчитывала уже 23 домохозяйства, но из 15 семейств на 1904 г. осталось всего пять старожилов, мобильность населения на бедной окраине была большой. Очевидно, что продолжался процесс освоения территории. Незадолго до переписи в Бирске ввели нумерацию домохозяйств, не все номера в наличии, дважды указаны одинаковые номера (7 и 21), видимо, оставались пустые, незастроенные участки. Даже название Гончарной улицы еще не закрепилось окончательно, в одном случае вписали Гончарная слобода (№ 20), дважды улицу именовали Горшечной (№ 4 и 13), что говорит о главной продукции местных кустарей.

Но общая картина очевидна. В начале XX в. Бирск переживал эпоху расцвета, население города быстро увеличивалось в первую очередь за счет рабочих окраин. Осенью 1917 г. в Гончарной слободе проживало уже 140 душ, включая временно отсутствовавших и призванных в армию.

Хотя большинство по-прежнему составляли одноэтажные и однокомнатные домики (избушки), в 1917 г. из 23 построек насчитывалось 8 двухкомнатных (как минимум, это классический капитальный пятистенки) и выстроили три трехкомнатных дома. У всех дымили русские печи, но в четырех домах стояли голландские печи, своеобразный признак зажиточности (и культуры). Также в ряде случаев выкладывали подтопок – небольшую до-

полнительную отопительно-варочную печь, совмещенную с подовой (камерной) русской печью, обычно пристроенную ниже или сбоку от устья печи. Его топили летом, когда не нужно всю печь разогревать, на нем быстро готовили пищу. Появление голландок (их устройство неизвестно, могли быть и с кухонными плитами) и подтопков свидетельствует о расчетливости новых обитателей Гончарной слободы, экономивших недешевые здесь дрова. Часть печей могла использоваться для обжига керамики.

В двух случаях (№ 7 и 18) отмечены нежилые помещения, причем второй – это владение Лукьяна Васильевича Пермина (Перминова в 1904 г.), одного из пяти старожилов и возможного кустаря-ремесленника. Вероятно, это гончарные мастерские. В доме № 15 проживал рабочий, появляются квартиранты (жильцы) и много съемщиков видим как раз на усадьбе № 18 того же Л.В. Пермина. Они теснились в небольшом доме, но, обратим внимание, именно здесь обосновалось семейство Климиных из Баженовки. Можно предположить, селили земляков, помогавших в промысле.

Конечно, нет свидетельств, что все обитатели Гончарки лепили горшки. Сюда переселялся самый разный люд, небогатый, трудившийся кто где. Так, Желонкины (№ 8) служили при бирской больнице, сам – сторожем. Больничный городок находился недалеко. Отметим немалый возраст новых обитателей Гончарки: А.А. Быкову и П.С. Смирнову в 1917 г. исполнилось 70 лет, М.Е. Шмаковой – 74 года. В Гончарку переезжали целыми семьями.

А преобладание сельских уроженцев показывает местное стадо из 11 дойных коров, немало паслось иной скотины, было три рабочих и две нерабочих лошади. В общем северная окраина Бирска активно застраивалась, обилие детишек младших возрастов – лучшее доказательство успешного развития Гончарки.

По сравнению с инвентарно-окладной книгой около 1904 г., в 1917 г. продолжали здесь жить пять семейств: Андреяна Кузьмича Вепрева (№ 3 в таблице), видимо, почившего Тимофея Константиновича Рубцова заменила вдова Прасковья Максимовна Рубцова (№ 1), здравствовали Семен Павлович Исупов (№ 27), Василий Николаевич Пономарев (№ 13) и Лукьян Васильевич Пермин (№ 18). В 1904 г. в Гончарке проживал еще брат Петр Николаевич Пономарев, а также Илья Афанасьевич Пономарев, видимо, подселился сюда клан родичей, но оба последних съехали.

У всех «коренных» обитателей Гончарки были немалые семьи, исключая вдову Рубцову. Всего же из 23 домовладений в восьми случаях хозяевами (собственницей или арендатором) являлись женщины, каждая третья усадьба была в «бабьих» руках. Вспомним, данные переписи 1897 г. выше, что гончарным промыслом в Бирске занималось 19 мужчин и 7 женщин. Вполне вероятно, и женщины лепили горшки с тарелками на продажу.

Гончарный промысел носил узколокальный характер, поэтому в местном исследовании ему отвели скромное описание. В Уфимской губернии производится «исключительно посуда из красной глины – горшки, корча-

ги, квашенки, банки и т. д.» Валовой доход определялся в пределах от 69 до 250 руб., в среднем – 81 руб. Кроме глины употребляли сурик, деготь, смолу, свинец и дрова для обжига. Посуда выпускалась в основном «простая – черная без глазури». Работали прямо в жилой избе, лишь обыкновенная русская печь «делается несколько больших размеров». Только при изготовлении глазурованной посуды устраивали маленькие мастерские в отдалении (в логу, у речки), где ставили особый горн для обжига посуды. Главным в производстве являлось «кружало», гончарный круг, на котором формировалась посуда [5, с. 120, 121].

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Во время сбора материалов в июне 2026 г. Л.К. Хаковой с помощью краеведа из Бирска Радика Зариповича Валитова удалось записать рассказ Григория Александровича Норина (1955 г. р.), сына последнего гончара с улицы Гончарной Александра Сергеевича Норина (1930–2002).

«В Бирск дед Сергей перебрался из-под Баженово Бирского района (Норины – распространенная фамилия в Баженово – *М.Р., Л.Х.*), активно гончарил, потом был призван на фронт в 1941 г. и пропал без вести. Александр жил в доме на улице Гончарная (ныне Кадомцева, 6), который потомками уже много раз перепродан и обновлен. Этот дом Александр Норин построил в начале 1960-х гг. Продаст свою глиняную продукцию на базаре, купит несколько бревен на сколько хватит денег. Так по бревнышку и выстроил дом для семьи. За домом в логу набирали лопатой глину в ведра и приносили домой для замачивания. Воду по талонам, которые выдавал домком, набирали на Малогончарном роднике с соседней улицы, сначала шли прямо, потом спускались в лог, примерно с 2–3 километра пройдя до него. Там стоял домик и сторож. Талонов давали по количеству членов семьи. Летом ниже родника полоскали выстиранное дома белье, зимой на реке Белой делали проруби, дорожку к ним укрепляли досками.

В сенях был гончарный круг, на котором искусно работал отец, он был настырным и всегда воодушевленным. Любил глину, движение гончарного круга. Изделия (трубы для печей, кувшины, плошки, горшки) устанавливались на деревянные стеллажи в углу дома. Посередине комнаты стояла русская печь, дом отапливался дровами, на голландке готовили еду. По мере подсыхания готовность изделия щелчком проверяли, по-разному позванивала посуда. Для следующей стадии глиняная вещь должна быть полусухая.

В огороде под логом соорудили дощатый сарай, где стоял горн для обжига. Это овальное сооружение в виде башкирской юрты из кирпича, купленного у мастера-кустаря на рынке. Высота сооружения около 3 метров. Внутри трубы, расположенные горизонтально, для укладки изделий. Отец залезал вовнутрь, а жена с сыном Григорием осторожно подавала изделия, которые отец аккуратно по своей схеме располагал. Сверху вход

закладывали черепицей, оставляя дымоход. Снизу топка, в которую снаружи подкладывали поленья и разводили костер, который помешивали длинной кочергой, чтоб не было яркого пламени, а шло ровное тепло. Всю ночь топили. Огонь надо поддерживать без сильного пламени, дрова брались полусухие. Несколько дней изделия оставались внутри печи, на стенах которой собиралось много копоти. После полного остывания продукция бережно доставалась, доводилась до готовности: подчищалась, покрывалась кисточкой каким-то составом, придававшим блеск, гладкость, незатейливую узорчатость. Готовые изделия полноправно селились в доме, водруженные на стеллажи. В базарные дни гончар с супругой загружали готовый товар на самодельную тачку в два колеса и вывозили продавать в район нынешнего ГДК (городского дома культуры). Первоклассные изделия Норина Александра Сергеевича ценились и бойко раскупались как на базаре, так и из дома на заказ. На вырученные деньги приобретались дрова и другие базарные вещи для семейства. Александр и Александр создали семью в 1953 г. и отселились от родителей в лог, в землянку. Тогда действовал закон, если не работаешь на государство, под строительство дома земля в городе не выдавалась. У четы Нориных родились шестеро детей (Надя, Григорий, Сергей, Галя, Люда, Надя), выросли Григорий, Галя, Надя. Мама Норина Александра Сергеевна, в девичестве Тимофеева (1934–2003).

Норин Григорий живет на бывшей Гончарной в бабушкином доме (ныне Кадомцева, 23). Норина Дарья Алексеевна прожила здесь до 1982 г. При ремонте много глиняных черепков ушло как расходный материал. Но несколько изделий и кочерга случайно сохранились.

А.С. Норин гончарил до [19]60-х гг., потом времена нэпа (так в воспоминаниях – авт. *М.Р., Л.Х.*) запретили частное производство. В округе все быстро свернулись. Некоторое время работал по-партизански. На дом вешали большой замок для проверяющих из налоговой. Александр Норин самый последний на Гончарке закрыл свое любимое дело. Устроился в МСО (межколхозная строительная организация) бригадиром пилорамы. Награды: медали "К столетию Ленина 1870–1970 гг.", "Победитель соцсоревнования 1977 г.", "60 лет СССР, 1922–1982 гг.", "60 лет Октябрьской революции 1917 г." Все это бережно хранит сын.

Григорий Норин после окончания 8 классов в СОШ № 9, учился в СПТУ 26 на машиниста-тракториста. В Бирской автоколонне [№] 1836 начал слесарем, после службы в ВДВ десантником сел за руль автомобиля. Проработал с 1973 по 2005 гг. Имеет много грамот. Его портрет помещен в городскую галерею трудовой славы (весна 1990 г.). Потом водитель дальних перевозок».

Без сомнения, описанная технология изготовления гончарной посуды применялась бирскими гончарами и в начале XX в. Сергей Норин переселился в город уже владея навыками гончарного ремесла, это подтверждают отдельные сообщения о кустарном производстве в окрестных деревнях.

Отметим раздельное использование печей – для приготовления пищи использовали голландку (в 1917 г. зафиксированы в четырех домах), а русская печь служила для отопления и, возможно, для производства. Но главным являлся горн для обжига в огороде. Во время переписи 1917 г. регистрировались только печи внутри жилища и подобные технические печи (горны) на улице не попадали в поле внимания статистиков.

В воспоминаниях Григория Александровича Норина видно, как врезалась в память востребованность гончарной продукции у жителей Бирска даже в советское время. Продукцию не только бойко раскупали на базаре, но и специально заказывали у мастера. Гончарное ремесло, как частное предпринимательство, было насильно уничтожено властью в 1960-е гг.

Второй рассказ о Гончарке Л.К. Хакова записала 12 июня 2026 г. у преподавателей, ветеранов Бирского медицинского училища Джамили Нагимовны и Виктора Николаевича Корепановых. «Гончарка – это родина отца. Николай Семенович Корепанов (р. 1917) прожил 68 лет. Как ушел на фронт Великой Отечественной войны, больше в Бирск не возвращался, стал военным. Когда служил в Заполярье, я родился там. Мама Татьяна Рыбченко, с Украины. Потом все обосновались в Самарской области, г. Ново-Куйбышевск. Помню гончара соседа бабушки, его все звали просто Кузьмич.

Кузьмич Репин жил по соседству в доме номер 5 на улице Гончарная (ныне Кадомцева, 5), где я бывал у своей бабушки. Кузьмич активно гончарил, делал дома и во дворе глиняные копилки, свистульки, трубы, горшки и многое другое. Напротив, в овраге у него была своя печь. Летом 1966 г. ему было далеко за 80 лет, он ходил в шапке и фуфайке. Когда он умер, дети сломали мастерскую и нашли 3 мешка денег: екатерининские, советские, видимо, копил. Сад был огромный. Яблони активно плодоносили, сортовые были. Под горой на спуск был мост и две большие березы. Напротив кладбище. Жили еще Васильковы, хозяин выделял рогозу, дети в Уфе, сын директор какого-то завода слышал».

Кузьмича Репина можно было бы соотнести с владельцем усадьбы на Гончарной, 3 в 1917 г. Андряном Кузмичем Вепревым, хотя присутствует разница в возрасте. Воспоминания Корепановых открывают несколько иной ассортимент гончарной продукции, а память о большом кладе и яблочном саде показывает зажиточность бирских гончаров.

Более того, Григорий Норин тоже вспомнил своих соседей с улицы Гончарной, дом 21. Им оказался Николай Исупов, одноклассник с его отцом. По его словам «Николай гончарил с супругой. У них был один сын. Люди молчаливые, трудолюбивые, "пыхтели" с посудой. Горн также [находился] отдельно в сарае». А в 1917 г. перепись зафиксировала жителя улицы Гончарной – Семена Павловича Исупова. Дореволюционные гончары продолжали изготавливать посуду в советскую эпоху, передавая мастерство детям.

Наконец, на Гончарке жила знаменитый бирский краевед Нина Владимировна Рыбалко. Ее рассказ краток: «Мое раннее детство прошло между

улицей Советской и Гончарной (ныне улица Фурманова), так называлась улица, которая упиралась в глубокий овраг, где добывалась глина для изготовления кухонной утвари. Вокруг оврага по обе стороны селились гончары. Улицу переименовали, но в народе еще долго жило старое название. На Гончарке жила моя бабушка Варвара Константиновна Шнейдер, переехавшая с улицы Кузнецкой в небольшой домик».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гончарный промысел еще несколько десятилетий сохранялся в советскую эпоху, о чем напоминало историческое название. Пока в 1967 г. исполком Бирского городского Совета депутатов трудящихся «в целях упорядочения и сокращения одноименных названий» не решил «улицу Гончарную переименовать в улицу имени Э. Кадомцева», о чем сообщила местная пресса [6]. Готовились к юбилею Великого Октября.

Если сейчас идти из центра Бирска по улице Интернациональной (бывш. Миллионной) то за гостиницей «Бирск» и Медико-фармацевтическим колледжем налево в сторону Белой и старого кладбища отходит небольшая улочка Кадомцева. Квартал между ней и следующей улицей Фурманова – это и есть бывшая Гончарная слобода, откуда на базары везли тысячи горшков и другой керамики, что охотно раскупали биряне и окрестные сельчане. А если по крутым склонам дальше спускаться к реке, можно выйти на родник Гончарный, он единственный хранит память о знаменитых бирских гончарах.

История бирской Гончарной слободы показывает устойчивость народных ремесел, до сих пор в домах держат немало керамики, уже в основном фабричной, и, увы, часто китайской. Остается важность изучения обыденной повседневности, хотя научная мысль и современники не очень большое внимание обращали на жизнь и запросы рядового населения. Поэтому необходимо привлекать новые исторические источники, как городская перепись 1917 г. Комплексное использование разной информации, включая воспоминания – историческую память населения, позволяет реконструировать реальную ситуацию прошлых эпох. Наконец, судьба бирской Гончарки переводит внимание с исторических центров, застроенных купеческими особняками, на трудовые окраины, где проживало абсолютное большинство населения, и которые в чрезвычайно малой степени привлекают внимание историко-краеведческой общественности и туристического бизнеса. Сейчас гончарное производство в Бирске возобновилось.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Газов Н.П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа: Тип. губ. правления, 1900. 174 с.
2. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа, 2011. 290 с.
3. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа, 2013. 407 с.
4. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г. Калужская губерния. М.: Восьмая государственная типография, 1919. 203 с.
5. Кустарные промыслы Уфимской губернии. Издание Уфимской губернской управы. Уфа: Эл. тип. Т-ва «Печать», 1912. 193 с.
6. О переименовании улиц города // Победа (Бирск). 1967. 23 сентября.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 189 с.
8. Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2003. 684 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Беловинский Л.М. История русской материальной культуры. М.: Вузовская книга, 2003. 424 с.
- Вечорко Г.Ф. Городенское гончарство: прошлое и настоящее. Пинск: ПолесГУ, 2017. 53 с.
- Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004. 513 с.
- Григорова В.А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2017. 419 с.
- Данилов П.Г., Загваздин Е.П. Керамическая посуда с усадьбы XVII–XVIII вв. г. Тобольска // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 2. С. 64–83.
- Дегтярев А.Н. Кустарное производство и товарно-денежное обращение в Уфимской губернии (1865–1917 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 146 с.
- Егоров В.Г., Зозуля О.А., Палеолог М.В. Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М.: Ин-т диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2011. 448 с.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К.Д. Цивиной; примеч. Т.А. Бернштам, Т.В. Станюкович и К.В. Чистова; послесл. К.В. Чистова. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Илювиев С.В., Роднов М.И. Население Златоуста по материалам городской переписи 1917 года // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 21–55. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2024-9-1-21-55>

Карташова М.В. Кустарные промыслы и их государственная поддержка в Российской империи (1872–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2025. 605 с.

Кирсанов Р.С. Гончарное производство русского населения Самарского Поволжья в конце XVII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 29 с.

Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. 24 с.

Махнин А.Ю. Пестречинский гончарный промысел в контексте истории художественной керамики Казанского края (вторая половина XIX – начало XX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 20 с.

Махрачев Г.С. Развитие кустарной промышленности в Тамбовской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2023. 22 с.

Никулин В.Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 413 с.

Перепелицын А.В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж: ВГПУ, 2005. 170 с.

Роднов М.И. Уфимское купечество во второй половине XIX века. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. 362 с.

Роднов М.И. Купцы города Бирска во второй половине XIX века. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. 476 с.

Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1966. 260 с.

Сахратуллин С.Ф. Бирская старина. Город Бирск. Книга вторая. Бирск, б. и. 2000. 316 с.

Скобликова Т.Е. Связуя нить времен: традиционное гончарство в культуре Черноземья. Курск: Мечта, 2014. 160 с.

Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 267 с.

Шевчук Т.В. Традиционное гончарство Ярославской области XIX–XX вв. Центры. Стилистическое своеобразие: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2015. 32 с.

Шевчук Т.В. Традиционное гончарство Ярославской области XIX–XX вв. М.: Индрик, 2017. 214 с.

Шмагало Р.Т. Гончарные промыслы Украины конца XIX – начала XX веков: (исследование организационно-творческих процессов): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1992. 27 с.

REFERENCES

Belovinsky L.M. *History of Russian material culture*. Moscow: Vuzovskaya kniga, 2003. 424 p. (In Russian)

Vechorko G.F. *Gorodenskoye pottery: past and present*. Pinsk: PolesGU, 2017. 53 p. (In Russian)

Vodarsky Ya.E., Istomina E.G. *Rural handicrafts of European Russia at the turn of the 19th–20th centuries*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2004. 513 p. (In Russian)

Grigороva V.A. *Handicrafts of the Central Black Earth region and their impact on the development of industrial production in the second half of the 19th – early 20th centuries*: Dis. ... Doctor of Sciences (History). Voronezh, 2017. 419 p. (In Russian)

Danilov P.G., Zagvazdin E.P. Ceramic ware from a 17th–18th century estate in Tobolsk. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022. Vol. 34, no. 2, pp. 64–83 (In Russian)

Degtyarev A.N. *Cottage production and commodity-money circulation in the Ufa province (1865–1917)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2000. 146 p. (In Russian)

Egorov V.G., Zozulya O.A., Paleolog M.V. *Handicrafts of the Non-Black Earth village in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Moscow Province)*. Moscow: Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS Countries), 2011. 448 p. (In Russian)

Zelenin D.K. *East Slavic ethnography*. Translated from German by K.D. Tsivina. Notes by T.A. Bernshtam, T.V. Stanyukovich, and K.V. Chistova. Afterword by K.V. Chistov. Moscow: Nauka, 1991. 511 p. (In Russian)

Illuviev S.V., Rodnov M.I. Population of Zlatoust According to Materials of 1917 City Census. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024, vol. 9, iss. 1, pp. 21–55 <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2024-9-1-21-55> (In Russian)

Kartashova M.V. *Handicrafts and their state support in the Russian Empire (1872–1917)*: Dis. ... Doctor of Sciences (History). Nizhny Novgorod, 2025. 605 p. (In Russian)

Kirsanov R.S. *Pottery production of the Russian population of the Samara Volga region in the late 17th–20th centuries*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Izhevsk, 2000. 29 p. (In Russian)

Mamontova O.S. *Pottery of the Russian population of Altai in the late 19th – first half of the 20th centuries*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Tomsk, 2015. 24 p. (In Russian)

Makhinin A.Yu. *Pestrechinsky pottery in the context of the history of artistic ceramics of the Kazan region (second half of the 19th – early 20th centuries)*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Kazan, 2012. 20 p. (In Russian)

Makhrachev G.S. *Development of the handicraft industry in the Tambov province in the second half of the 19th – first third of the 20th century*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Tambov, 2023. 22 p. (In Russian)

Nikulin V.N. *Peasant crafts in the North-West of Russia (second half of the 19th – early 20th century)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 413 p. (In Russian)

Perepelitsyn A.V. *Peasant crafts in the Central Black Earth Provinces of Russia in the post-reform period*. Voronezh: VSPU, 2005. 170 p. (In Russian)

Rodnov M.I. *Ufa merchants in the second half of the 19th century*. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2024. 362 p. (In Russian)

Rodnov M.I. *Merchants of the city of Birska in the second half of the 19th century*. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2026. 476 p. (In Russian)

Ryndzyunsky P.G. *Peasant industry in post-reform Russia (1860s–1880s)*. Moscow: Nauka, 1966. 260 p. (In Russian)

Sakhratullin S.F. *Birsk antiquity. The city of Birsk*. Book Two. Birsk, s.n., 2000. 316 p. (In Russian)

Skoblikova T.E. *Tying the thread of times: traditional pottery in the culture of the Chernozemye Region*. Kursk: Mechta, 2014. 160 p. (In Russian)

Tarnovsky K.N. *Small-scale industry of Russia in the late 19th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1995. 267 p. (In Russian)

Shevchuk T.V. *Traditional pottery of the Yaroslavl region in the 19th–20th centuries. Centers. Stylistic originality*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (History). Moscow, 2015. 32 p. (In Russian)

Shevchuk T.V. *Traditional pottery of the Yaroslavl region of the 19th–20th centuries*. Moscow: Indrik, 2017. 214 p. (In Russian)

Shmagalo R.T. *Pottery crafts of Ukraine in the late 19th – early 20th centuries: (research into organizational and creative processes)*: Dis. Abstract ... Candidate of Sciences (Art History). Moscow, 1992. 27 p. (In Russian)

Информация об авторах:

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Хакова Лена Камильевна – краевед (Бирск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-3680-7056>; e-mail: lena_hakova21@mail.ru

About the authors:

Mikhail I. Rodnov – Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of History and History of Culture of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Lena K. Khakova – Local historian (Birsk, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-3680-7056>; e-mail: lena_hakova21@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 07.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 03.08.2026

Принята к публикации / Accepted 31.08.2026

К вопросу о строительстве Соборной мечети в честь 300-летия Дома Романовых в Астрахани

М.М. Имашева

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

imaschewa@yandex.ru

Резюме. В начале XX в. Астрахань представляла собой один из крупнейших городских татаро-мусульманских центров. В городе в дореволюционный период насчитывалось 14 мечетей, деревянных и каменных. Каменное мечетное строительство в Астрахани началось в 1810 г., в течение XIX в. был сформирован астраханский оригинальный архитектурный тип культового мусульманского зодчества, дошедший до наших дней. На рубеже XIX–XX вв. в Астрахани были построены три каменные мечети, но община стремительно росла, в том числе и за счет переселения татар из Средневожских и Приуральских губерний. Образовывая новые махалли по земляческому принципу, татары избирали из своей среды имама, открывали молитвенный дом, а затем община просила местное губернское правление и Оренбургское магометанское духовное собрание построить мечеть и присвоить ей статус соборной. В начале XX в. татары, проживавшие в районе Паробичева бугра в г. Астрахани, с подобным прошением обратились к властям, приурочив постройку мечети к 300-летию юбилею Царствующего Дома Романовых. В данной статье, на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников, представлена история неосуществленного, в силу объективных причин, проекта по постройке «романовской» соборной мечети в Астрахани в начале 1910-х гг.

Ключевые слова: махалля; татары; мечеть; юбилей Дома Романовых; Астрахань; указной муралла; Оренбургское магометанское духовное собрание

Финансирование. Работа выполнена за счет предоставленного в 2025 г. Фондом науки и технологий Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и поисковых исследований в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан № 29 от 01.12.2025 г.

Для цитирования: Имашева М.М. К вопросу о строительстве Соборной мечети в честь 300-летия Дома Романовых в Астрахани. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 103–118. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.103-118>

On the construction of the Cathedral Mosque in Commemoration of the 300th Anniversary of the House of Romanov in Astrakhan

M.M. Imasheva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
imaschewa@yandex.ru*

Abstract. In the early 20th century, Astrakhan was one of the largest urban Tatar-Muslim centers. In the pre-revolutionary period, the city had 14 mosques, both wooden and stone. The construction of stone mosques in Astrakhan began in 1810; over the course of the 19th century, a distinctive Astrakhan type of religious Muslim architecture took shape and has survived to this day. At the turn of the 19th–20th centuries. Three stone mosques were built in Astrakhan, but the community grew rapidly, partly owing to the resettlement of Tatars from the Middle Volga and Ural provinces. While forming new mahallas along regional lines, the Tatars elected an imam from among themselves, opened a prayer house, and then the community asked the local provincial administration and the Orenburg Muslim Spiritual Assembly to build a mosque and grant it the status of a cathedral mosque. In the early 20th century, the Tatars living in the area around Parobichev Bugr in Astrakhan submitted a similar petition to the authorities, linking the construction of a mosque to the 300th anniversary.

Keywords: mahalla; Tatars; mosque; anniversary of the House of Romanov; Astrakhan; appointed mullah; Orenburg Muslim Spiritual Assembly

Financing. The work was carried out at the expense of the grant provided in 2025 by the Foundation for Science and Technology of the Republic of Tatarstan for the implementation of fundamental and exploratory research in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan No. 29 dated 01.12.2025.

For citation: Imasheva M.M. On the construction of the Cathedral Mosque in Commemoration of the 300th Anniversary of the House of Romanov in Astrakhan. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol.16, no.3, pp. 103–118. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.103-118> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

В рамках широкомасштабного празднования 300-летнего юбилея Дома Романовых в 1913 г. в Российской империи все слои общества, все общественные организации и многие частные лица желали выказать свое верноподданническое отношение к событию и самой правящей династии. Не стали исключением и российские мусульмане. Во всех регионах со значительным мусульманским населением для проведения мероприятий в дни празднования Романовского юбилея создавались праздничные юби-

лейные комитеты, общественные советы и т.п. Не стала исключением и Астрахань, где еще на стадии подготовки к праздничным торжествам была выдвинута идея ознаменовать юбилей строительством Соборной мечети в честь этого события.

Казалось бы, стремящаяся к определенному изоляционизму мусульманская община Российской империи должна была игнорировать торжества, приуроченные к юбилею правящей православной династии. Однако, в годы, последовавшие после Первой русской революции 1905–1907 гг., произошло определенное «потепление» отношений между мусульманской уммой и российским правительством. Предоставленные в 1906 г. основными законами Российской империи гарантии веротерпимости, привели к тому, что мусульманская элита оказалась готова к некоторым компромиссам и даже поддержке российской власти в значимых общественных проектах, каковым, безусловно, являлся юбилей царствующей династии.

Но все же стоит понимать, что существовали и иные мотивы, которые подвигли российских мусульман к участию в праздновании Романовского юбилея. Казанский историк И.Е. Алексеев в своей обширной статье, посвященной подготовке и празднованию 300-летнего юбилея Дома Романовых татарами-мусульманами Казанской губернии, отметил, что участие в юбилейных торжествах мусульман, кроме прочих причин, было обусловлено и некоторым свойственным им общественно-политическим прагматизмом: «“Романовский” юбилей представил им новую возможность заявить о себе на высоком общественно-политическом уровне и сплотить тогдашнюю духовно-религиозную, предпринимательскую и общественно-политическую элиту татарского (“мусульманского”) общества в целях решения актуальных задач развития национального образования и социально-благотворительной деятельности» (Алексеев, 2014, с. 11).

В этой статье, среди прочих сюжетов, ссылаясь на документы Государственного архива Республики Татарстан, автор упоминает и инициативу астраханских татар-мусульман о строительстве «Романовской» мечети, приуроченной к юбилею Царствующего Дома. И вот как раз, этот проект астраханских татар, на наш взгляд, действительно, был следствием упомянутого И.Е. Алексеевым прагматизма, к сожалению, так и оставшийся не претворенным в жизнь.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

К началу XX в. Астрахань стала одним из значимых центров городской татаро-мусульманской культуры в Российской империи. Об этом свидетельствует, в частности, наличие в городе каменной мусульманской культовой архитектуры. Городская община насчитывала более 17 тыс. человек, что составляло четверть населения губернского центра (Ислам в Российской империи, 2001, с. 324). Перед Первой мировой войной в Астрахани было зарегистрировано 14 суннитских приходов, 5 из них были

образованы при каменных мечетях: Белой (1809 г. постройки), Черной (1817), Красной Казаковской (1878), Красной Большеисадинской (1901), Криушинской (1907). Также каменную Персидскую мечеть в 1861 г. построила местная персидская шиитская община.

Для Нижнего Поволжья на протяжении всего Нового времени был характерен процесс непрекращающейся миграции. В результате миграционных процессов к рубежу XIX–XX вв. сложилась этнотерриториальная группа астраханских татар, в состав которой вошли астраханские юртовские татары (потомки населения Астраханского ханства), карагаши (выходцы из Малой Ногайской Орды), татары городского общества Трех дворов (потомки купцов из Средней Азии, Индии и Закавказья) и татары-переселенцы из Средневожских и Приуральских губерний.

За счет притока татар-переселенцев, преимущественно из Пензенской и Нижегородской губерний, в пореформенное время стремительно росла численность астраханской городской татарской общины. 5-й и 6-й участки города на территории бывших Трех дворов (Бухарского, Гилянского и Агрыжанского) и бывшего юртовско-татарского села Тияк (Царев) стремительно застраивались деревянными одно- и двухэтажными домами. К началу 1880-х гг. стало очевидно, что существующих на тот момент мусульманских храмов для стремительно увеличивающейся городской татарской общины недостаточно, тем более что татары расширили географию своего расселения в пределах города.

Так, в конце XIX в. татары (в основном переселенцы из Пензенской губернии) образовали самостоятельный приход и построили каменную мечеть на крупнейшем астраханском рынке Большие Исады, в 4-м участке города. Переписка с местными и центральными властями о разрешении образования прихода и строительстве мечети длилась почти десять лет. Татары аргументировали свои просьбы тем, что ближайшие мечети находятся в нескольких верстах от их места жительства, в 5-м участке, и количество прихожан в них не позволяет молиться там жителям 4-го участка. В итоге, власти были вынуждены уступить (Имашева, 2020, с. 112).

Несколько лет ушло и у татар, выходцев из Нижегородской губернии, проживавших в районе Криуша, близ Собачьего переулка, пока власти позволили им образовать самостоятельный приход и приступить к строительству каменной мечети в 5-м участке. В своих прошениях на имя властей, прежде всего, татары с Криуши указывали на «перегруженность» существующих мечетей. В итоге, в 1907 г., мечеть из красного кирпича, получившая порядковый номер 14, открыла свои двери прихожанам (Имашева, 2020, с. 117).

Таким же путем решили пойти и татары, большая часть которых переселилась из Пензенской губернии, поселившиеся на Паробичевом бугре. Местность эта получила название в честь поручика Ивана Паробича, выходца из Венгрии, который в царствование Елизаветы Петровны поселился здесь и занялся разведением виноградников. В течение короткого вре-

мени он создал здесь огромные виноградники, оранжереи и винокуренный завод. Кроме виноградников на бугре, который быстро получил имя нового хозяина, появились и бахчи, в том числе «Государева садовая контора». В качестве работников И. Паробич, а затем и другие владельцы садов и бахчей на городской окраине, нанимали татар, сначала юртовских, которые славились как исключительно искусные бахчеводы и огородники [см.: (Марков, 2000)].

К началу XIX в. астраханское виноградарство (и виноделие) не получало государственной поддержки, но местность уже была обжита, построена церковь во имя Тихвинской Божьей матери, появились дома мещан. Но и в середине века окраина Астрахани, каковой являлись Паробичев бугор и прилегающая к нему Семиковская площадь, оставалась мало заселенной, с редкой застройкой, в результате чего стали здесь селиться и пензенские татары-переселенцы. С одной стороны, их привлекала дешевизна и доступность жилья, с другой – близость Татарской слободы и наличие местного мусульманского населения.

В начале XX в. это была по-прежнему отдаленная и малообжитая окраина города, хотя и относившаяся к 5-му участку города. В этой местности в самом начале века татары составляли уже значительное число жителей, построили себе небольшие дома и, как мы видели выше, явочным порядком открыли молитвенный дом, из своей среды избрали муллу, затем встал вопрос о легитимизации махалли и строительстве мечети.

13 сентября 1906 г. из Астраханского губернского правления в Оренбургское духовное магометанское собрание (ОМДС) поступило отношение о том, что проживающие в Астрахани государственные крестьяне Пензенской губернии Ахметжан Абдуллович Аликов и Аббас Фетхуллович Крамыжев, выступая доверенными от 246 татар-домохозяев, проживающих в 5-м участке г. Астрахани, на Паробичевом бугре, обратились за официальным разрешением образовать приход и построить мечеть на месте их молитвенного дома, о котором властям ничего не было известно¹.

Пошли просители тем же путем, что и прихожане Большеисадинской и Криюшинской мечетей: открыли молитвенный дом и из своей среды, из числа членов землячества, избрали наиболее «сведущего» в делах религии имама. И уже затем, по сути, явочным порядком, стали просить власти об образовании самостоятельного прихода и разрешении на открытие / строительство мечети, сначала пятивременной, а затем и изменения ее статуса на соборную.

Таким образом, перед началом «хлопот» мусульманский молитвенный дом нелегально действовал уже несколько лет. Татары «без какого-либо разрешения» собирались в частном доме и избранный из их среды мулла, их земляк Мусья-Абдула Алимович Патеев, уроженец дер. Кикиной

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2010. Л. 1.

Чембарского уезда Пензенской губернии, «регулярно совершал богомоления». Губернское правление интересовалось, не выдавало ли ранее ОМДС разрешения на открытие молитвенного дома этим татарам, о котором ему неизвестно. Ответ был отрицательным².

27 сентября 1906 г. состоялось заседание ОМДС, на котором дело было заслушано. Выяснили, что «о разрешении постройки мечети на Паробичевом бугре в 5 участке г. Астрахани ходатайство в Духовном Собрании возбуждено никогда не было». А затем приняли решение, в ответ на отношение, уведомить Астраханское губернское правление, что образование самостоятельного прихода и строительство мечети, ОМДС признает необходимым и просит назначить муллой к этой мечети М.-А.А. Патеева [6].

Между тем, дело затягивалось, и лишь спустя 3 года, в мае 1909 г., М.-А.А. Патеев отправил прошение о допуске его к экзаменам на звание муллы. К ним он был допущен, оказался «способным по испытанию» и получил искомое звание имам-хатыба и мугаллима, а затем, 10 сентября 1909 г., был утвержден в нем Астраханским губернским правлением. Уже 10 октября 1909 г. мулла Патеев получил из ОМДС метрические книги, к не существующей еще мечети³.

18 августа 1909 г. Астраханское губернское правление разрешило «обратить» молитвенный дом, находившийся в 5-м участке Астрахани, на Паробичевом бугре, в мечеть. К этому времени стало очевидно, что участок, занимаемый молитвенным домом, был незначительным и для мечети требовался участок гораздо больший, тем более, что к лету 1909 г. прихожане пришли к мысли, что не стоит преобразовывать старый деревянный молитвенный дом в мечеть, а следует построить новое здание из кирпича⁴.

1909 г. для астраханской мусульманской общины был годом, когда ее общественная активность была на пике. В городе действовали два татаро-мусульманских культурно-просветительских общества («Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия»), в которых состояли в совокупности до 500 членов. Кроме них действовали Попечительство о бедных татарах г. Астрахани, два татарских издательства, выходили ежедневные газеты на татарском языке, была организована татарская театральная труппа. После революции 1905–1907 гг. местная татарская мелкая и средняя буржуазия включилась в общественную жизнь региона. Трое татар стали гласными Городской Думы, на выборах в Государственную Думу городские татары показывали высокую заинтересованность, способствовали победе кандидатов от партии кадетов (Имашева, 2020, с. 15).

В этой ситуации местные власти просто не могли игнорировать просьбы татар, направленные на развитие их социально-культурных и духовно-нравственных потребностей. Так, в годы между двумя русскими

² НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2010. Л. 3.

³ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2010. Л. 9-10, 12.

⁴ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2010. Л. 14.

революциями материальную поддержку в виде ежегодных субсидий из городского бюджета стали получать три астраханских мусульманских начальных училища – мектебе. Тогда как всего лишь за десять лет до этого любые просьбы о предоставлении материальной помощи мусульманским учебным заведениям просто игнорировались.

Быстрое принятие положительного решения о разрешении образовать приход и приступить к строительству мечети было вполне объяснимо. Более того, если все предыдущие мечети строились татарами на выкупленных у города или у прежних владельцев местах, то под строительство Паробичебугорной мечети (так она до поры называлась в документах) место выделили городские власти. Большой участок земли был отведен под строительство мечети на Семиковской площади, прилегающей к Паробичеву бугру.

10 октября 1909 г. состоялось собрание прихожан будущей астраханской мечети № 15, на котором было принято решение просить губернские власти «именовать» будущую мечеть Соборной, а не пятивременной. В январе 1910 г. ОМДС согласилось с этим предложением. Но главная проблема, как оказалось, была связана не с получением разрешения на строительство и определением статуса мечети, а с финансированием, ведь стоимость ее возведения по проекту составляла 50 тыс. руб.⁵

Между тем годы шли, а строительство мечети так и не началось. У махалли не было денег, найти мецената для ее возведения она тоже не смогла. Имам М.-А.А. Патеев и лидеры махалли, очевидно, были активными участниками татаро-мусульманского общественного движения в Астрахани и в курсе событий, происходивших в империи. А вся страна с начала 1910-х гг. готовилась к грядущему в январе 1913 г. юбилею царствующего Дома Романовых. Готовились отмечать юбилей и в мусульманской умме империи. Татар-мусульман в контексте «романовских» торжеств охватил очень высокий патриотический и верноподданнический подъем, газета «Кояш» писала, что «татары приложили все усилия, чтобы превзойти в патриотизме русских» [5].

В январе 1911 г. в казанской русскоязычной газете «Казанский телеграф», в которой часто печатались материалы о жизни татаро-мусульманской общины, вышла статья «Воззвание одного мусульманина к своим единоверцам». В ней говорилось о том, что мусульмане во многих городах и селах Российской империи начали готовиться к приближающемуся юбилею Дома Романовых. А вот, казанские татары, по мнению автора, пока что в этом участия не принимают, не «готовятся к встрече такого важного события». Отметив, что мечети в г. Казани расположены крайне неравномерно, он предложил отметить юбилей постройкой новой мечети, причем не в татарской (мусульманской) части города, а в той части, где татары проживали и открыли уже школы, но мечетей не было. Автор, назвавший

⁵ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2010. Л. 21-23.

себя «энергичным мусульманином», предложил также не присваивать этой мечети какой-либо порядковый номер, а дать ей название «Мечеть в память 300-летия Царствования Дома Романовых» [3].

Интересно, что в самой Казани, несмотря на масштабные мероприятия празднования Романовского юбилея и сбора значительных средств лидерами местной татарской общины, сама идея строительства мечети в честь юбилея не нашла поддержки в этот период. Практически накануне празднования, 8 февраля 1913 г. в Казанском мусульманском юбилейном комитете была выдвинута идея о необходимости увековечения юбилейных событий установкой «постоянного памятника в виде небольшой мечети, по типу православных часовен». Стоимость мечети-памятника планировали в 4–5 тыс. руб., казанский архитектор К.С. Олешкевич согласился «принять на себя составление и разработку проекта памятника» [4].

Вполне очевидно, что данная инициатива казанских татар от 1911 г. стала известна астраханским мусульманам, ратовавшим за постройку величественной мечети на Паробичевом бугре. О ней мог рассказать и Габдулла Тукай, проживавший в Астрахани в мае-июне 1911 г.; мог сообщить редактор астраханской газеты «Идель» Сагит Рамиев, поддерживавший связи с редакторами всех значимых татарских газет в России и, прежде всего, в Казани; мог указать на деятельность Казанского мусульманского юбилейного комитета мусульманам вновь образованной астраханской махалли просветитель, имевший огромный авторитет среди татарских улемов Волго-Уральского региона, имам астраханской мечети № 8 Абдурахман Умеров.

Наконец, непосредственным инициатором этой идеи в Астрахани мог выступить Валидхан Таначев, адвокат, выпускник Казанского университета, женившийся на вдове татарского социал-демократа Хусаина Ямашева – Хадиче Зарифовне Бадамшиной, которая ввела его в кружок передовой татарской интеллигенции того времени. В начале 1910-х гг. В. Таначев, который был одним из признанных лидеров астраханского татаро-мусульманского общественного движения, жил на два города, поддерживал адвокатскую практику и в Астрахани, и в Казани. А в предыдущее десятилетие, являясь учащимся астраханской мужской гимназии, был активным членом общества «Шурай-Ислам» и был избран астраханскими мусульманами делегатом на Второй съезд партии «Иттифак аль-Муслимин» (Имашева, 2020, с. 19).

Никаких документальных свидетельств относительно вышеизложенных наших предположений, к сожалению, обнаружить не удалось. Но во время празднования 300-летнего юбилея, в феврале 1913 г., астраханские татары от имени своего общества направили поздравительный адрес на имя императора Николая II. Составителями адреса были Валидхан Таначев и купец Иляжетдин Ягудин. В поздравлении говорилось о том, что астраханские татары «вместе со всем остальным празднуют торжественный всенародный день Трехсотлетия царствования на могущественном

русском престоле Дома Романовых, объединившего все народности России в одну всесильную семью». И как все остальные подданные осмелились «повергнуть к стопам их Императорских Величеств верноподданнические чувства беззаветной преданности нашей общей родине и ее венценосному вождю». Также астраханские мусульмане заявили о своей готовности «в единении со всем русским народом» посвятить в будущем своей родине все свои средства и силы на ее благо и дальнейшее «преуспевание» во всех областях народной жизни.

В этом адресе содержалось и намерение в ближайшее время ходатайствовать об открытии «в ознаменование Великого Дня Трехсотлетия» татарской учительской школы (семинарии), по образцу Казанской татарской учительской школы, в которой предполагалось готовить педагогические кадры для русско-татарских школ Министерства народного просвещения. И «всеподданнейше просить соизволить ей присвоить высокое наименование Романовской»⁶.

Но у авторов послания, в действительности, не было никаких ресурсов для реализации своего предложения, прежде всего, педагогических кадров и материальных средств. Кроме того, весьма сомнительным представлялось, что найдется в Нижнем Поволжье достаточное количество желающих учиться в этом учебном заведении, в силу крайнего консерватизма и низкого начального образовательного уровня местных мусульман. Проект, предложенный в поздравительном адресе, в реальности не имел никакой поддержки ни в самой общине, ни у местных властей, ни у попечителя Казанского учебного округа. А вот история мечети на Паробичевом бугре, в связи с празднованием Романовского юбилея, внезапно обрела новый импульс.

В конце мая 1912 г. на имя оренбургского муфтия М. Султанова от астраханского муллы Мусы-Абдула Патеева поступил рапорт, в котором он сообщил о состоявшемся в Астрахани 20 апреля собрании прихожан мечети № 15, которую планировали построить татары на Паробичевом бугре в Астрахани. На сходе был составлен общественный приговор, в котором прихожане решили приступить к строительству приходской мечети в честь 300-летия Дома Романовых. Копия приговора также была отослана в Астраханское губернское правление, а оттуда в технический отдел Министерства внутренних дел. К приговору прилагался чертеж будущей мечети⁷.

Председателем «чрезвычайного» приходского собрания был уже избранный мулла Мусы-Абдул Патеев. Он же и составил текст приговора: «Все Российское Государство готовится к торжественному празднованию в 1913 г. 300-летия ныне благополучно Царствующего Великого Дома Романовых. Во всех концах необъятной России подготовляются те или иные Богоугодные сооружения в память сего Великого события. И мы, мусуль-

⁶ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1364. Л. 53.

⁷ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2701. Л. 1.

мане, свято чтя и преклоняясь перед прахом почивших Российских Монархов и движимые чувством беспредельной любви и преданности к ныне благополучно Царствующему Его Императорскому Величеству Государю нашему Николаю Александровичу, одушевлены сердечным желанием ознаменовать это великое Российское событие»⁸.

Уполномоченными от прихожан были избраны сам мулла М.-А.А. Патеев, а также Ахметжан Абдул-Газисович Богдалов, Ахметжан Абдуллович Аликов, Айнетдин Фетхуллович Ишмамятов и Аббас Фетхуллович Крамыжев. Все они были выходцами из Пензенской губернии, таким образом, пензенское землячество в Астрахани в начале XX в. настолько увеличилось, что намеревалось построить уже вторую, вслед за Большеисадинской, каменную соборную мечеть в городе.

М.-А.А. Патеев писал, что все российские мусульмане, «от мала до велика», что они сами и их предки живут и жили под «мудрым управлением обожаемых Государей и поставляемых ими властей», свободно, без каких-либо гонений или притеснений. А затем особо отмечает то покровительство, которое оказывали российские монархи мусульманам: «Мы прославляем своего Великого Посланника Божьего пророка Мохаммеда, свободно исповедуя его учение: символ веры нашей – золотой месяц, сияющий на мечетях наших, тому служит свидетельством. Наша магометанская религия не подвергалась ни насмешкам, ни оскорблениям, наше духовенство не терпело от властей Императорского правительства никаких унижений и, в нужных случаях, ему оказывалась, соответствующая его званию, почесть»⁹.

Чтобы убедить власти в своей особой почтительности к монархам, просители даже привели 67-ю суру Корана «Царство», в которой «повелено» мусульманам быть покорными «Аллаху, Его Пророку и властям, благословляя и молясь за Того, у Кого в руках Царство». Напомнили прихожане и о своем верноподданническом поведении в период Первой русской революции в 1905–1907 гг. (правда, сами просители написали в 1904–1907 гг.), «воздержавшись от противоправительственного движения», а сердце их в это время «обливалось кровью от совершавшихся политических злодеяний». В тот период, утверждали татары, они «ежедневно возносили молитвы к Всемиловейшему Аллаху, дабы даровал Он Великому Государю нашему силы перенести эти черные дни, оградив Империю от посягательств злонамеренных сил».

Очевидно, что составители прошения, во главе со своим имамом были в курсе текущих политических событий. Кроме прочего, апеллировали они и к свободе совести, предоставленной ст. 45 Свода основных государственных законов Российской империи 1906 г. Сами татары указали, что это ст. 67, что встречается очень редко. Видимо, в их распоряжении было

⁸ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2701. Л. 3.

⁹ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2701. Л. 2.

самое первое, неотредактированное издание Свода, в котором статья о веротерпимости значилась под номером 67.

«Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных вероисповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да, все народы, в России пребывающие славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благославляя Царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы Империи»¹⁰.

В ознаменование приближающегося торжества в честь 300-летия Дома Романовых, прихожане предполагаемой к постройке мечети № 15 в 5-м участке города Астрахани (на Паробичевом бугре, на Семиковской площади, на огороженном ранее месте) единогласно решили назвать ее в честь этого события. В мае 1912 г. у них на руках уже был план мечети, выполненный знаменитым астраханским архитектором В.Б. Варганек-Вальдовским.

Просители даже специально отметили, что «план мечети изготовлялся по нашему желанию, в отличие от других астраханских и приволжских мечетей, величественного вида». Тем самым они хотели выразить, чтобы «красота и величие сооружаемого собора, хоть в малой доле соответствовали величию Царствующего Дома Романовых»¹¹.

Стоимость постройки была оценена в 50 тыс. руб., как мы уже упоминали выше, в сумму, очевидно, неподъемную для небогатой недавно образованной махалли, состоявшей из вчерашних государственных крестьян, а ныне – пекарей и извозчиков, мелочных торговцев, приказчиков, рабочих по найму. На момент подачи прошения они сумели собрать (с 1907 г.) только десятую часть – 5 тыс. руб. Очевидно, что оставшиеся 45 тыс. руб. прихожане думали собрать, рассчитывая на серьезную финансовую помощь со стороны богатых астраханских татар-купцов, в частности М.-Ш. Казакова, который в 1880–1900-е гг. пожертвовал значительные суммы на строительство Красной (Казаковской), Большеисадинской и Криушинской мечетей. Также предполагалось осуществить сбор денег путем включения в мусульманские приходы Астрахани и жителей некоторых татаро-мусульманских селений губернии. Вполне справедливо предположить, что просители рассчитывали и на материальную помощь российской администрации, а также пожертвования русских купцов города.

Отдельно хочется остановиться на личности архитектора проектируемой мечети. Виктор Брониславович Варганек-Вальдовский (часто пишут и наоборот – Вальдовский-Варганек) – архитектор, который оставил значительное архитектурное наследие в Астрахани. В течение 17 лет он занимал должность младшего архитектора строительного отделения Астраханского губернского правления, также открыл свое архитектурное бюро и мастерскую по производству керамической плитки. Родившийся в католической

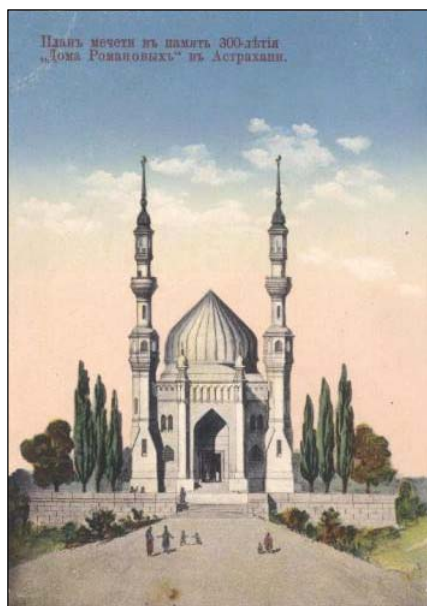
¹⁰ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2701. Л. 2.

¹¹ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2701. Л. 2 об.

польской семье на Волыни и окончивший Одесскую рисовальную школу и Московское училище живописи, ваяния и зодчества, он был приглашен в 1900 г. в Астрахань, где была влиятельная польская община.

В Астрахани В.Б. Варганек-Вальдовский стал родоначальником стиля модерн (получив даже прозвище «принц модерна»), быстро завоевав популярность в среде местной элиты. Центр современного города украшают многие его произведения, в том числе Дворец Бракосочетания (бывшее здание Купеческой Биржи). В 1911 г. он построил здание первого в Астрахани культурно-зрелищного комплекса «Вулкан», в котором в 1921–1928 гг. располагался астраханский национальный татарский драматический театр [см.: (Рубцова, 2017)].

К февралю 1913 г., когда, собственно, и проходили масштабные юбилейные торжества, в астраханском фотографическом ателье И.М. Бочкарева была заказана и отпечатана в черно-белом и цветном вариантах в коллекции фотографических открыток с видами Астрахани, Волги и астраханских типов. Бочкарев был давним другом астраханской татарской общины. Именно в его фотоателье в июне 1911 г. были сделаны фотографии Г. Тукая с С. Рамиевым и Ш. Гайфи (а затем заказаны открытки «по мотивам» в Берлине), Г. Тукая с астраханской татарской театральной труппой, открытки по сюжетам стихотворений Г. Тукая¹².

Бочкарев И.М. Открытка. План мечети в память 300-летия «Дома Романовых» в Астрахани. Из коллекции фотографических открыток с видами Астрахани, Волги и астраханских типов, издание фотографа И.М. Бочкарева (конец XIX – начало XX в.). *Источник:* фонд ГБУК «Астраханский государственный музей-заповедник»

Bochkarev I.M. Postcard. Plan of a mosque in memory of the 100th anniversary of the “House of Romanov” in Astrakhan. From the collection of photographic postcards featuring views of Astrakhan, the Volga River, and Astrakhan types, published by photographer I.M. Bochkarev (late 19th – early 20th centuries). *Source:* the collection of the State Budgetary Institution “Astrakhan State Museum-Reserve”

¹² Загидуллина Дж. Габдулла Тукай в Астрахани. URL: <https://gabdullatukay.ru/news/scientists/dzhamilya-zagidullina-gabdulla-tukaj-v-astrahani> (дата обращения: 10.03.2026).

Предполагалось, что к подготовительным работам (заливке фундамента) по сооружению мечети община, собрав деньги, приступит в начале лета 1913 г. А закладка первого камня произойдет в феврале того же года, как раз во время празднования 300-летнего юбилея Дома Романовых. После постройки планировалось «в подлежащем месте этой соборной мечети поставить медную доску, на которой на русском и татарском языках выгравировать на вечные времена полный текст знаменательной для нас статьи 67 Основных Законов о свободе вероисповедания»¹³.

Текст приходского приговора отпечатали типографским способом на русском языке и отправили на рассмотрение астраханскому гражданскому губернатору. После его предполагаемого положительного ответа, прошение должно было быть отправлено на утверждение Николаю II, чтобы именно он разрешил присвоить новой мечети название «Царской Соборной мечети в память 300-летия Дома Романовых». Копия приговора также была отправлена в ОМДС. Это был беспроигрышный ход, так долго ожидаемое разрешение на начало строительства мечети было получено¹⁴.

Прошение дошло до императора. На имя прихожан от самого императора Николая II поступила благодарность. В газете «Астраханский вестник» 23 мая 1913 г. в рубрике «Мусульманская жизнь» была напечатана заметка: «На инициативу астраханских мусульман последовала Высочайшая благодарность монарха, который на адресе собственноручно начертил “Благодарю”» [1].

Но и после одобрения посвящения будущей мечети Дому Романовых со стороны властей, ситуация со сбором денег сильно не изменилась. Вполне закономерным представляется, что, выступив с инициативой о присвоении будущей мечети наименования в честь 300-летнего юбилея Дома Романовых, прихожане рассчитывали, что из казны последует какое-то финансовое «вспомоществование». Но в данном вопросе они просчитались. Деньги собирали «всем миром», отчеты о сборах печатались в местной прессе. Так, в газете «Идель» от 14 января 1914 г. была опубликована ведомость поступивших денег, собранных в честь праздника. Анализ этой ведомости позволяет увидеть и географию жертвователей, которая распространялась, как мы видим, далеко за пределы Нижневолжского региона:

«На мечеть Парубич-Бугур по случаю празднования праздника Курбан-Байрама были внесены следующие пожертвования

- из села Джамали (Три Протока) – 7 руб. 37 коп.
- из села Килячи (Кишинчи) – 11 руб. 3 коп.
- из прихода Урта села Килячи (Кишинчи) – 10 руб.
- через магазин Бекова, из села Кундырау (Тулугановка) – 15 руб.
- от сунатчи из Астрахани – 3 руб.
- от хаджиев через Юсупова – 15 руб.

¹³ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2701. Л. 2 об.

¹⁴ НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2701. Л. 3.

- от хаджи Алибая бин Махмуда – 10 руб.
- от мусульман г. Баку через хаджи Зейналабдина Тагиева – 100 руб.
- от господина Мусы Нагиева – 100 руб.
- из Баку собрано всего – 90 руб.
- от мусульман с рынка Большие Исады – 8 руб.
- из деревни Кульдермеш (Альдермеш) Казанской губернии – 6 руб.

20 коп.» [2].

За год, к середине января 1914 г., по подписке удалось собрать пожертвований на строительство будущей мечети чуть более 7 тыс. руб. (что было несомненным успехом), с учетом собранных ранее прихожанами 5 тыс. руб., сумма составила 12 тыс. руб. Как мы помним, требовалось 50 тыс. руб. и оставшиеся 38 тыс. руб. было непонятно откуда брать¹⁵. Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война, а затем последовавшие революции и Гражданская война, полная перестройка социально-экономических и культурных основ жизни огромной страны сделали этот проект неактуальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в дореволюционный период астраханской городской общине не удалось реализовать значимый социальный проект по постройке мечети в честь 300-летнего юбилея Царствующего Дома Романовых. Если бы он реализовался, это была бы 15-я приходская мечеть в городе, а в архитектурном плане – великолепное сооружение, безусловно, имевшее большое культурное значение.

Возникновение проекта строительства мечети было обусловлено, прежде всего, ростом численности городской татарской общины и, соответственно, недостаточностью культовых сооружений для удовлетворения религиозно-культурных потребностей растущего мусульманского населения. Само обращение к теме юбилея правящей династии и принятие решения о присвоении будущей мечети наименования в честь 300-летнего юбилея Дома Романовых, в первую очередь, было вызвано чисто прагматическими соображениями. Члены небогатой махалли надеялись, таким образом, привлечь внимание и средства со стороны царской администрации.

Но важным был и тот факт, что представители очень закрытой, территориально удаленной от центра страны, этноконфессиональной группы, в конечном итоге оказались вовлечены в масштабные мероприятия общегосударственного социокультурного значения, каковым являлось празднование 300-летнего юбилея Дома Романовых в Российской империи.

¹⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1433. Л. 30.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Астраханский вестник. 1913. 23 мая.
2. Идел. 1914. 14 гыйнвар.
3. Казанский телеграф. 1911. 23 января.
4. Казанский телеграф. 1913. 8 февраля.
5. Кояш. 1913. 24 февраль.
6. Прикаспийская газета. 1906. 3 ноября.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев И.Е. Празднование татарами Казани и Казанской губернии 300-летия царствования Дома Романовых // Мусульманский мир. 2014. № 1. С. 8–44.

Имашева М.М. Татарское общественное движение в Астрахани в конце XIX – начале XX вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. 295 с.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. введ. ст., коммент. и прилож. Д.Ю. Арапов. М.: МГУ, 2001. 366 с.

Марков А.С. Варвакис. Астрахань: Волга, 2000. 304 с.

Рубцова С.С. Градостроительная эволюция Астрахани. Книга 2: Градообразующие элементы. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2017. 496 с.

REFERENCES

Alekseev I.E. The Tatars' Celebration of the 300th Anniversary of the Reign of the House of Romanov in Kazan and the Kazan Governorate. *Muslim World*. 2014, no. 1, pp. 8–44. (In Russian)

Imasheva M.M. *The Tatar Public Movement in Astrakhan in the Late 19th – early 20th centuries*. Kazan: Kazan University Press, 2020. 318 p. (In Russian)

Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics). Comp. and the author of the introductory article, comments, and appendices by D.Yu. Arapov. Moscow: Moscow State University, 2001. 366 p. (In Russian)

Markov A.S. *Varvakis*. Astrakhan: Volga, 2000. 304 p. (In Russian)

Rubtsova S.S. *Urban Evolution of Astrakhan*. Book 2: City-Forming Elements. Ulyanovsk: Ulyanovsk Printing House, 2017. 496 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Имашева Марина Маратовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>; e-mail: imaschewa@yandex.ru

About the author:

Marina M. Imasheva – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>; e-mail: imaschewa@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 25.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 06.07.2026

Принята к публикации / Accepted 03.08.2026

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

PUBLICATION OF THE SOURCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH ARTICLE

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.119-157>

Тенишевы в актах времени правления царя Федора Алексеевича (2)

Д.А. Мустафина

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Российская Федерация

taktub29@yandex.ru

Резюме. Публикация продолжает введение в научный оборот подборки остающихся слабо известными документов XVII в. из частного архива служилых «мордовских» князей Тенишевых. Эту часть отложившихся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета памятников составляют делопроизводственные документы (владенная выпись, роспись сотенных людей), частно-публичные акты просительного вида (челобитные), служебно-учетные записи, которые частично могут быть квалифицированы и как объяснения-показания о владениях и зависимом населении (сказки) и один судебно-административный документ (расспросные речи). Информативная ценность публикуемых документов определяется возможностью суждения об эволюции землевладельческих прав, службе и материальной обеспеченности феодалов-мурз, о применении законов 80-х гг. XVII в. на практике, степени реализации их целей.

Ключевые слова: челобитные; сказки; сотенные люди города Темникова; феодальное землевладение; служилые мурзы Тенишевы

Благодарности. Публикатор выражает искреннюю благодарность Р.Ф. Марданову за консультации и помощь в прочтении фраз, написанных арабской вязью.

Для цитирования: Мустафина Д.А. Тенишевы в актах времени правления царя Федора Алексеевича (2). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 119–157. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.119-157>

The Tennishevs in the Acts of the Reign
of Tsar Fyodor Alexeyevich (2)

D.A. Mustafina

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

maktub29@yandex.ru

Abstract. The article continues the introduction into scholarly circulation of a selection of still little-known 17th century documents from the private archive of the service-class “Mordovian” Tennishev princes. This part of the records deposited in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of Kazan University consists of administrative documents (a possessory writ, a register hundred-men), private-public acts of a petitionary nature (petitions), official accounting records, which can partly be classified as explanations and testimonies about holdings and dependent population (skazki), along with one judicial-administrative document (interrogation speeches). The informational value of the published documents is determined by the possibility of judging the evolution of land ownership rights, the service and material well-being of feudal lords, the application of the laws of the 1680s in practice, and the degree to which these goals were realized.

Keywords: petitions; skazki; hundred-men of the city of Temnikov; feudal land ownership; the service murzas of the Tennishevs

Acknowledgements. The Publisher wishes to extend sincere thanks to R.F. Mardanov for his consultations and assistance with reading the Arabic script phrases.

For citation: Mustafina D.A. The Tennishevs in the Acts of the Reign of Tsar Fyodor Alexeyevich (2). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 3, pp. 119–157. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.119-157> (In Russian)

Целью настоящей публикации является продолжение введения в исследовательский оборот документов рода князей Тенишевых, отложившихся в фонде отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Предлагаемые вниманию научной общественности акты являются частью коллекции столбцов, национализированных и перемещенных после октябрьских событий 1917 г. из Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете в Научную библиотеку молодой Татарской республики, а в 1932 г. возвращенных обратно и пополнивших фонд библиотеки университета.

В предыдущем номере журнала читателям были предложены документы времени правления царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Мустафина, 2026, с. 105–149). Хронологические рамки докумен-

тов, представляемых в этом номере издания, охватывают период царствования Федора Алексеевича (1676–1682). Несмотря на непродолжительность правления последнего, количество дошедших до наших дней документов оказалось сравнительно значительным: удалось выявить 21 документ (25 единиц хранения), тогда как за истекшие с начала XVII в. 73 года уцелели 32 акта.

Все издаваемые ниже единицы хранения являются подлинниками, что подтверждается всеми внешними признаками рукописей, собственноручными подписями контрагентов, в том числе начертанными арабской вязью, вставками в текст и позднейшими канцелярскими пометками (Башнин, 2022, с. 52–67). Текст одной из единиц (№ 6) был включен в сборник документов «История Татарии в документах и материалах» [1, с. 176], остальные акты публикуются впервые.

подавляющую часть манускриптов составляют частно-публичные документы – 12 челобитных (№ 5, 8, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21), две из которых представлены первоначальными текстами обращений, содержащими правку, отражающую работу составителя (подьячего), и их рукописными копиями (списками) (№ 9, 20), шесть актов являются черновыми (№ 11, 15, 16, 17, 18, 21) и четыре чистовыми (№ 5, 8, 10, 19) оригиналами (Каштанов, 1998, с. 5–18).

Из шести приведенных служебно-учетных записей и объяснений-показаний о земельных владениях и феодально-зависимом населении, именуемых «сказками» (№ 1, 3, 4, 6, 12, 14), одна отложилась в трех вариантах (№ 6), одна носит чистовой (№ 1), остальные имеют черновой характер.

Делопроизводственные документы представлены подлинниками владенной выписи (№ 2) и росписи сотенных людей (№ 7), а также черновым вариантом расспросных речей, имеющих судебно-административный характер (№ 17).

Цели составления, назначения, исторический контекст и вид документов в совокупности обусловили содержание и круг лиц, действующих в предлагаемых вниманию научной общественности источниках. Тем не менее следует выделить главных участников актов, каковыми являются прежде всего отец и сын Тенишевы – Сафар-мурза и Ибрагим (Обраим)-мурза, в крещении получивший имя Василий. Основное содержание документов сводится к фиксации и удостоверению прав на землю и крестьян, к защите собственности от посягательств других владельцев, нередко из числа родственников, к закреплению перехода имущества, к стремлению вернуть наследственные владения после претворения в жизнь норм указа от 16 мая 1681 г. [2, с. 257–258; Ногманов 2005, с. 54–55], и к попыткам добиться смягчения бремени повинностей своих крестьян. Особый интерес представляет перечень служилых людей, входивших в состав возглавляемого Сафаром-мурзой тактического подразделения (сотни) в поместном вой-

ске¹. Имеющиеся на столбце пометы о службе в виде сокращений до одной буквы («е», «н», «п») свидетельствуют о «рабочем» характере списка, его использовании служащими центрального государственного или местного органа власти (Разрядного приказа, или Темниковской приказной избы) при проверке и контроле наличного состава сотенного полка. Одним словом, нижеприводимые памятники позволяют расширить имеющиеся представления о социальной истории российского общества.

Текст:

№ 1

1677 (7185) г. января. – Сказка служилого Сафара-мурзы Маметова сына кн. Тенишева о владении крестьянами и пашней своей жены Актулум Дивеевой дочери, вдовы Бегеев-мурзы Тенишева, и уплате налога

185-го² году генвоя в – день в Темникове в приказной избе воеводе Василью Игнатьевичу Шипилову да подьячему Ивану Верещагину Темникова города Сафар мурза Мометев сын князь Тенишев сказал: «В нынешнем во 185-м году³ по указу великого государя и по грамоте са вдов⁴ и с недорослеи с прожиточного поместья, з Бегеевского⁵ поместья князь Тенишева з жены ево Актулума Дивеевой дочери з дву дворов крестьянских за пять лет деньги⁶. И тое вдову я, Сафар мурза, за себя взял, тому лет з десять и больши, и теми крестьяны и пашнею, справя за собою, владею. То моя и скаска».

А скаску писал по ево веленью темниковской площадной подьячеи Гришка Капустин.

На обороте приписка XIX в. фиолетовыми чернилами: «переписано».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2812/3, в стлб. л. 4⁷. Подлинник на одном листе, 166x185 мм; сохранность относительно удовлетворительная.

Водяной знак слабо просматривается, возможно, верхняя четверть «головы шута» (?).

¹ О сотенном устройстве поместного войска [см.: (Чернов, 1954, с. 74–82; Воробьев 1994, с. 82–91; Козляков, 2018)].

² До текста написано черными чернилами: «№ 53/2», далее убористо фиолетовыми чернилами: «переписано»; затем красным карандашом: «1677».

³ Дата «во 185-м году» подчеркнута красным карандашом.

⁴ Предлог со словом «са вдов» подчеркнуты красным карандашом.

⁵ В слове «Бегеевского» первая буква «г» исправлена по ранее написанному, слово подчеркнуто красным карандашом.

⁶ Слова «за пять лет деньги» подчеркнуты красным карандашом.

⁷ Документ в столбце приведен третьим.

№ 2

1677 (7185) г. августа 20. – Владенная выпись из писцовых «полевых» книг 1620–1622 гг. С. Хрущова и переписных книг 1645/46 г. Г. Огарева, данная стольником И.А. Аничковым вдове Османа-мурзы Акчюрина Девлетлее Козенбаевой дочери на крестьян Сидора Яковлева, его зятя Микиту Петрова с женою и детьми, и Прокофия Семенова с сестрой Аксиньей

185-го⁸ августа в 20 день. Била челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу⁹ всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, а в Верхнем городе Ломове¹⁰ на съезде двора стольнику Ивану Александровичу Аничкову подала челобитную Темникова города вдова, Османовская жена князь Акчюрина¹¹ Девлетлея Козенбаева дочь.

А в челобитной ее написано: в нынешнем де во 185-м году отданы ей беглые крестьяня Сидорка Яковлев з женою да с зятем Микишкою, да Прошка Семенов с сестрою¹² Аксюткою, а выписи де ей на тех крестьян не дано. И великий государь пожаловал бы, велел ей вдове Девлетлее Казенбаевой дочери на тех крестьян дать выпись, по чему ей впредь теми крестьяны владеть.

И в нынешнем во 185-м году по ее Османовой жены князь Акчюрина Девлетлея Козенбаевой дочери челобитью Благовещенского собору в селе Дмитровском, Шельдаись то ж, те крестьяня Сидорка Яковлев и крестьянского сына Прошки Семенова мать Федосица сысканы. Июля в 19 день в Верхнем городе Ломове на съезде двора перед стольником Иваном Александровичем Аничковым тот крестьянин Сидорка в роспросе сказал: прежде сего живал он, Сидорка, в Олаторском уезде за Иваном Лукьяновым сыном Опухтиным // [л. 2] в селе Опухтине, а ныне де то село за князь Иваном Михайловым сыном Кольцовым-Мосальским. И как де был сыщик князь Иван Дашков, и ево де отдал темниковскому Осману мурзе Ивакаеву сыну князь Акчюрину. А родился де он, Сидорка, в Олаторском уезде за Иваном Опухтиным, а почему сыщик князь Иван Дашков отдал ево Сидорку Осману мурзе, и того он не ведает. А зять ево Сидоркин Микишка Петров по скаске Благовещенского собору села Дмитровского, Шелдаись то ж, крестьян Трошки Акудинова с товарищи в то село Дмитровское пришло человек.

А Порошки¹³ Семенова и сестры ево Аксютки мать Федосица в роспросе сказала: родилась де она Федосица в Саранском уезде в Петровском острожку, и вышла замуж за Сеньку Барисова. И мужа де ее Сеньку во крестьянство взял темниковской Осман мурза Ивакаев. И с первым де мужем с Сенькою¹⁴ и прижила она двоих детеи – сына Прошку и дочь Оксютку. И после разоренья в голодное время она де сошла в село Дмитровское, Шельдаись то ж, и вышла замуж за крестьянина за Емельку Иванова.

⁸ До текста красным карандашом: «1677 г.»

⁹ Слова «Феодору Алексеевичу» подчеркнуты красным карандашом.

¹⁰ Слова «в Верхнем городе Ломове» подчеркнуты красным карандашом.

¹¹ Слова «жена князь Акчюрина» подчеркнуты красным карандашом.

¹² Предлог «с» и в слове «сестрою» буквы «се» написаны по счищенному.

¹³ В слове «Порошки» первая буква «о» исправлена по ранее написанному.

¹⁴ Далее счищен союз «и».

И августа в 10 день вместо Османовской жены князь Акчюрина Девлетлеи Козенбаевой дочери темниковской Ибраим мурза Сафаров сын князь Тенишев¹⁵ положил выпись с писцовых книг 129-го и 130-го году ис темниковских книг письма и меры Степана Хрущова с товарищи. И дана та выпись во 180-м году¹⁶ за приписью Казанского дворца дьяка Петра Самоилова. А в той выписи написано за Енбулатом мурзою Тенебяковым в деревне в Окселе во дворе крестьянин Якушка Фомин. И тот Якушка ему Сидорку был отец.

Да вместо ж челобитчицы Ибраим мурза Сафаров сын князь Тенишев // [л. 3] положил другую выпись с переписных книг Григорья Агарева да подьячего Сидора Богданова прошлого 154-го году. А в той выписи написано за темниковскими за Смаилом да за Умралеом, да за Османом мурзами Ивакаевыми детьми князь Акчюриными в селе Окселе во крестьянх во дворе Куска Юрин, у него дети Бариска да Ивашка, да Стенька, да Петрушка¹⁷; у Бариски сын Сенька. И Сенька Федосице был муж, а Порошке и сестре ево Аксютке отец.

И по скаске темниковского Ибраима мурзы Сафарова сына князь Тенишева Енбулатовской жеребеи Тенибякова и мужа ее Османа мурзы князь Акчюрина жеребеи в селе Окселе справлено за нею вдовою Девлетлеею Козенбаевою дочерью з детьми. И по государеву цареву великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца указу и по Соборному Уложению, и по крепостям Сидорка Яковлев з¹⁸ зятем Микишкою Петровым з женами и з детьми отданы челобитчице Османовской жене князь Акчюрине Девлетлее Козенбаевой дочери. А Порошка Семенов с сестрою Аксюткою отданы по отце по Сеньке Барисове челобитчице ж Османовской жене князь Акчюрина Девлетлее Казенбаевой дочери во крестьянство с роспискою.

А принял тех крестьян и росписался темниковской Ибраим мурза Сафаров сын князь Тенишев.

К сей выписи стольник Иван Александрович Аничков печать свою приложил.

Скрепа: сстав.

На обороте л. 3 приписки XIX в. черными чернилами: «N 31/ Н.Х.»; «Феодора Алексеевича. 1677»; фиолетовыми чернилами: «переписана».

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2768. Подлинник на трех листах, 162x368; 162x398; 162x353 мм; сохранность относительно удовлетворительная, верхний и правый обрезы л. 1. обветшали, имеются разрывы; отреставрирован (по верхнему, правому и левому обрезах лист укреплен бумагой. На лицевой стороне л. 3 под текстом имеется черновосковская печать D – 18 мм.

Водяной знак: два варианта нижней половины «головы шута» с семью бубенцами. См. подобный: Гераклитов, № 1341 (1663), с. 198 и № 1402 (1681), с. 211.

¹⁵ В слове «Тенишев» буква «т» написана по счищенному.

¹⁶ 1671/72 г.

¹⁷ В слове «Петрушка» буква «у» исправлена по ранее написанному.

¹⁸ В ркп: «и».

№ 3

1677 (7186) г. декабря. – Сказка темниковских мурз и татар о причинах своего несогласия поставлять бревна и тес для возведения «города» на Иси-кееве горе и сокрытии посадскими людьми административного решения, принятого в ответ на заручную челобитную мурз и татар о строительстве фортификаций на Дербышевской горе

186-го¹⁹ декабря в – день в Темникове в приказной избе воеводе Андрею Александровичу Хвостову²⁰ темниковцы мурзы и татары сказали, выслушев великого государя грамоту, какова прислана по челобитью темниковских посадских людей, земских старост и редовых о городовом строенье, чтоб городу²¹ быть в Темникове, блиско Старого городского²² места на Исикееве горе²³: «И мы на то городовое строенье с крестьян своих бревен и тесу²⁴ не возем²⁵ для того, что есть у нас заручная челобитная по многие годы²⁶, чтоб великий государь указал городу быть²⁷ на Дербышевской горе²⁸, потому что будет к уезду блиско и всяким жителем прочно. А на Исикееве горе по чертежу стряпчего Федора Ловчикова с товарищи городу быть непристойно, потому что под стеною²⁹ береги³⁰ изрывает поляя вода³¹. А от уезду отдалела³², стало за Великими Грезьми, и за перевозки верст по пяти и больша³³. А домишки наши, и крестьяне все отдалили будут в дальних местах, и от приходу воинских людей укрытца будет негде³⁴. А после того Федорова чертежу Ловчикова того городского места, что на Исикееве горе, водою береги

¹⁹ До текста черными чернилами: «переписано»; красным карандашом: «1679 г.» «переписано».

²⁰ Далее зачеркнуто: «да».

²¹ В слове «городу» буква «г» исправлена по ранее написанной букве «е».

²² Первоначально было написано «городу», буква «у» исправлена на «а» и над строкой приписано: «-дового/ места». Далее зачеркнуто: «за грезьми и за болоты».

²³ Слова «на Исикееве горе» написаны над строкой.

²⁴ Далее зачеркнуто: «не возем», написано над строкой и зачеркнуто: «не велим вести людям и крестьяном», вновь написано над строкой: «не возем».

²⁵ Частица со словом «не возем» написаны над зачеркнутым «не возем», исправленным из «не велим», далее над строкой продолжено и зачеркнуто «не велели вести людям и крестьяном».

²⁶ Слова «по многие годы» написаны над строкой.

²⁷ Далее зачеркнуто: «на польской стороне».

²⁸ Слова «на Дербышевской горе» написаны над строкой.

²⁹ Далее зачеркнуто: «полою водою».

³⁰ Далее на строке зачеркнуто: «ломает водою ии», над этими словами зачеркнуто: «тою полою».

³¹ Слова «поляя вода» написаны над строкой.

³² В слове «отдалела» вторая буква «л» исправлена по ранее написанной букве «н».

³³ Слова «за перевозки верст по пяти и больша» написаны над строкой.

³⁴ Далее знак вставки «крыж».

изрыла многие³⁵, больши половины, и озера под стеною не будет, занесло вешними протоки³⁶.

А что в прошлых год[ех]³⁷ против нашего челобитья велено было Темникову городу быть на тои Дербышевской горе, и то наше челобитье и помету ане, посадские люди, утоили. И как впредь великий государь укажет городу быть на Дербышевской горе, и мы лес, бревны и тес изготовим тотчас».

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2812/5 (в стлб. л. 6). Черновая сказка на одном листе, 163х415 мм; сохранность относительно удовлетворительная; по правому обрезу рукопись надорвана.

Водяной знак: нижняя половина «головы шута» с семью бубенцами (видны шесть бубенчиков воротника). См. подобный: Гераклитов, № 1404 (1656), с. 211.

№ 4

1678 (7186) г. апреля 28. – Сказка старосты дер. Черемис, Дракино то ж, Верхнемокшанского стана Темниковского у. Филата Матвеева о крестьянах Сафара-мурзы Маметева сына кн. Тенишева

186-го³⁸ апреля в 28 день сказал стольнику Андрею Никитичю Самарину да подьячему Афанасью Заварыкину Темниковского уезду деревни Черемис³⁹, Дракина⁴⁰ то ж, Сафара мурзы Маметева сына князь Тенишева⁴¹ староста ево Филатка Матвеев: «Великого государя жалованье за помещикам моим за Сафаром мурзою, помещеица⁴² в Верхнемокшанском стану в деревне Черемисе, Дракина то ж⁴³, крестьянских⁴⁴ дворов⁴⁵: во дворе⁴⁶ я, Филатка, у меня дети Ивашка да Моксимка, да у него ж внук⁴⁷ Пронька Артемьев семи лет; во дворе Спиридон Мартемьянов, у него дети Гаврилка да Моксимка, у Гаврилки сын Стенька трех лет, у Максимки сын

³⁵ Далее зачеркнуто: «не будет».

³⁶ Слова «А после того Федорова чертежу Ловчикова того городского места, что на Исихееве горе, водою береги изрыла многие, больши половины, и озера под стеною не будет, занесло вешними протоки» написаны на обороте после знака вставки.

³⁷ Здесь лист надорван.

³⁸ До текста фиолетовыми чернилами: «переписано»; красным карандашом: «1678 г.»

³⁹ В слове «Черемис» вторая буква «е» исправлена по ранее написанному.

⁴⁰ Слово «Дракина» подчеркнуто красным карандашом.

⁴¹ Слова «сына князь Тенишева» написаны тем же почерком над строкой.

⁴² Слово «помещеица» написано над зачеркнутым: «Мометевым».

⁴³ Далее зачеркнуто: «двор».

⁴⁴ Исправлено из «крестьянской двор».

⁴⁵ Далее зачеркнуто: «во дворе я, Филатка Мотвеев, у него сын Ивашка да Моксимка Филаткины дети».

⁴⁶ Предлог со словом «во дворе» здесь и далее написаны сокращенно «в», впоследствии был осуществлен подсчет дворов: под сокращениями убороисто приписаны черными чернилами «арабские» цифры.

⁴⁷ Слова «у него ж внук» написаны над зачеркнутыми словами: «у него же племянник».

Ивашка⁴⁸ четырех лет да племянники у него ж Тимошка да Масаеика Артемьевы дети, у Масаеики дети⁴⁹ Фетька четырех лет⁵⁰, Петрунька дву лет; во дворе Вахромеика⁵¹ Мотвеев, у него дети Давытка да Тимошка, да Кирушка, у Давытки дети Филька десяти лет, Афонька осми лет, Петрушка трех лет, у Тимошки сын Гришка дву лет; во дворе Илюшка Алексеев, у него дети Васька да Митька⁵², у Васьки сын Гараська семи лет, у Митьки дети Терешка да Пронка⁵³, Терешка пети лет, Пронка⁵⁴ году. // [л. 3] Да бабыльских дваров: во дворе Ромашка Иванов, у него сын Гришка, у Гришки сын Федотка трех лет⁵⁵; во дворе Мишка⁵⁶ Тимофеев, у него дети Савка да Сафонька, у Савки дети Гришка трех лет, Панька году; во дворе Стенька Иванов, прозвища Любимка, у Стеньки дети Петрушка девети лет, Ивашка четырех лет, Тимошка полугоду; во дворе Захарка Алексеев, у него сын Онисимка, у Аниськи сын Гаврилка году; во дворе Микишка⁵⁷ да братьи⁵⁸ у него⁵⁹ Мишка да Митька, да Овдакимка Ивановы дети, у Микишки сын Авдокимка дву лет⁶⁰. Двор пуст крестьянской: двор Тараска Мотвеев, а он Тараска Мотвеев збежал с женою и з детьми».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2812/2, л. 2-3. Черновая сказка на двух листах, 162х386; 158х268 мм; сохранность относительно удовлетворительная.

Водяной знак: нижняя половина герба Базеля. См. подобный: Гераклитов, № 116, 118 (1628–1630), с. 48.

№ 5

Не позднее 1678 г. июня 11⁶¹. – Челобитная мурз Сафара Маметова сына, Тимралея Исикиева сына кн. Тенишевых с племянниками о передаче им в поместье пополам с помещиками Данилой, Григорьем и Василием Карновыми детьми Чернцовыми и Степаном Савиным сыном Великопольского сенных покосов, рыбных ловель и других угодий в Темниковском у., за исключением Пазадомского липяшка

Царю⁶² государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу быют челом холопи твои темниковские Сафар-

⁴⁸ В слове «Ивашка» буква «к» написана по ранее написанной букве «а».

⁴⁹ Слово «дети» написано над зачеркнутым «сын».

⁵⁰ Далее зачеркнуто: «да у него же сын».

⁵¹ В слове «Вахромеика» слог «ка» приписан над строкой.

⁵² Далее зачеркнуто: «Алексеевы дети».

⁵³ В слове «Пронка» буква «н» исправлена по ранее написанной букве «ш».

⁵⁴ В слове «Пронка» буква «н» исправлена по ранее написанной букве «ш».

⁵⁵ Далее зачеркнуто: «во дворе Михаила Мотвеев».

⁵⁶ Исправлено из «Михаила»: слоги «-хаила» на строке зачеркнуты, надписано, «-шка».

⁵⁷ Далее зачеркнуто: «Иванов».

⁵⁸ В слове «братьи» буква «б» исправлена по ранее написанному.

⁵⁹ Далее стерто слово «Митька».

⁶⁰ Далее зачеркнуто: «да пустых».

⁶¹ Датировано по упоминанию о службе с поместья Сафара Тенишева его сыновей Ибраима и Смаила и времени правления царя Федора Алексеевича. См. док. 6.

⁶² До текста красным карандашом: «1676 г.»

ко мурза Маметев сын да Тимралеика мурза Исикеев сын князь Тенишевы с племянники своими. В прошлом, государь, во 183-м году⁶³ соседи наши темниковские помещики Данило да Григорей, да Василии Карповы дети Чернцовы, да Степан Савин сын Великопольской били челом тебе великому государю в поместье, в старых своих угодьях Темниковского уезду Верхмоксанского стану а Пазадомском липяшке да по реке Мокше⁶⁴ о сенных покосех в урочищах, в новом прозвании в Чюрилках, да в Яромзине. А теми, государь, сенными покосы и Пазадомским липяшком изстари владеют крестьяне ево Даниловы и братеи ево и Степана Великопольского, и наши, холопеи твоих, вопче пополам по здаточной записи прошлого 112-го году⁶⁵ деревни Момалаевы мордвы Пижани Петенина з братьями и с товарищи. Да крестьянишка ж наши, холопеи твоих, и Данила Чернцова и братеи ево, и Степана Великопольского крестьяне владеют вопче по той же здаточной записи на реке на Мокше бортным ухожьем в урочищах Ульяновском да Юрьевском волгиты и с теми новопрозованными Ярозимскими и Чуриловскими лугами, и с липегамы, и с пашнею, и с рыбную ловлею, и з бобровыми гоны, и со всяким угодьем. И с того, государь, бортного ухожья и с липягов медвеной оброк и ясачные и куничные денги платят крестьянишка наши вопче с ево Даниловыми и братеи ево и с Степана⁶⁶ Великопольского в Темникове по Степановым книгам Хрущева заодно. И по тому, государь, челобитью в прошлых во 184-м и во 185-м⁶⁷ годех на выписке помечено, велено сыскать против их челобитья.

Милосердья государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, холопеи своих, и племянников наших, вели, государь, те сенные покосы, о которых бьют челом они, Данило Чернцов з братьями и с товарищами, и рыбные ловли, и всякое угодье по той поступной, опчеи нашей поступной записи, дать нам холопом своим в поместье пополам с ним Данилом Чернцовым з братьями ево Григорьем и с Васильем, и с Степаном Великопольским, опричон Пазадомского липяшка, потому, государь, что мы холопи твои о том липяшке не челобитчики. А медвеной оброк и куничные и ясачные денги с того бортного ухожья против той поступной записи крестьянишка наши вопче с ево Даниловыми и братем ево и Степана Великопольского со крестьяны станут в твою великого государя казну платить в Темникове по-прежнему. И сю нашу челобитную и с подлинной нашей записи список взять к ево Данилову и Григорьеву, и Васильеву, и Степанову челобитью и выписке.

Царь государь, смилуися!

На обороте приписка XIX в. фиолетовыми чернилами: «№ 46 с, переписано 83»; в нижней части листа черными чернилами, зеркально основному тексту: «№ 46».

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2818, л. 1. Подлинник на одном листе, 160x363 мм; сохранность рукописи относительно хорошая, незначительные следы воздействия воды.

⁶³ Порядковый номер года подчеркнут красным карандашом. 1674/75 г.

⁶⁴ В слове «Мокше» буква «м» исправлена по ранее написанному.

⁶⁵ 1603/04 г.

⁶⁶ В ркп: «Стена».

⁶⁷ 1675/76 и 1676/77 гг.

Водяной знак: нижняя половина «головы шута» с пятью бубенцами на воротнике, видны три шара на стержне и три бубенчика воротника. См. подобный: Гераклитов, № 1357–1360 (1665), с. 201.

№ 6

1678 (7186) г. июня 11. – Сказка Сафара-мурзы Маметова сына кн. Тенишева о разделе между ним и племянниками Арсланом и Усманом Мердяшевыми детьми крестьян и бобылей, написанных в переписных книгах 1645/46 г. за его отцом, о своей отставке и службе с его поместья сыновей Смаила и Ибрагима

186-го⁶⁸ июня в 11⁶⁹ день в Темникове в приказной избе воеводе Андрею Александровичу⁷⁰ Хвостову⁷¹ да подъячему⁷² Ивану Матфееву⁷³ темниковец Сафар⁷⁴ мурза Маметов сын князь Тенишев сказал⁷⁵ по своей вере и по шерте⁷⁶: «В

⁶⁸ На л. 7 на левом поле до текста приписка XIX в. черными чернилами: «дубликат переписан»; XX в. фиолетовыми чернилами «ср. № 1»; красным карандашом: «1678 г.». На левом поле л. 8 в промежутке между 1-ой и 2-й строками приписка XX в. красным карандашом: «1678 г.» В ИТДМ окончание «-го» не приведено.

⁶⁹ На л. 8 календарное число не указано.

⁷⁰ В ИТДМ: «Александровичу».

⁷¹ На л. 7 и 8, в ИТДМ: «Хвостову».

⁷² В ИТДМ: «подъячему».

⁷³ На л. 7 и 8, в ИТДМ: «Матфееву».

⁷⁴ На л. 1 далее зачеркнут слог «ка»; в ИТДМ: «Сафарка».

⁷⁵ На л. 7 и 8, в ИТДМ: «сказал».

⁷⁶ На л. 7 и 8: «шерти». На л. 7 далее зачеркнут текст: «великого государя жалованья поместейца за мною в Темниковском уезде в розных местех, крестьянских и бабыльских дватцать девять дворов. А те крестьяне написаны». Затем над строкой: «в темниковских (не зачеркнуто) в переписных книгах Григорья Агорева да подъячева Сидора Богданова прошлова 154-го году за отцом моим за Маметем мурзою Исекеевым сыном князь Тенишевым» (далее в ркп на л. 7 знак вставки, на обороте после знака вставки: «крестьянских и бабыльских дворов» и на лице: «И те крестьяне и бобыли розделены с племянники моими, с Орасланом да с Османом мурзами Мердяшевыми детьми князь Тенишева пополам (на л. 7 слово «пополам» написано над строкой)). И с того моего поместья служат великого государя службу дети мои Ибраим да Смоил реитарскую службу. Ибраим мурза в порутчиках. И ныне он на службе ж великого государя. То моя и скаска. А скаску писал темниковской площадной подъячеи Ивашка Евсюков».

На л. 8: «великого государя жалованья поместейца за мною в Темниковском уезде (зачеркнуто: «по платежным») по переписным книгам Григорья Агорева да подъячева Сидора Богданова прошлого 154-го году (буква «н», обозначающая цифру «50», исправлена по ранее написанному), что (слово «что» написано над строкой) написано за отцом моим за Маметем мурзою Исекеевым сыном князь Тенишива (над строкой: «в розных местех») крестьянских и бабыльских (зачеркнуто: «в розных местех два местех») дватцать девять дворов (далее знак вставки и на обороте после знака же вставки: «и теми крестьяны владею я, Сафар мурза, с

темниковских в переписных книгах Григорья Агарева да подъячево⁷⁷ Сидора Булдакова⁷⁸ 154-го⁷⁹ году⁸⁰ написано за отцом моим, за Маметям мурзою Исикеевым⁸¹ сыном князь Тенишевым, в Темниковском уезде в розных деревнях крестьянских и бобыльских дватцать девять дворов. И те крестьяне и бобыли розделяны⁸² с племянники моими, с Орасланом⁸³ да⁸⁴ с Османом⁸⁵ мурзами Мердяшевыми детьми князь Тенишева пополам⁸⁶. И ныне я, Сафар мурза, по розбору стольника Василья⁸⁷ Савича Нарбекова да диака Артемья Волкова от службы великого государя⁸⁸ за старость и за увечье отставлен. И вместо меня велено служить⁸⁹ сынишку моему Смоилу⁹⁰. И ныне⁹¹ с⁹² того моего поместья служат⁹³ великого⁹⁴ государя службу⁹⁵ вместо моего того сынишка Смаила⁹⁶ в полку в начальных людех⁹⁷ енорала Веденота Андреевича Змеева, да сынишка же мои Ибраимка⁹⁸ слу-

племянники своими с Орсланом да с Осаном Мердяшевыми детьми князь Тенишева пополам. И с таго поместья за меня (зачеркнуто: Сафара мурзу служат дети мои Ибра) Сафара мурзу служит сын мои Смаил мурза. И ныне на службе великого государя. А я, Сафар мурза, ат службы великого государя отставлен за старостью и за увечьем. Да у меня ж Сафара мурзы сын Ибраим мурза ныне на службе ж великого государя служит порутчиком. То моя и скаска).

⁷⁷ В ИТДМ: «подъячего».

⁷⁸ В ИТДМ: «Балдакова».

⁷⁹ В ИТДМ окончание «-го» не приведено.

⁸⁰ 1645/46 г.

⁸¹ На л. 1 буква «с» исправлена по ранее написанному. В ИТДМ: «Исаковым».

⁸² В слове «розделяны» буква «я» исправлена по ранее написанной букве «е». В ИТДМ: «розделяны».

⁸³ В ИТДМ: «со Расланком».

⁸⁴ В ИТДМ: «и».

⁸⁵ В ИТДМ: «Османком».

⁸⁶ В слове «Смоила» по выносной букве «м» был начертан знак вставки.

⁸⁷ Слово «Василья» написано над зачеркнутым «Андрея».

⁸⁸ Слова «великого государя» написаны над строкой.

⁸⁹ Далее зачеркнуто: «реитарскую службу».

⁹⁰ «Смоилу» написано над зачеркнутым на строке: «Ибраимку».

⁹¹ На л. 1

далее зачеркнуто: «и Ибраимку», слова «И ныне я, Сафар мурза, по розбору стольника Василья Савича Нарбекова да диака Артемья Волкова от службы великого государя за старость и за увечье отставлен. И вместо меня велено служить сынишку моему Смоилу. И ныне» написаны на обороте после знака вставки. В ИТДМ эти слова пропущены.

⁹² В ИТДМ: «А с».

⁹³ В слове «служат» буква «а» исправлена по ранее написанной букве «и».

⁹⁴ В ИТДМ: «великою».

⁹⁵ Далее на строке зачеркнуто: «дети», над строкой знак вставки и рядом над строкой написано: «вместо».

⁹⁶ Слова «сынишка моего Смаила» написаны над строкой, далее знак вставки «крыж». На строке зачеркнуто: «Ибраимка да Смоилка реитарскую службу».

⁹⁷ Далее зачеркнуто: «у Веденихта» и далее стоит знак вставки.

жит великого государя службу⁹⁹ в порутчиках¹⁰⁰ боярина¹⁰¹ князя Григорья Григорьевича Ромадановского. И¹⁰² Ибраим¹⁰³ мурза в порутчиках и¹⁰⁴ ныне он на службе ж великого¹⁰⁵ государя. То моя и скаска».

А¹⁰⁶ скаску писал темниковской площадью¹⁰⁷ подъячей Тришка¹⁰⁸ Тихонов¹⁰⁹.

На обороте л. 1 арабографичная запись XVII в.: «Чурнай чулабитна ысушба=ысузба (?)».

На обороте у верхнего среза приписка XIX в. черными чернилами: «№ 53/Н.Х.»; XX в. более яркими черными же чернилами: «1678 / переписан весь свиток».

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2812, л. 1, 7 и 8. Сказка отложилась в трех черновых вариантах, входивших в состав одного столбца. Судя по графике, факту составления сказки площадным подъячим г. Темникова и арабографичной аттестации XVII в., написанной на обороте листа, самым ранним по времени составления представляется текст на л. 1, самым поздним – на л. 7.

В основу публикации положен л. 1, 164х284 мм; сохранность относительно удовлетворительная: по левому краю надорван; водяной знак – нижняя половина «головы шута» с семью бубенцами на воротнике. См. подобный: Гераклитов, № 1355–1357 (1665) с. 201.

Два других варианта сказки содержат примерно идентичные включения в текст, написаны одним и тем же темниковским площадным подъячим – Иваном Евсюковым. Сохранность л. 7, 163х246, не удовлетворительная: разорван наискосок так, что его фрагмент остался приклеенным в столбец с л. 1–6, а больший кусок и л. 8, 162х236, составили вторую часть некогда единого столбца. На обороте л. 7 арабографичная запись XVII в.: «Бу ыскасга Сэфар мирза кулым куйдым». Водяной знак – 1/3 верхней части головы шута с пятью бубенцами (видны

⁹⁸ Далее зачеркнуто: «с того ж моего поместьица».

⁹⁹ Далее зачеркнуто слово из 9 букв: «срочная(?)».

¹⁰⁰ Слова «енорала Веденота Андреевича Змеева в порутчиках» написаны на обороте после крыжа, перпендикулярно основному тексту на левом поле.

¹⁰¹ Далее зачеркнуто: «наместника». На строке было написано: «в полку в начальных людех».

¹⁰² В ИТДМ вместо фразы «вместо моего того сынишка Смаила в полку в начальных людех енорала Веденота Андреевича Змеева, да сынишка же мои Ибраимка служит великого государя службу в порутчиках боярина князя Григорья Григорьевича Ромадановского. И» написано: «дети мои Ибрагим да Смаил рейтарскую службу» и приведен комментарий: «Рейтарская служба – постоянное войско иноземного строя, введенное в Московской Руси в 1632 г., состоявшее на одну треть из иностранных инструкторов. Название рейтаров исчезло с начала XVIII в.».

¹⁰³ В ркп: «Имбраим».

¹⁰⁴ В ИТДМ союз «и» пропущен.

¹⁰⁵ В ИТДМ: «великою».

¹⁰⁶ В ИТДМ: «И».

¹⁰⁷ В ИТДМ: «темниковский площадной».

¹⁰⁸ В ИТДМ: «подъячей Гришка».

¹⁰⁹ На л. 7 и 8 эта фраза пропущена.

4) на воротнике. См. подобный: Гераклитов, № 1351–1353, с. 200. На обороте л. 8 арабографичная запись XVII в.: «Чурный ыпыска (отписка) Сәфәр мирзаның пирказга (приказга) биргән». Сохранность л. 8 относительно удовлетворительная. Водяной знак – изображение нижней половины «головы шута» (видны два из трех кругов на стержне и два бубенчика на воротнике).

Публ.: История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 176.

№ 7

Не позднее 1678 (7186) г. июня 11¹¹⁰. – Роспись сотенных людей, служилых мурз и татар г. Темникова

Голова Сафар князь Тенишев¹¹¹.

Порутчик Восилей Устинав¹¹².

Имена сотенным людям Темникова города¹¹³ мурзам и татаровям.

Голова Сафар мурза Маметев сын князь Тенишев¹¹⁴. Посланы с взыска¹¹⁵ Араслан¹¹⁶ да Сюнакаи Алкаевы, Бикбаи¹¹⁷ да Нураи¹¹⁸ Дашкины, Смаил¹¹⁹ Тяшев да Уразлан¹²⁰ Уразов,¹²¹ Пирмаи¹²² Кучюкаев, Будалеи¹²³ Тляшев,¹²⁴ Кадряк¹²⁵ Утемишев,¹²⁶ Умряк¹²⁷ Утемишев¹²⁸, Бегиш¹²⁹ Чинаев,¹³⁰ Давыд Алеев,¹³¹ Борис¹³²

¹¹⁰ Датировано по упоминаниям об отставке Сафара Тенишева в июне 1678 г. и службе с его поместья сыновей Исагила (Смаила) и Ибрагима. См. док. 6.

¹¹¹ В ркп: «Тенишав». Фраза написана выцветшими чернилами, отличным от основного почерком.

¹¹² Фраза убористо написана явно позднее и почти угасла.

¹¹³ В слове «города» буква «а» исправлена по ранее написанному.

¹¹⁴ Далее дописано другим почерком: «посланы с взыска».

¹¹⁵ Слова «Посланы с взыска» приведены в промежутке между строками отличным от основного почерком и другими чернилами, которыми написаны позднейшие приписки.

¹¹⁶ На левом поле перед именем буква «е». Думается, это сокращение слова «есть/есте».

¹¹⁷ На левом поле перед именем буква «е».

¹¹⁸ Союз с именем взят в круг и в верхней части окружности начертана буква «п» («помер» или «погиб?»).

¹¹⁹ На левом поле перед именем буква «е» и убористо «5».

¹²⁰ Перед именем: «збе», т.е. сбежал(?).

¹²¹ Далее: «н», возможно, обозначение нетчика, не явившегося на службу (?).

¹²² Перед именем: «збе н».

¹²³ Перед именем: «збе».

¹²⁴ После имени: «н».

¹²⁵ Перед именем «п» в круге, далее буква «е» и цифра «6».

¹²⁶ После фамилии буква «е».

¹²⁷ Над именем «Умряк» угасло: «съ взыска».

¹²⁸ После фамилии буква «п» в круге.

¹²⁹ Перед именем буквы «збе», далее с нажимом: «н» и цифра «7».

¹³⁰ Далее буква «е».

¹³¹ Далее буква «е».

¹³² Перед именем буква «е» и цифра «8».

да Люкаи Беишевы,¹³³ Шиюк¹³⁴ Уразов, Бибаи¹³⁵ да Енбулай¹³⁶ Маметовы,¹³⁷ Иш-терек¹³⁸ Богданов,¹³⁹ Елмамет¹⁴⁰ Ишеев,¹⁴¹ Алмакаи¹⁴² Михайлов,¹⁴³ Тимаи Ишака-ев¹⁴⁴ Сюнчелеи¹⁴⁵ Михайлов,¹⁴⁶ Мамет¹⁴⁷ Барашев,¹⁴⁸ Ураз¹⁴⁹ да Утеи Богдано-вы,¹⁵⁰ Енгучеи¹⁵¹ да Евгостеи Трофимовы,¹⁵² Нурмаммет¹⁵³ Уразов, Кильмакаи¹⁵⁴ да Мамаи Сюняковы, Кильмамаи¹⁵⁵ Муставин, Аюкаи¹⁵⁶ Уразгильдеев,¹⁵⁷ Асана-леи¹⁵⁸ Тактаралеев¹⁵⁹, Мардяш¹⁶⁰ Адинов¹⁶¹, Бектемир¹⁶² Токтаралеев¹⁶³, Кутлума-мет¹⁶⁴ Богданов,¹⁶⁵ Аксиет¹⁶⁶ Сюнчелев,¹⁶⁷ Исен¹⁶⁸ Нураев¹⁶⁹, [Тавкел]¹⁷⁰ Сюнчеле-ев и Енбаи¹⁷¹ Тимофеев,¹⁷² Бавбек¹⁷³ Баигильдин,¹⁷⁴ Усоин¹⁷⁵ Ефаев¹⁷⁶.

¹³³ После фамилии буква «е».

¹³⁴ Перед именем буква «е» и цифра «9».

¹³⁵ Перед именем на строке буквы «збе», над строкой буква «н».

¹³⁶ Над именем буква «н».

¹³⁷ В слове «Маметовы» буквы «вы» приписаны тем же почерком под именем.

¹³⁸ Перед именем буква «н», сокращение «збе» и цифра «10».

¹³⁹ После фамилии: «е».

¹⁴⁰ В слове «Елмамет» по ранее написанным буквам «лм» исправлена буква «б». После буквы «е» зачеркнуто: «Тимаи Ишакаев».

¹⁴¹ После фамилии буква «е».

¹⁴² Перед именем буквы «ее», вторая написана позднее.

¹⁴³ Далее буква «е».

¹⁴⁴ Имя-отчество были зачеркнуты, но над строкой приписано: «бело».

¹⁴⁵ Перед именем буква «е» и цифра «11».

¹⁴⁶ После фамилии буква «е».

¹⁴⁷ Под выносной буквой «т» написана буква «н».

¹⁴⁸ После фамилии буква «е».

¹⁴⁹ Перед именем буквы «збе» и цифра «12».

¹⁵⁰ После фамилии буквы «е» и «н», последняя написана позднее.

¹⁵¹ Перед именем буква «е» и цифра «13».

¹⁵² После фамилии в конце строки буквы «ее», вторая написана позднее.

¹⁵³ Перед именем «збе», по которым позднее написана буква «е», цифра «14». Буква «е» в имени исправлена по ранее написанной букве «а».

¹⁵⁴ Перед именем буква «е».

¹⁵⁵ Перед именем буква «е» и цифра «15».

¹⁵⁶ Перед именем буква «е».

¹⁵⁷ После фамилии буква «е».

¹⁵⁸ Перед именем буква «е».

¹⁵⁹ Над фамилией буква «е».

¹⁶⁰ Перед именем буква «е».

¹⁶¹ Над фамилией буква «е».

¹⁶² Перед именем буква «е».

¹⁶³ Над фамилией буква «е».

¹⁶⁴ Перед именем буква «е».

¹⁶⁵ После фамилии буква «е».

¹⁶⁶ Перед именем буква «е», над именем буква «н» под титлом, по всей видимости, ее следовало привести над фамилией, которая в этом случае была бы приближена к звучанию «Сюнчелев», над фамилией присутствует буква «е».

¹⁶⁷ Далее буква «е».

На обороте арабографичная запись XVII в.: «Бу ысалтад ишлэре (солдат эшлэре)».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2812, л. 6 (в стлб. л. 7). Черновик на одном листе, 152x384 мм; сохранность плохая: обветшал, текст угасает.

Водяной знак – нижняя половина герба «лилия на щите» (без литер). См. подобный: Гераклитов, № 216 (1671), с. 75.

№ 8

Не ранее 1677 (7185) г. сентября 1 – не позднее 1682 г. апреля 27¹⁷⁷. – Челобитная мурз Ибрагима Сафарова сына кн. Тенишева, Кильмокая Мустафина сына кн. Седельметева и Ивана Ямбаева сына кн. Мамлеева «с товарищи» на имя царя Федора Алексеевича с просьбой допросить в приказной избе помещиков Мамая Сулейманова и Кулая Алмакаева, распахавших переданную челобитчикам «излишнюю» землю в Темниковском у. на речке Шукструй (Шукстрове), и принять соответствующий указ

Царю¹⁷⁸ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьют челом холопи твои темниковцы Ибрашка мурза Сафаров сын князь Тенишев да Кильмокайка мурза Мустафин сын князь Седехметев, да Иванашка мурза Ямбаев сын Мамлеев с товарищи.

В прошлом, государь, во 184-м году по-твоему великого государя указу и по грамоте дано нам, холопом твоим, твоего великого государя жалованья за дачею старых помещиков темниковцов Момая Сюлеменева да Кулая Алмокаева с товарищи излишняя примерные земли по дватцати четьи человеку в поле, а в дву по тому ж, да сенных покосов по триста копен в Темниковском уезде на речке Шукстрове в Ывакаевом кругу Сафара мурзы Емикеева деленице меж речек Шукстровы и Юни, и за речкою Юнею. А смежна та наша помесная земля, новая дача, с ними Момаем да Кулаем с товарищи. И по тои твоеи великого государя грамоте та примерная помесная земля в тех урочищах нам, холопом твоим, отказана и в отказных книгах в тех урочищах за нами, холопи твоими, написана, и с тех отказных книг на тое примерную помесную землю дана нам, холопом твоим, владеная выпись.

А ныне, государь, они старые помещики, Момаи да Кулаи с товарищи, на тои нашей помесной земле, которая по твоему великого государя указу и по гра-

¹⁶⁸ Перед именем буква «е».

¹⁶⁹ Над фамилией имеется буква «е» и крестик.

¹⁷⁰ Чтение неуверенное, текст на строке исправлен и угасает. Слова «с взыска послан» написаны над строкой почерком, отличным от основного, чернила размыты.

¹⁷¹ Перед именем буква «е».

¹⁷² После фамилии буква «е», над фамилией крестик.

¹⁷³ Перед именем буква «е».

¹⁷⁴ После фамилии буква «е».

¹⁷⁵ Перед именем буква «е».

¹⁷⁶ Последние имя и фамилия «Усоин Ефаев» практически угасли.

¹⁷⁷ Датировано по контексту и времени кончины царя Федора Алексеевича.

¹⁷⁸ До текста красным карандашом: «1677 г.»

моте отказана за их дачею нам, холопом твоим, и в отказных книгах написана, вспахали и посеяли свои и наши жеребьи, не розделя с нами, неведома почему.

Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь их, Момая да Кулая с товарищи, в приказной избе поставить и в том допросить, почему они ту помесную землю, которая по той твоей великого государя грамоте за их дачею излишние примерные земли дана нам, холопом твоим, отказана, свои и наши жеребьи, не разделя с нами, вспахали и посеяли? А по допросу и против наших, холопей твоих, крепостей вели, государь, свои милостивою царьскою указ учинить.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На обороте приписки XIX в. черными чернилами: «№ 43/ Н.Х.»; «Фед. А-ча 1677»; фиолетовыми – «переписано».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2803, л. 1. Подлинная челобитная на одном листе, 166x428 мм; верхняя половина листа обветшала, текст угасает.

Водяной знак: верхняя половина «головы шута» с семью бубенцами. См. подобный: Герасимов, № 1373–1374 (1678), с. 204.

№ 9

Не ранее 1678 (7186) г. июня 11 – не позднее 1682 г. апреля 27.¹⁷⁹ – Челобитная Сафара-мурзы Маметева сына и жены его родного брата Мердяша – вдовы Девлетлеи с сыновьями и внучкой на имя царя Федора Алексеевича о юридическом оформлении раздела поместья отца и свекра Мамета Исекеева сына кн. Тенишева и «дачи» Сафара в Темниковском, Шацком и Кадомском уу. между ними

Царю¹⁸⁰ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу¹⁸¹ быют челом холопи твои Темникова города Сафарко¹⁸² мурза¹⁸³ Маметев сын князь Тенишев да раба¹⁸⁴ твоя вдова Девлетлеика¹⁸⁵, Мердяшевская¹⁸⁶ жена князь Тенишева з детьми своими, с сыном¹⁸⁷ с Росланком¹⁸⁸ да с Асманкою¹⁸⁹ мурзами, да со внукою з девкою¹⁹⁰ с Арусалтанкою¹⁹¹.

¹⁷⁹ Датировано по упоминанию об отставке Сафара-мурзы Тенишева. См. док. 6.

¹⁸⁰ До текста фиолетовыми чернилами: «№ 81».

¹⁸¹ В С слова «Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу» пропущены.

¹⁸² В В и С: «Сафарка».

¹⁸³ В С далее зачеркнуто слово: «князь».

¹⁸⁴ В С: «роба».

¹⁸⁵ В С далее зачеркнуто «сми».

¹⁸⁶ В В и С: «Мердяшевская».

¹⁸⁷ В В предлог «с» пропущен.

¹⁸⁸ В А: «Росланком», в С: «Росланкою».

¹⁸⁹ В С: «Асманкою».

¹⁹⁰ В В и С предлог и слово «з девкою» пропущены.

В¹⁹² прошлых, государь, годех¹⁹³ моево¹⁹⁴ Сафаркина отца, а моево рабы твоеи свекра, а нашего, холопеи твоих, деда Маметя мурзы Исикеева сына князь Тенишева¹⁹⁵ не стало. А твоего великого государя жалованья после ево осталось поместейца, что ему дано было в прошлых годех¹⁹⁶. По¹⁹⁷ указу деда твоего государева, блаженныя¹⁹⁸ памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России¹⁹⁹ самодержца²⁰⁰, и отца твоего государева, блаженныя²⁰¹ памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца²⁰², в²⁰³ Темниковском уезде в Окологородном стану в селе Старом Городище²⁰⁴ да в Оксельском стану²⁰⁵ на Кушках²⁰⁶, да²⁰⁷ на Соксам Помре в бортном уоужье²⁰⁸ с нагайского²⁰⁹

¹⁹¹ В В в слове «Арусалтанкою» буква «т» исправлена по ранее написанной букве «м»; в С: «с Арусалтанком».

¹⁹² В С предлог «в» пропущен.

¹⁹³ В С далее знак вставки «крыж». На обороте л. 1 приведена фраза: «В прошлых, государь, годех моего, холопа твоего, Сафаркина отца, а моево, рабы твоеи, свекра (далее зачеркнуто: не стало), а нашего, холопеи твоих, деда не стало».

¹⁹⁴ В В: «моего, холопа твоего».

¹⁹⁵ В В и С слова «Маметя мурзы Исикеева сына князь Тенишева» пропущены.

¹⁹⁶ В В и С слова «А твоего великого государя жалованья после ево осталось поместейца, что ему дано было в прошлых годех» пропущены.

¹⁹⁷ В В: «И по».

¹⁹⁸ В В: «блаженные».

¹⁹⁹ В В: «Русии»; в С вместо слов «царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России» написано: «в. г. полные титла».

²⁰⁰ В С слово «самодержца» пропущено.

²⁰¹ В В и С: «блаженные».

²⁰² В С вместо слов «великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца» написано: «полные титла». Далее в В и С: «дано было моему холопа (в С: «холопу») твоего Сафаркину отцу, а моему рабе твоеи свекру, а нашим холопом твоим деду Маметю (в С: «Маматю») мурзе Секееву (в С буква «с» исправлена из «к») сыну князь Тенишеву твоего великого государя жалованья» (в С далее зачеркнуто: «в Темниковском и в Шатцком уездах и в Саранском уезде»).

²⁰³ В С предлог «в» пропущен.

²⁰⁴ Далее в В и С: «помесной земли пятнатцать (в С: «пятнатцеть») четьи в поле, а в дву по тому ж, да сенных покосов вниз по реке по Мокше с левую (в С: «левою») сторону да на Ишморове поляне на двести копен, да (в С союз пропущен) на лугу в тех же урочищах на пятнатцать (в С: «пятнатцеть») копен, да меж Мокши реки и озера Шигаева, Дубровка (в С: «Дубровка» написано над зачеркнутым словом «Дубровка») то ж, пятьдесят копен».

²⁰⁵ Далее в В и С: «на диком поле».

²⁰⁶ В В и С: «четы с полуосминою (в С: «четыи с полуосминою») // (в С л. 2) да сенных покосов на десять копен, да в ево ж Маметеве вотчине в бортном уоужье».

²⁰⁷ В В и С союз «да» пропущен.

²⁰⁸ В В и С: «в бортном уоужье на Соксам Помре».

²⁰⁹ В В и С: «нохайского».

приходу²¹⁰, да на Кербуле²¹¹, да на речке на Шее и на селище подле заповедного²¹² лесу²¹³, да в деревни Дракиной²¹⁴ на Едовском поле, да подле деревни Порапины з большим лесом, да²¹⁵ против деревни Иванковы с польския²¹⁶ стороны²¹⁷ в Беляикове²¹⁸ вотчине²¹⁹, да жереbei в Поляне²²⁰, да в²²¹ починке Ирсите, да в деревни Черляном Яру, да в починке Березовке и Слобожанке, да в деревни Новоселках, да подле речки Малои Лепеевки, да меж двух вершин Лепьевских, да на диком поле от красного дуба подле речки Лепелейки, да в селе Панжи дворовые усадьбы и сенные покосы. Всего помещица в Темниковском уезде з бортными ухажьбы и с рыбными ловлями, и по купчим двести восемьдесят три четьи. Да в том же в Темниковском уезде в тех же розных урочищах да на Инзе Потме²²² сенных покосов две тысячи сто пятьдесят пять копен. Да в Шатцком уезде треть²²³ сельца Пыжова, Русанова то ж, девятнадцать четьи со всеми угодьбы и с санными покосы.

²¹⁰ В В и С далее: «заимище, а в нем место дворовое помещиково да помещные земли десять чети (в С: «четыи») да сенных покосов меж пашни в тех же урочищах на триста копен на диком поле».

²¹¹ В В в слове «Кербуле» вторая буква «е» исправлена, ее можно прочесть и как «а».

²¹² В С: «заповеднаго», буква «в» исправлена по ранее написанному.

²¹³ Далее в В и С: «помесные земли пятьдесят пять чети (в С: «четыи») с полуосминою да сенных покосов на болоте на пятьсот на пятьдесят копен».

²¹⁴ В В и С: «Дракиной (в С: Дрокиной), что сидит на болоте».

²¹⁵ В В и С вместо слов: «на Едовском поле, да подле деревни Порапины з большим лесом, да» написано: «пашни паханные на диком поле на Едове добрые земли да перелогом и облогом дватцать пять чети (в С: «дватцетъ пять четьи») в поле, а в дву по тому ж. Да в том же урочище по дуброве сенных покосов на триста копен. Смежна та пашня и санные покосы стольником с Ысаком Погожим, да пашни паханные подле деревни Порабины добрые земли перелогом и облогом (в В: «бологом») пять чети (в С л. 3) без (в С: «четыи // бес») четверика за рекою за Мокшею».

²¹⁶ В В и С: «польские».

²¹⁷ В В далее: «в мордовской в Обляковой».

²¹⁸ В С: «мордовской Беляиковой».

²¹⁹ В В и С далее: «пашни перелогом и облогом добрые земли десять чети (в С: «четыи», цифра «10» передана буквой «и» десятиричной) в поле, а в дву по тому ж».

²²⁰ В В и С далее: «пашни // [в В л. 4] паханные доброй земли перелогом и облогом тритцать восемь чети (в С: «четыи») с осминою (в С: «осьминою») бес (в В: «без») четверика. И обаево (в С: «обоево») пашни паханные (в С далее: «перелогом и облогом») сорок чети (в С: «четыи») в поле, а в дву по тому ж».

²²¹ В В и С вместо «да в»: «в том же».

²²² Слова «да на Инзепотме» написаны над строкой.

²²³ В слове «треть» первая буква «т» исправлена по ранее написанной букве «у».

*И то поместье*²²⁴ отца моего, Сафаркина²²⁵, по полюбовному договору и по третейскому разделу мне, холопу твоему Сафарке, из²²⁶ отцовского жеребья

²²⁴ В В и С текст «да (в С союз «да» пропущен) в деревни (в С: «деревне») Черляном Яру, да в починке Березовке и Слобожанке, да в деревни Новоселках (в С далее: «За ним же Маметем мурзою на диком поле на вершине Липеевки (слог «ли» исправлен по ранее написанному) Малои 20 четьи в поле («в поле» написано над строкой) в дву по тому ж, с санными покосы и со всеми угоды»), да подле речки Малой Лепеевки, да меж двух вершин Лепьевских, да на диком поле от красного дуба подле речки Лепелейки, да в селе Панжи дворовые усадьбы и санные покосы. Всего поместьеца в Темниковском уезде з бортными ухोजь и с рыбными ловлями, и по купчим двести восемьдесят три четьи. Да в том же в Темниковском уезде в тех же розных урочищах да на Инзе Потме санных покосов две тысячи сто пятьдесят пять копен. Да в Шатцком уезде треть сельца Пыжова, Русанова то ж, девятнадцать чети со всеми угоды и с санными покосы. И то поместьеца» приведен в иной редакции: «на ево жеребеи добрые земли перелогом и облогом дватцать чети (в С: «дватцать четьи») в поле, а в дву по тому ж, санных покосов за рекою за Ирѣситою (в С: «Ирѣситом») на двести копен (в С далее знак вставки) да примерной земли на Саксам Помре с нахаиского (в С: «нагаиского») приходу пашни перелогом и облогом дватцать пять чети в поле, а в дву по тому ж. (В С слова «да примерной земли на Саксам Помре с нагаиского приходу пашни перелогом и облогом дватцать пять четьи в поле, а в дву по тому ж» написаны на обороте л. 3 после знака вставки). Да в деревни Дракиной примерной земли, что вымерено сверх ево дачи, да (в С далее: «дватцать пять четьи») на диком поле Едове пашни паханные (в С далее над строкой: «перелогом») обаево (в С: «И обаево пашни паханные», далее зачеркнуто «и перелогом») сорок две чети без (в С: «четыи бес») третника в поле (в С слово с предлогом «в поле» исправлены по ранее написанному), а в дву по тому ж. Да об межу (в С: «межу») деревни Малаевы санных покосов по дуброве на сто копен. Да за ним же Маметем мурзою отцом моим (в С слова «отцом моим» пропущены) бортных (в С: «покупных боротных») угожей и рыбных ловель в Черномецком угожье (в С далее: за ним же Маметем»), да по купчей круг деревни Щенина луг да липяг. Да за ним же отцом моим (в С вместо слов «отцом моим»: «Маметем вотчина») по купчей бортных угожей (в С: «на речке на Рудни да за ним же Маметем вотчина по купчей бортнои угожей пал де па Ура по обе стороны реки Ломовы, да за ним же Маметем в той же в борте нет (зачеркнуто: «угожья»), пал де па Уры по обе стороны речки Ломовы // (в С л. 4) жеребеи. Да за ним же по купчей бортнои ухोजь») вверх Мокши реки по правои стороне Черленой Яр луг Багузинской с (в С предлог «с» исправлен по буквам «бо») раменем. Да в деревне Черленом Яру да в починке Березовке и Слобожанке пашни дватцать (в С цифра передана буквенным обозначением «к», написанным над строкой) шесть чети с осминою (в С: «четыи с осминою») в поле, а в дву по тому ж, дельным (в С: «деловым березником») и (в С союз «и» пропущен) с санными покосы (в С слог «по» написан над строкой). Да (в С далее: «за ним же Маметем мурзою») в Шатцком уезде треть сельца Пыжова (в С: «Пыжо»), Русанова то ж, девятнадцать чети (в С: «девятнадцать четьи», далее зачеркнуто: «да в Верхмокок»). Да в Темниковском уезде в Верхмокшанском стану на диком поле в деревне Новоселках (в С: «Новоселках») дватцать четьи (в С: «20 четьи в поле, а в дву по тому ж»), смежна та пашня с Оикеем мурзою Енгальчевым да с Енбаем мурзою (в С: «Енбаем»). Да санных покосов на лугу против лашменских (в С далее: «гумен с теми ж лашменскими татары») татар восемьдесят копен. (Далее в С: «За ним же по купчей вотчине бортнои ухोजье (в С: «ухожье») по обе стороны речки Ломовы да по той же купчей бортнои ухोजье по обе стороны реки Сеидь Мыла имя-

половина²²⁷; а мне, рабе твоеи, з детьми и со²²⁸ внукою, из²²⁹ свекровня²³⁰ поместья²³¹ досталось²³² жилое и пустое²³³ половина²³⁴ ж.

Да что мне, холопу твоему Сафарке, твое великого государя жалованье²³⁵ дано новья²³⁶ дачи в Темниковском и в Шацком, и в Кадомском уезде в прошлых годах²³⁷ в розных урочищах, опричь²³⁸ женнина прожиточного жеребья²³⁹, семьдесят одна четь. И по полюбовному нашему договору и по розделу, и по третейской записи ис того моего поместейца дано ей вдове з детьми и со внукою половина – тритцать пять четьи²⁴⁰. И та новая дача за²⁴¹ мною, холопом твоим Сафаркою, справлена²⁴², а за мною, рабою твоею²⁴³, з детьми и со внукою не розписано и не справлено.

Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец²⁴⁴, пожалуи нас, меня, холопа своего, и

нуевы с раменем. Да за ним же смежное поместье. Да в тех же урочищах (над строкой: «на Инъзе Потъме») на триста («-ста» над строкой над зачеркнутым «цеть») копен сенных покосов»). Да подле речки Малои Летвее дватцать четьи и сенными ж покосы (в С последнее предложение пропущено). Да (в С далее: «за ним же Маметем мурзою») в Верхмоксанском стану на диком поле подле (в С вместо слова «подле»: «от») красного дуба возле речки Репей речки (в С: «реки») да возле речки Шуине (в С далее: «Шуктроша то ж») пятнатцать чети (в С: «пятнатцеть четьи в поле, а в дву по тому ж») и с сенными покосы. И того (в С «и того» пропущено)).

²²⁵ В С вместо слов «отца моего, Сафаркина»: «да».

²²⁶ В С предлог «из» пропущен.

²²⁷ В С: «жеребью половину».

²²⁸ (В В: «са»)

²²⁹ В С предлог пропущен.

²³⁰ В В: «свекрова».

²³¹ В С: «помесья».

²³² В В: «досталась».

²³³ В В и С слова «жилое и пустое» пропущены.

²³⁴ В С: «полавина».

²³⁵ В В и С слова «твое великого государя жалованье» пропущены.

²³⁶ В В и С: «новые».

²³⁷ В В и С слова «в прошлых годах» пропущены.

²³⁸ В С: «апричь».

²³⁹ В С далее зачеркнуто: «по розделу».

²⁴⁰ В В вместо слов «семьдесят одна четь. И по полюбовному нашему договору и по розделу, и по третейской записи ис того моего поместейца дано ей вдове з детьми и со внукою²⁴⁰ половина – тритцать пять четьи» написано: «и того поместья моего новой дачи дано ей вдове половина тритцать пять четьи з детьми и со внукою».

²⁴¹ В С далее зачеркнуто: «по розделу» и продолжено: «да по любовному договору и по розделу треть их с моеи Сафарки-// (л. 5)ной с новой дачи досталось ей вдове половина з детьми и со внукою. И та новая дача»

²⁴² В С: «справлено».

²⁴³ В С: «твоеи».

²⁴⁴ В С слова «государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец» пропущены.

меня, рабу свою, з детьми и со внукою, вели, государь²⁴⁵, то отца моего Сафаркина²⁴⁶ поместья²⁴⁷, что достанетца мне, холопу твоему, ис поместья отца моего²⁴⁸ к новой моеи // [л. 2] даче к осмидесят к семи четьям²⁴⁹, а за мною, рабою твоею, з детьми и со внукою вели, государь, ис поместья свекра моего половину и полови-ну из новой дачи деверя моего Сафара мурзы тритцать пять четьи²⁵⁰ в тех поме-стьях²⁵¹, в селах и в деревнях, в розных урочищах со всеми угодыи и со крестьяны и з бобыли²⁵² меж нами²⁵³ справить и росписать²⁵⁴.

Царь государь, смилуися, пожалуи²⁵⁵!

ОПРК НБЛ КФУ, ред. хр. 2796. Челобитная отложилась в трех списках конца XVII в.: двух «беловых» и одного чернового, соответственно обозначенных публикатором литерами «А», «В» и «С». В основу публикации положен первый вариант белового списка (А), разночтения приведены в подстрочных примечаниях.

Список «А» выполнен весьма убористым почерком на двух листах (л. 1–2), 154х380, 154х50 мм, лицом, имеющим большую делопроизводственную практику; сохранность относительно удовлетворительная. Водяной знак – герб г. Базеля: рог изобилия изогнутой формы средней величины на щите (л. 1 – нижняя половина; л. 2 – верхняя левая четверть. См. подобный: Гераклитов, № 108–109, с. 47; отдаленно подобный: Лихачев, 1899, ч. 1, табл. CDXXXI, с. 67; ч. 3, № 3269, 3270.

Список «В» написан на трех листах (л. 3–5), 156х388; 156х382; 156х98 мм, тем же почерком, что и текст на л. 1–2, но более размашисто; сохранность плохая, текст по левому обрезу волнообразно выцвел до середины листов. В левом верхнем углу л. 3 приписано почерком XIX в. бурными чернилами: «дубликат», под этим словом написано черными чернилами: «46/а». Водяной знак – верхняя половина гербового щита, увенчанного короной. См. подобный: Водяные знаки рукописей России XVII в. № 959 (1674), с. 110.

Черновой вариант челобитной (список «С») занимает пять листов (л. 1–5), 166х268, 166х256, 166х417, 166х402, 166х209 мм; сохранность относительно удовлетворительная, начало утрачено, по левому обрезу имеются следы воздействия воды. Текст выполнен размашистым почерком, отличным от почерка беловиков, более яркими черными чернилами. Водяной знак – верхняя половина «головы шута» с пятью бубенцами на воротнике и с литерами «СОО» и «HD». См. подобный: Дианова, 1997. № 201 (1678); на л. 3 см. подобный: Гераклитов, № 1196 (1674), с. 167; на л. 4 – № 1208, 1209 (1678), с. 170.

²⁴⁵ В В далее перенос на л. 5.

²⁴⁶ В В и С слово «Сафаркина» пропущено.

²⁴⁷ В С: «помесья».

²⁴⁸ Далее в С: «справить за мною холопам твоим к новой моеи дачи к осмидесят к семи четвертям».

²⁴⁹ В В: «к семидесят к семи четвертям». В С: «дачи к осмидесят к семи чет-вертям».

²⁵⁰ В В: «четвертеи».

²⁵¹ В С: «помесьях».

²⁵² В В и С: «со крестьяны и з бобыли, и со всеми угодыи».

²⁵³ В В и С слова «меж нами» пропущены.

²⁵⁴ В С союз и слово «и росписать» пропущены.

²⁵⁵ В С слово «пожалуи» пропущено.

№ 10

Не ранее 1678 сентября 1 (7187) – не позднее 1682 г. апреля 27²⁵⁶. – Челобитная Сафара-мурзы Маметева сына кн. Тенишева на имя царя Федора Алексеевича с просьбой дать ему с сыном Ибрагимом выпись из темниковских и саранских переписных книг 1677/78 г. на его земли

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой темниковец Сафарко мурза Маметев сын князь Тенишев.

В прошлом, государь, во 186-м году по твоему великого государя указу переписывали переписчики в Темниковском и в Саранском уездах. А с тех переписных книг мне, холопу твоему, выписи не дано.

Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, с тех переписных книг дать мне, холопу своему, выпись и сынишком моим Абраимком.

Царь государь, смилуися!

На обороте крайне убористая приписка XIX в. черными чернилами: «переписано с списка».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2811, л. 1. Подлинник на одном листе, 118х163 мм; был подклеен в столбец, состоящий из 3 листов (к верхнему обрезу рукописи осталась приклеенной полоска оторванного предыдущего листа; сохранность относительно удовлетворительная, имеются следы воздействия воды. Водяной знак – буквы «WPI» в картуше, возможно, сопровождавшие «голову шута».

№ 11

Не позднее 1678 (7187) г. декабря 5 – не позднее 1680 (7189) марта 17²⁵⁷. – Челобитная мурз Сафара Маметева сына и Арслана Мердяшева сына кн. Тенишевых на имя царя Федора Алексеевича с просьбой оставить их крестьян в старой кости

[л. 2] Царю²⁵⁸ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьют челом холопи твои, Сафарко мурза Маметев сын да Арасланка мурза Мердяшев сын князь Тенишевы.

В прошлых, государь, годех были в кости, в ямской ганьбе²⁵⁹ с темниковскими с Мамоделеем мурзою Баибарсовым сыном князь Девлеткильдеевым з братьею, с Ысламом мурзою князь Девлеткильдеевым да с Сюнчалеем мурзою Дербышевым наши, холопеи твоих, крестьянишка с ими крестьяны в строельных темниковских в

²⁵⁶ Датировано по контексту и времени правления царя Федора Алексеевича.

²⁵⁷ Датировано по времени подачи сказки Сафаром Тенишевым. См. док № 12.

²⁵⁸ До начала текста на левом поле приписка XIX в. черными чернилами: «№ 46/г, XX в. фиолетовыми чернилами: «переписано 86».

²⁵⁹ Слова «были в кости, в ямской ганьбе» подчеркнуты красным карандашом.

емских книгах написаны в одной кости. А в той, государь, кость²⁶⁰ емщик у нас, холопей твоих, опчеи старинной купленной, и ныне в той кости²⁶¹ гаяет²⁶².

В прошлых, государь, годех²⁶³ бил челом тебе великому государю Михаила Степанов сын Кашаев на всех на десеть костей, будто ево Михайлова кость²⁶⁴ меньше всех, и свез твою великого государя грамоту в Темников, чтоб дать ему Михаилу с теми костями счоту и чтоб тех костей поверстать всех поровну. А темниковской воевода Василей Челищев, не дав тем костям счоту, посягаючи на нас, холопей твоих, дружа и наровя Михаилу Кашаеву²⁶⁵, приписал наших, холопей твоих, крестьянишек к нему Михаилу в кость. И ныне, государь, гоняет²⁶⁶ наших, холопей твоих, крестьянишка у нево Михаила в кости с того числа да до сего числа. А нанимаючи²⁶⁷ наши, холопей твоих, крестьянишка по вся годы с ево с Михайловыми крестьяны ямщика ево Михайловых крестьян инова емщика вместе²⁶⁸.

И ныне, государь, бьет челом сын²⁶⁹ ево Михайлова²⁷⁰ Иван²⁷¹ Кошаев²⁷² в Темникове об ямщике на нас, холопей твоих, и на крестьянишек наших. И по ево челобитью правят насших крестьянишек ямщика в ево Иванову кость²⁷³. И многи от²⁷⁴ того челобитья²⁷⁵ и от наложи продажи и волокиты многия чинятся нам, холопом твоим, и крестьянишкам нашим, чтоб нам, холопом твоим, розореным не быть и крестьянишкам врознь не розбрестись²⁷⁶. А от того, государь, нам, нашим

²⁶⁰ Слова «в той, государь, кость» подчеркнуты красным карандашом.

²⁶¹ Слова «в той кости» подчеркнуты красным карандашом.

²⁶² Слово «гаяет» написано над строкой.

²⁶³ В слове «годех» слог «го» вписан в промежуток между словами в строку, «дех» приписан над строкой.

²⁶⁴ Слово «кость» подчеркнуто красным карандашом.

²⁶⁵ В слове «Кашаеву» буква «у» исправлена по ранее написанному.

²⁶⁶ В слове «гоняет» буква «е» исправлена по ранее написанному.

²⁶⁷ Исправлено из «нанимали».

²⁶⁸ В слове «вместе» буква «т» исправлена по ранее написанному. Далее знак вставки «крыж».

²⁶⁹ В слове «сынъ» буква «ъ» исправлена по ранее написанному букве «а».

²⁷⁰ В слове «Михайлова» вторая буква «а» исправлена по ранее написанной букве «ъ».

²⁷¹ В слове «Иванъ» буква «ъ» исправлена по ранее написанной букве «а».

²⁷² В слове «Кошаевъ» буква «ъ» исправлена по ранее написанной букве «а».

²⁷³ Слова «в ево Иванову кость» написаны над строкой.

²⁷⁴ Слова «и многи от» зачеркнуты.

²⁷⁵ Далее зачеркнуто: «нам».

²⁷⁶ Текст «И ныне, государь, бьет челом сын (в слове «сынъ» буква «ъ» исправлена по ранее написанной букве «а») ево Михайлова (в слове «Михайлова» вторая буква «а» исправлена по ранее написанной букве «ъ») Иван (в слове «Иванъ» буква «ъ» исправлена по ранее написанной букве «а») Кошаева (в слове «Кошаева» буква «ъ» исправлена по ранее написанной букве «а») в Темникове об ямщике на нас, холопей твоих, и на крестьянишек наших. И по ево челобитью правят насших крестьянишек ямщика в ево Иванову кость (слова «в ево Иванову кость» написаны над строкой). И многи от того челобитья и от наложи продажи и волокиты многия чинятся нам, холопом твоим, и крестьянишкам нашим (далее

крестьянишком многое разоренье чинитца, и от того, государь, крестьянишка наши розно разбродятца²⁷⁷.

Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, холопем своих, вели, государь, нашим крестьянишком быть в старом косте против старых емских строельных книг, в которых написаны. И вели²⁷⁸, государь, гонять старым емщиком, и не вели, государь, нашим крестьянишком у нево Ивана²⁷⁹ в косте быть и ямщика из-за нас будет взять²⁸⁰, чтоб нам, холопом твоим, твоеи великого государя службы не отбыть и крестьянишком от нево, Иванова, налогу и от волокит, и от продаж²⁸¹ в разоренье²⁸² не быть и врознь не разбрестись. И о том вели, государь, дать нам свою великого государя грамоту в Темников к воеводе.

Царь, государь, смилуися! //

На обороте л. 2: 189-го марта в 17 день выписать²⁸³.

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2811, л. 2. Челобитная на одном листе, 164x406, ранее приклеенном в столбец (отклеивается); сохранность относительно удовлетворительная, по левому обрезу следы воздействия воды, доходящие до середины листа.

Водяной знак – «голова шута» с пятью бубенцами на воротнике, рядом с картуше буквы «WPI». См. подобный: Гераклитов, № 1198, 1199, 1200 (1674), с. 167–168.

№ 12

1678 (7187) г. декабря в 5. – Сказка Сафара мурзы и его племянника Арслана-мурзы кн. Тенишевых о неправомерности требований ямщика Малкеевской кости Льва Карпицакова выплатить ему прогонные деньги и выплате ими прогонных денег ямщику кости М.С. Кошаева

[л. 3] 187-го²⁸⁴ декабря в 5 день в Темникове в приказной избе воеводе Андрею Александровичю Хвостову да подъячему Ивану Матвееву темниковцы²⁸⁵ Софар мурза Маметев сын да Орослан мурза Мердишев сын князь Тенишевы сказа-

зачеркнуты слова «чтоб нам, холопом твоим, розореным не быть и крестьянишкам врознь не разбрестись»)» приведен на обороте л. 2.

²⁷⁷ Фраза «А от того, государь, нам, нашим крестьянишком многое разоренье чинитца и от того, государь, крестьянишка наши розно разбродятца» зачеркнута.

²⁷⁸ Слова «быть в старом косте против старых емских строельных книг, в которых написаны, и вели» подчеркнуты красным карандашом.

²⁷⁹ Исправлено из «Михаила».

²⁸⁰ Слова «и ямщика из-за нас будет взять» написаны над строкой.

²⁸¹ Слова «от нево Иванова налогу и от волокит, и от продаж» написаны над строкой.

²⁸² Слово с предлогом «в разоренье» подчеркнуты красным карандашом.

²⁸³ 17 марта 1680 г.

²⁸⁴ 5 декабря 1678 г. До текста на левом поле приписка XIX в. черными чернилами: «46/д», другими черными чернилами: «переписано».

²⁸⁵ В слове «темниковцы» буква «е» исправлена по ранее написанному.

ли по своей вере, по шерти: «Преж сего гонял я, Софар мурза, с племянники в Макеевой кости. И в прошлом, во 175-м²⁸⁶ году бил челом великому государю Михаила Степанов сын Кошаев, чтоб ево кость поверстать²⁸⁷, исполнить²⁸⁸. И против челабятя прислана великого государя грамота в Темников, чтоб тое ево Михайлову кость Кошаева исполнить против иных костей. И меня, Софара мурзу, с племянники приписал по той великого государя грамоте воевода Артемеи Бар-тенов, взяв из Малкеевской кости, чтоб мне, Софару мурзе, быть в ево Михайло-вой кости Кошаева. И ныне бьет челом великому государю той Малкеевской кос-ти емщик Карпщак²⁸⁹ Лев в емских нагонных деньгах за прошлые годы, хотя²⁹⁰ на наших²⁹¹ крестьянх напрасно²⁹² взять те нагонные деньги²⁹³. И я, Софар мурза, с племянники с ево Михайловою костью Кошаева гонял с того числа и по се чис-ло, и емские нагонные деньги платили той кости Кошаевой емщику по вся го-ды²⁹⁴. И ныне де та кость Кошаева отписана²⁹⁵ по грамоте великого государя к городу Какому и в подводах костевых нам не подмогают, неведома почему. А ныне я, Сафар мурза, с племянники остался адною третью. То моя и скаска²⁹⁶».

И скаску писал по их велению темниковские площади подъячей Васка Са-вельев сын Первов²⁹⁷.

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2811, л. 3. Черновая сказка на одном листе, 156х383 мм; сохранность относительно удовлетворительная, по левому обрезу следы воздействия воды, доходящие до середины листа.

Водяной знак – нижняя половина герба Базеля. См. подобный: Гераклитов, № 118 (1628–1630), с. 48.

²⁸⁶ 1666/67 г.

²⁸⁷ Слова «чтоб ево кость повер» подчеркнуты красным карандашом.

²⁸⁸ В слове «исполнить» буква «с» исправлена по ранее написанному.

²⁸⁹ В слове «Карпщак» буква «к» исправлена по ранее написанному.

²⁹⁰ Далее зачеркнуто: «на мне Сафарке мурзе с племянники».

²⁹¹ В предлоге «на» буква «а», в слове «наших» буквы «наш» исправлены по ранее написанному.

²⁹² Слова «на наших крестьянх напрасно» написаны над строкой.

²⁹³ Далее зачеркнуто: «напрасно».

²⁹⁴ В слове «годы» буква «ы» исправлена по ранее написанному.

²⁹⁵ Далее слово «отписана» зачеркнуто, приведен знак вставки «крыж», слова «по грамоте великого государя» обведены.

²⁹⁶ Фразы «в подводах костевых нам не подмогают, неведома почему. А ны-не я, Сафар мурза, с племянники остался адною третью. То моя и скаска» приве-дены на обороте л. 3 после знака вставки.

²⁹⁷ Текст «к емской гоньбе со мною не подмогают. А я, Сафар мурза, с пле-мянники остался своею третью. То моя Сафарки мурзы с племянники и скаска за руками» зачеркнут тремя вертикальными линиями.

№ 13

1679 (7187) г. не ранее января 27. – Расспросные речи мурз Бектея Иреева сына, Тимралея Усекаева сына, Арслана Мердяшева сына, Илюка Тимралеева сына кн. Тенишевых, а также Бектемира Какаева сына Ишеева, Ишая Окмакаева сына Карташова, Акузи Акчурина, Кодряка Кудайбахтеева, Нуркая Бекбулатова и Тоняя Тимофеева о разбойном нападении на двор крестьянина Прокофья Филиппова в дер. Ишейки Темниковского у.

В²⁹⁸ сыску темниковски деревни Ишейки Бектеи мурза Иреев сын князь Тенишев, Тимролеи Усекаев сын князь Тенишев, Араслан мурза Мердяшев сын князь Тенишев, Ибраим мурза Сафаров сын князь Тенишев, Осман мурза Мердяшев сын князь Тенишев²⁹⁹, Илюк мурза³⁰⁰ Тимролеев³⁰¹ сын³⁰² князь Тенишева, Баитемир мурза Какаев сын Ишеев, Ишаи Акмакаев сын Карташов³⁰³, Аккузя Акчюрин, Кодряк Кудайбахтеев, Нуркаи Бекбулатов, Тонаи Тимофеев³⁰⁴ сказали по своей вере по шерти, против челобитья темниковцов Кадряка да Тохта мурз Дасаевых дети князь Кудашевы³⁰⁵, то они ведают: «В нынешнем в 187-м году генваря в двадесят против седьмаго числа в вечеру³⁰⁶ ввечеру проехали³⁰⁷ многолюдством неведама какие люди сквос деревни Ишейки³⁰⁸ ехали³⁰⁹. После того³¹⁰ прибежал³¹¹ их Кодрякав да Тохтаров³¹² крестьянин³¹³ и учел кричать, приехали де к ним в деревню Дасаеву неведама какие люди и въехали де нахвально³¹⁴ на двор крестьянину их к Пронке Филиппеву³¹⁵ и ворота ево заперли, и ево де Пронку

²⁹⁸ До текста черными чернилами: «переписано».

²⁹⁹ Далее зачеркнуто: «Смоил мурза Сафаров сын князь Тенишев».

³⁰⁰ Далее зачеркнуто: «да Давыд мурза».

³⁰¹ В слове «Тимролеев» последняя буква «ы» исправлена на «ъ». Далее зачеркнуто: «дети».

³⁰² Слово «сын» написано над строкой над зачеркнутым словом «дети».

³⁰³ Далее знак вставки «крыж».

³⁰⁴ Слова «Аккузя Акчюрин, Кодряк Кудайбахтеев, Нуркаи Бекбулатов, Тонаи Тимофеев» написаны на обороте листа после знака вставки.

³⁰⁵ Слова «Против челобитья темниковцов Кадряка да Тохта мурз Дасаевых дети князь Кудашевы» написаны над строкой.

³⁰⁶ Слово «вечеру» написано над строкой. Далее знак вставки. На обороте листа после знака вставки зачеркнуто: «сквос деревни проехали».

³⁰⁷ Слово «проехали» написано над строкой.

³⁰⁸ Слова «ввечеру проехали многолюдством неведама какие люди сквос деревни Ишейки» написаны после зачеркнутых слов на обороте «сквос деревни». На строке зачеркнуто: «Дмитреи Свищов с людьми и со крестьяны, и с товарищи сквос деревни Ишейки».

³⁰⁹ Слово «ехали» написано над строкой над зачеркнутым союзом «и».

³¹⁰ Далее зачеркнуто: «немного спустя».

³¹¹ Далее зачеркнуто: «темниковцов».

³¹² Далее зачеркнуто: «мурз Дасаевых дети князь Кудашева».

³¹³ Далее зачеркнуто: «их».

³¹⁴ Слово «нахвально» написано над строкой и подчеркнуто красным карандашом.

³¹⁵ Далее зачеркнуто: «нахвально».

бьют и мучат, и за помещики их гоняют с ружьем³¹⁶. И как³¹⁷ они на тот крик³¹⁸ прибежали³¹⁹, и те люди³²⁰ у него Проньки стоят³²¹ на дворе³²². А то они³²³ видели, что³²⁴ Тохтар мурза бит³²⁵, и голова у него пробита, и крестьяня Пронка з детьми биты же³²⁶. И начевали они во дворе нахвально одни. Да и про то они слышали, что он дорогою чинил тако ж в селе Веденяпине бои и насильство. И в том на них челобитье³²⁷ в Темникове в приказной избе есть³²⁸ Дорофея Веденяпина. То их и речи³²⁹».

На обороте арабографичная запись XVII в.: «Бу чурный скаска Дужэй (Дусэй) ...уржуба (?) Бракуфий сэбэпле биргэн».

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2812, л. 9, в столбце л. 10. Черновой подлинник на одном листе, 164х416 мм; сохранность относительно хорошая.

Водяной знак – нижняя половина плохо просматриваемого «герба города Амстердама». См. подобный: Гераклитов, № 61 (1700), с. 39.

№ 14

1679 (7187) г. августа 11. – Сказка Сафара-мурзы Маметева сына кн. Тенишева о его владениях в с. Старое Городище, дер. Ишейки, дер. Дракино, дер. Черненово (Черленая) и в с. Очасево Темниковского у. и о службе сына Исмаила (Смаила) с этого поместья

187-го³³⁰ августа в 11 [день]³³¹ в Темникове на съезде двора перед стряпчим перед Никитою Петровичем Поленовым темниковец Сафар мурза Маметев сын князь Тенишев сказал по своей вере и по шерти: «Поместеица за мною Сафаром мурзою в Темниковском уезде в селе Старом Городище да в деревне Ишейке, да в Верхомокшанском стану в деревне Дракине, да в деревне Черленой³³², да в

³¹⁶ Слова «и за помещики их гоняют с ружьем» подчеркнуты красным карандашом. Далее зачеркнуто: «он Дмитриеи Свищов с товарищи стоят».

³¹⁷ Слово «как» написано над строкой.

³¹⁸ Далее зачеркнут «и».

³¹⁹ Далее зачеркнуто: «и он Дмитриеи Свищов с товарищи стоят», над словом «товарищи» зачеркнуто: «и они».

³²⁰ Слова «И те люди» написаны над строкой.

³²¹ Слово «стоят» написано над строкой.

³²² Далее зачеркнуто: «и на двор к себе никоно не пушают».

³²³ Слово «они» написано над зачеркнутым «у ни».

³²⁴ Далее зачеркнуто: «крестьяня их биты и».

³²⁵ Далее зачеркнуто: «же».

³²⁶ Слова «и крестьяня Пронка з детьми биты же» написаны над строкой.

³²⁷ Слово «челобитье» написано над строкой.

³²⁸ Далее зачеркнуто: «челобитье».

³²⁹ Слова «То их и речи» приписаны позднее.

³³⁰ До текста черными чернилами: «переписа».

³³¹ Восстановлено по контексту.

³³² Деревня Новый Усад, или Черленая (ныне село Черненово), бывшего Алатырского уезда Симбирской губернии.

селе Очасеве. И с того моего поместьеца ныне служит великого государя³³³ службу моим именишком сынишка мои Смоилка мурза князь³³⁴ Тенишев без жалованья³³⁵. А особова поместьеца за сынишком моим нет нигде³³⁶ ни единой четверти. А вдов и недорослей, и девок, и отставных людей у меня, Сафара мурзы, нет. То моя и скаска».

А скаску писал темниковской площадной подьячий Мартынка Обрамов. Черная.³³⁷

На обороте л. 4 арабографичная запись XVII в.: «Ыбыпка ыруйлара (ырулары)».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2812/4, в столбце л. 5. Черновая сказка на одном листе, 164x160 мм: сохранность относительно удовлетворительная, текст угадает.

Водяной знак – нижняя половина «головы шута» с пятью бубенцами на воротнике. См. подобный: Гераклитов, № 1200–1201, с. 168.

№ 15

1679 сентября 1 – 1680 августа 31 (7188) г. – Челобитная мурз Сафара Маметова сына и Тимралея Усекаева сына кн. Тенишевых на имя царя Федора Алексеевича о выдаче им грамоты с прочетом для поимки и возврата их беглых крестьян, записавшихся в ясачные крестьяне и на казачью службу

Царю³³⁸ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу быют челом холопи твои темниковские Сафарко мурза Маметев да Тимралеико мурза Усекаев сын князь Тенишевы.

В прошлых, государь, годех и в нынешнем 188-м году бежал из-за меня, холопа твоего Сафарки, ис поместья моего ис села Очасева, из деревни Черленой и ыных деревень старинной мои крепосной крестьянин Фетька Матвеев сын Панов з женою и з детьми, и с своими крестьянскими животы. А слых мне, холопу твоему, есть, что тот³³⁹ мой крестьянин живет в Казанском уезде и в Свияжском, и в Синбирском, иных городов в уездах, и ины крестьяне, переходя. А поимать мне, холопу твоему, тех своих беглых крестьян бес твоего государева указу и без грамоты не мочно. И те мои беглые крестьяне в бегах называютца твоими государевыми дворцовыми крестьяны и в переписные книги записываютца, по ясаки избываючи крестьянства.

А из-за меня, холопа твоего Тимралеика мурзы, бежали старинные крепосные крестьяне ис Темниковского и ис Саранского уездов из розных деревень. А, бегая, живут в понизовых городех в Казанском и в Свияжском, и в Синбирском уездах. А те мои крестьяне, бегая, написались ложно, отбывая крестьянства,

³³³ В слове «государя» буква «г» исправлена по ранее написанному.

³³⁴ Слова «моим именишком сынишка мои Смоилка мурза князь» подчеркнуты красным карандашом.

³³⁵ В слове «жалованья» буква «л» исправлена по ранее написанному.

³³⁶ Слова «нет нигде» подчеркнуты красным карандашом.

³³⁷ На нижнем поле красным карандашом: «1678 г.»

³³⁸ В правом верхнем углу до текста красным карандашом: «1680 г.»

³³⁹ В ркп: «чтот».

твоими государевыми дворцовыми крестьяны. И которые живут в Казанском уезде, и положили на себя ясак, а кои живут в Синбирску, и те положили на себя казачью службу и посопной хлеб, и всякие подати. А тех беглых крестьян отцы их и братья, и племянники и ныне живут за мною во крестьянстве и в переписных книгах написаны за отцом моим и за мною. А в Казани против моего челобитья те крестьяне роспрашиваны, а в роспросе крестьянства от меня не отпирались, а в Свияжском тако же не отпирались, и по крепостям иные мне отданы, а иные не отданы, потому что вновь написаны в переписные книги в ясаки и в службу.

Милосердыи государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй нас, холопеи своих, вели, государь, дать нам свою, государеву грамоту с прочетом в те города для поимки и отдачи тех крестьян.

Царь государь, смилуися!

На обороте зеркально тексту на лицевой стороне листа приписки XIX в. черными чернилами: «№ 33/Н.Х.», другим почерком: «Федора Алексеевича 1680 г.»; фиолетовыми чернилами: «переписана № 84».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2807. Черновая челобитная на одном листе, 153x390 мм; сохранность не удовлетворительная: имеются разрывы в верхней части листа и отверстие в нижней части, следы воздействия воды.

Водяной знак – верхняя половина «лилии Страсбурга» (щит достаточно простой и геометрической формы, приближающийся к квадрату, с короной наверху; в картуше латинские буквы «DI»). См. подобный: Гераклитов, № 217 (1660), с. 75.

№ 16

1679 сентября 1 – 1680 августа 31 (7188) г. – Челобитная мурз Ибрагима Сафарова сына и Османа Мердяшева сына кн. Тенишевых на имя царя Федора Алексеевича о непринуждении их крестьян из дер. Черленой к явке на допрос в г. Нижний Ломов по оговору конокрада Ивана Андреева сына Несына, доставленного ими в Темниковскую приказную избу

Царю³⁴⁰ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу быют челом холопи твои темниковцы Ибраимка мурза Сафаров сын да Османка мурза Мердяшев сын князь Тенишевы.

В нынешнем, государь, во 188-м году³⁴¹ писал из Нижнева города Ламова воевода стольник Андреи Самарин в Темников к воеводе к Андрею Ивановичю Яковлеву да к подьячему к Ивану Матвееву по оговору приводного вора Троецкого острогу крестьянина Ивашки Андреева сына Несына, чтоб взял из-за нас, холопеи твоих, из деревни Черленовы крестьян, именами Ивашку Щаплыгу да Янку³⁴², да Федьку, Кривошеина зятя, и прислать в Нижней город Ламов. И за нами, холопи твоими, такими именами крестьян нет, и не бывало. А говорил тот вор³⁴³, оговорил

³⁴⁰ До текста синим карандашом: «1680 г.»

³⁴¹ Предлог «во», порядковый номер года «188-м» и слово «году» подчеркнуты синим карандашом.

³⁴² Далее зачеркнуто: «отцу ево имя не упомянет».

³⁴³ Далее зачеркнуто: «по недружбе, что таго вора».

напрасно, что ево потому, что³⁴⁴ привели³⁴⁵ мы, холопи твои, с лошадью приводную³⁴⁶, кобылою рыжею. И тот вор в той лошаде пытан, и с пытки винился.

Милосердый государь, пожалуй³⁴⁷ нас, холопеи своих, вели, государь, сю нашу челобитную принять в Темникове и послать под отписку в Нижней город Ламов, а крестьянишак наших не вели, государь, напрасно таскать³⁴⁸.

На обороте приписка XIX в. черными чернилами: «N 17/с. 1680 г.»; фиолетовыми чернилами «Переписана N 79».

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 3047. Черновая челобитная на одном листе, 148x189 мм; сохранность удовлетворительная, к верхнему обрезу осталась приклеенной полоска оторванного предыдущего листа, 158 x прим. 10 мм.

Водяной знак – нижняя половина герба (?), видны две скрещенные ветки, изображение между которыми плохо просматривается.

№ 17

1680 сентября 1 – 1681 августа 31 (7189) г. – Челобитная мурз Сафара Маметева сына, Арслана и Османа Мердяшевых детей кн. Тенишевых на имя царя Федора Алексеевича с просьбой не верить претензиям Андрея Уразмаметева сына кн. Тенишева, пытающегося завладеть поместьем их отца и деда – кн. Мамета Тенишева

Бьют³⁴⁹ челом холопи твои Сафарко мурза Маметев сын да Арасланка мурза да Асманка мурза Мердяшевы дети князь Тенишевы.

В нынешнем, государь, во 189-м году бил челом тебе, великому государю, и подал челобитную в приказе Казанского дворца на старинное наше поместье³⁵⁰ Андреи Уразмаметев³⁵¹ ложно, будто ему, Андрею Уразмаметеву сыну князь Тенишеву, будто то поместье старинное отца ево. А то, государь, поместье старинное³⁵² отца моего Сафаркина, а нашего, холопеи твоих, Арасланкина да Асманкина деда Маметя мурзы князь Тенишева³⁵³, а не ево Андреево отца³⁵⁴. Утоя наши, холопеи твоих, крепости, бил челом тебе великому государю ложно Андреи Уразмаметев³⁵⁵, будто ему Андрею за крещение поместья не дано. А дано ему за крещение поместье брата ево Михаила Уразмаметеву.

³⁴⁴ Слова «оговорил напрасно, ево потому, что» написаны над строкой.

³⁴⁵ В ркп: «приволи».

³⁴⁶ Слово «приводную» написано над строкой по зачеркнутому тексту.

³⁴⁷ Далее зачеркнуто: «мен».

³⁴⁸ В слове «таскать» буква «т» исправлена по ранее написанной букве «т».

³⁴⁹ Перед началом текста размашисто выведены буквы «стл» (?), чуть ниже зачеркнуто: «Бьет челом холоп твой».

³⁵⁰ Далее зачеркнуто: «(будто мы, холоп)», «бил челом».

³⁵¹ Слова «Андреи Уразмаметев» написаны над строкой.

³⁵² Слово «старинное» написано над строкой.

³⁵³ Слова «Маметя мурзы князь Тенишева» написаны над строкой.

³⁵⁴ Слова «а не ево Андреево отца» написаны над строкой. Далее зачеркнуто: «да ныне».

³⁵⁵ Слова «бил челом тебе великому государю ложно Андреи Уразмаметев» написаны над строкой.

Милосердый государь, пожалуй нас, холопеи своих, не вели, государь³⁵⁶, тому ево Андрееву ложному челобитью поверить и того нашего, холопеи твоих³⁵⁷, старинного отца моего Сафаркина, а нашего, холопеи твоих, деда, не вели, государь, у нас, холопеи своих, отнять и ему, Андрею, напрасно отдать.

На обороте приписка XIX в. черными чернилами: «N 17/6 = 1681 г. Креценский. Напечатана».

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 3040. Черновая челобитная на одном листе, 160x318 мм; сохранность относительно удовлетворительная, по правому обрезу следы воздействия воды, к верхнему обрезу осталась приклеенной полоска бумаги, на обороте которой имеется арабографичная запись XVII в. черными чернилами: «чулабитна ... (?) өстенә».

Водяной знак: верхняя треть «головой шута». См. подобный: Гераклитов, № 1373–1374 (1678), с. 204.

№ 18

1680 сентября 1 – 1681 августа 31 (7189) г. – Челобитная Сафара-мурзы Маметова сына кн. Тенишева на имя царя Федора Алексеевича с просьбой не верить ложному челобитью его крестьянина Кондрата Макарова, желающего выйти из крестьянства

Царю³⁵⁸ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твои темниковец Сафарка мурза Маметев сын князь Тенишев.

В прошлых, государь, годех взят в даточные солдаты с поместьишка³⁵⁹ моего³⁶⁰ крестьянин мой³⁶¹ деревни Ишеики³⁶² Данилка Иванов и послан³⁶³ был ис Темникова на вашу³⁶⁴ великого государя службу в Смоленск. И в нынешнем³⁶⁵, государь, в 189-м году по твоему великого государя указу и по грамоте велено в Темникове и в Темниковском уезде прошлых годов трех дворов даточных солдат³⁶⁶, которые взяты темниковских розных чинов с поместей, сыскивать³⁶⁷. И тот мой

³⁵⁶ Далее зачеркнуто: «того нашего».

³⁵⁷ Слова «холопеи твоих» написаны над строкой.

³⁵⁸ До текста черными чернилами: «и».

³⁵⁹ После слога «по-» зачеркнуто «-местья» и приписано «-местышка».

³⁶⁰ Далее зачеркнуто: «по вы-».

³⁶¹ Далее зачеркнуто: «Данил».

³⁶² Слово «Ишеики» написано над строкой, на строке зачеркнуто «Черемисы».

³⁶³ В слове «послан» буквы «осл» исправлены по ранее написанному.

³⁶⁴ Зачеркнуто: «твою», над строкой написано «вашу».

³⁶⁵ Далее над строкой: «и с таго числа с вашей великого государя службы в Темников не бывал» написаны над строкой.

³⁶⁶ Далее зачеркнуто: «сы».

³⁶⁷ Слово «сыскивать» написано над строкой.

холопа твоего крестьянин³⁶⁸, которой взят в солдаты с поместьишка моего, Данилка Иванов и ныне³⁶⁹ жив и служит³⁷⁰ даную солдацкую службу в Смоленску.

И в нынешнем же, государь, во 189-м году бил челом тебе великому государю, в Темникове в приказной избе воеводе Николаю Гавриловичю Спофарию подал челобитную³⁷¹ старинной мои холопа твоего крепосной крестьянин Кондрашка Макаров. А в челобитье своем написал ложно и назвался будто тому солдату Данилку Иванов он, Кондрашка³⁷² Макаров, брат родной, а он, Кондрашка, ему, Данилку³⁷³, не родной брат³⁷⁴, инова отца сын, и с ним вместе не жывал³⁷⁵, хотя тем своим ложным челобитьем³⁷⁶ от крестьянства отбыть. А в писцовых и в переписных книгах он, Кондрашка Макаров, написан за мною, холопом твоим³⁷⁷, // [об.] во крестьянстве место.

Милосердыи, пожалуи меня, холопа своего, не вели, государь, тому ево, Кондрашкину, ложному челобитью верить, а вели³⁷⁸, государь³⁷⁹, по крепостям, по своему государеву указу и по Соборному уложению указ учинить.

На обороте приписка XIX в. черными чернилами: «№ 16³⁸⁰», крайне убористо: «Федора Алексеевича»; фиолетовыми чернилами: «переписано № 87»; черными чернилами: «1681 г.»

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2805, л. 1. Черновая челобитная на одном листе, 153x405 мм; сохранность относительно хорошая.

Водяной знак идентифицировать не удалось.

№ 19

Не позднее 1681 (7189) г. января 20. – Челобитная мурз Кадряка Дасаева сына кн. Кудашева, Обрайма Сафарова сына и Асмана Мердяшева сына кн. Тенишевых на имя царя Федора Алексеевича с просьбой принять ("досмотреть") вино, которое они привезли в Москву

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу быют челомъ холопи твои, темниковцы Кадрячко мурза Дасаев сын князь Кудашев да Обраймко мурза Сафаров сын, да Асманко

³⁶⁸ Далее зачеркнуто: «да».

³⁶⁹ Далее зачеркнуто: «тот мои крестьянин, даточной солдат Данилка Иванов».

³⁷⁰ Зачеркнуто: «солдац».

³⁷¹ Далее зачеркнуто: «а в челобит».

³⁷² Далее зачеркнуто: «брат».

³⁷³ Далее зачеркнуто: «не токмо».

³⁷⁴ Далее зачеркнуто: «и в родстве не был».

³⁷⁵ Слова «инова отца сын, и с ним вместе не жывал» написаны над строкой.

³⁷⁶ Слова «своим ложным челобитьем» написаны над строкой.

³⁷⁷ Далее текст написан на обороте листа.

³⁷⁸ В слове «вели» буква «е» исправлена по ранее написанному.

³⁷⁹ Далее зачеркнуто: «о том в писцовых и переписных книгах отца ево, Кондрашкина, Макара и ево Кондрашкина имяна при».

³⁸⁰ Цифра «6» исправлена по ранее написанной цифре «7».

мурза Мердяшев сын князь Тенишевы³⁸¹. Приехали мы, холопи твои, к Москве. А с собою привезли: у меня у Кадрячки шесть ведр в одном бочурке, у Браимки девять ведр вина в трех бочонках, да у меня Асманки в трех боченках четырнатцать ведер. А крестьянских за мною, Кадрячкою, двенатцать дворов, а у меня, Абраимки, за отцом дватцать дворов, а за мною, Асманком, осмнатцать дворов.

А стоять нам, холопам твоим, в Татарской слободе у Мустая мурзы князь Еникеева на дворе ево.

Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуи нас, холопеи своих, вели, государь, челобитье мое и явку записать, и вино досмотрить.

Царь государь, смилуися, пожалуи.

На обороте: Досмотреть³⁸²

189[-го] генваря в 20 [день]³⁸³ по указу великого государя из приказа Большие казны то вино смотрено, а по осмотру в осми бочюрках по смете того вина без ведра тритцать. И приказано дворнику накрепко, чтоб то лишнего и продажного, и подвозного вина отнюдь не было. А буде объявитца лишнее и продажное, и подвозное вино, и на стояльце ево возьмут пеню большую, а дворнику ево быть в жестоком наказанье и всылке, а двор ево и животы отпишут на великого государя.

И ся челобитная в книгу записано. Дьяк Павел Симонов.

Справил Аввакумко Григорьев.

На обороте арабографичная запись XVII в.: «Бу чилабитнэгэ Кодарэчка мирза кенэз Кудашев хэм Усманка мирза кенэз Тенишев алар боерыгынча Ибрагимка мирза кенэз Тенишев кулым куйдым».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2804, л. 1. Подлинная челобитная на одном листе, 170x202 мм; сохранность не удовлетворительная, рукопись подверглась реставрации бумагой XX в. и калькой, имеются следы воздействия воды.

Водяной знак – верхняя половина «головы шута» с пятью бубенцами на воротнике. См. подобный: Гераклитов, № 1203 (1676), № 1206 (1678), с. 168–169.

№ 20

Не позднее 1681 (7189) г. марта 7. – Челобитная мурз Сафара Маметова сына, Арслана и Асмана Мердяшевых детей кн. Тенишевых с просьбой дать им выпись из списков писцовых книг С. Хрущова 1620-1622 гг. на их помещные земли и крестьян в Темниковском у.

Царю³⁸⁴ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всея³⁸⁵ Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьют челом холопи твои темниковцы Сафар-

³⁸¹ В ркп: «Стенишевы».

³⁸² Слово «досмотреть» заклеено полоской кальки.

³⁸³ Слово «день» заклеено бумагой XX в. Восстановлено по контексту.

³⁸⁴ На л. 2 в левом углу до текста приписки XIX в. фиолетовыми чернилами: «22а переписано», XX в. графитовым карандашом: «1681», зачеркнуто: «1627 г. 22». На левом поле л. 1 до текста черными чернилами: «а», фиолетовыми чернилами: «Дубликат а) / переписано», серым графитовым карандашом написано и зачеркнуто: «1623», далее: «1671 г.

³⁸⁵ На л. 2: «всеа».

ка мурза Маметев сын князь Тенишев³⁸⁶, Арасланка да Асманка мурзы Мердяшевы дети князь³⁸⁷ Тенишевы.

В прошлом³⁸⁸, государь, во 129-м и во 130-м³⁸⁹ годах³⁹⁰ по указу отца³⁹¹ твоего государева блаженные памяти великого³⁹² государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца³⁹³ был писец Степан Хрущов в Темниковском уезде. И с тех, государь, писцовых книг Степана Хрущова дана была выпись отцу моему Сафаркину, а нашему, холопеи твоих, деду Маметю мурзе Секееву³⁹⁴ сыну князь Тенишеву на поместьи и на крестьян в Темниковском уезде на розные урочищи. И ту, государь, выпись в прошлом 179-м³⁹⁵ году в бунтовое³⁹⁶ время воровские казачишки³⁹⁷ изодрали и сожгли. И ныне у нас, холопеи твоих, на те помесья и на крестьян³⁹⁸ выписи³⁹⁹ нет, и крестьян из бегов взять не по чему. И в помесных землях⁴⁰⁰ многия споры чинятца. А стать нам, холопем⁴⁰¹ твоим, и оспорить в тех спорных землях без выписи не по чему.

Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич⁴⁰² всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец⁴⁰³, пожалуй нас, холопеи своих, вели, государь, на те наши помесья и на крестьян дать выписи⁴⁰⁴ с писцовых списков с выписей Степана Хрущова, каковы⁴⁰⁵ присланы списки ис Темникова к Москве за воеводскою рукою после московского пожарного времени⁴⁰⁶, потому что подлинные писцовые книги Степана Хрущова в московской большой пожар згорели,

³⁸⁶ На л. 1 в слове «Тенишевы» буквы «Тени» разъедены ржавчиной.

³⁸⁷ На л. 1 слово «князь» разъедено ржавчиной.

³⁸⁸ На л. 1 в слове «прошлом» слог «лом» оборван.

³⁸⁹ 1620/21 и 1621/22 гг.

³⁹⁰ На л. 1 далее знак вставки и на обороте: «во 129-м и во 130-м годах по указу отца твоего».

³⁹¹ На л. 1 этот текст оборван; на л. 2 в слове «отца» буква «а» утрачена.

³⁹² На л. 2 в слове «великого» слог «го» оборван.

³⁹³ На л. 1 слова «по указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца» пропущены.

³⁹⁴ На л. 2 в слове «Секееву» вторая буква «е» исправлена по ранее написанному. На л. 1 буква «с» исправлена по ранее написанному.

³⁹⁵ Порядковый номер года на л. 2 подчеркнут серым графитовым карандашом, на л. 1 – красным карандашом. 1670/71 г.

³⁹⁶ На л. 1 в слове «бунтовое» буква «в» исправлена по ранее написанному.

³⁹⁷ На л. 2: «казаки».

³⁹⁸ На л. 2: «крестьяне».

³⁹⁹ На л. 1: «выпись».

⁴⁰⁰ На л. 1 в слове «землях» буквы «земля» исправлены по ранее написанному.

⁴⁰¹ На л. 2 в слове «холопем» буквы «хол» изъедены ржавчиной. На л. 2 буква «е» исправлена по ранее написанному.

⁴⁰² На л. 2 в слове «Алексеевич» буквы «евич» оборваны.

⁴⁰³ На л. 2 в слове «самодержец» буква «ц» оборвана.

⁴⁰⁴ На л. 1: «выписей».

⁴⁰⁵ На л. 1: «какавы».

⁴⁰⁶ На л. 1: «времени».

чтоб нам, холопам⁴⁰⁷ твоим, теми помесьи⁴⁰⁸ и крестьяны было по чему впредь владеть.

Царь государь, смилуися, пожалуи.

На обороте л. 2: 189-го марта в 7 день выписать.

На обороте л. 1 приписка XIX в. черными чернилами: «№ 46», фиолетовыми чернилами: «а) и д) / дубликать»; л. 2: приписка XIX в. черными чернилами: «№ 46/Н.Х.

ОПРК НБЛ КФУ, ед. хр. 2806, л. 1 и 2. Челобитная отложилась в оригинале (л. 2) и списке (л. 1), современном оригиналу. Оригинал на одном листе, 165x306 мм; сохранность плохая, имеются следы воздействия воды и ржавчины, приведшей к появлению отверстий, текст выцвел, правый край обветшал. Водяной знак л. 2 – нижняя половина «головы шута» с пятью бубенцами на воротнике. См. подобный: Гераклитов, № 1200 (1674), с. 168.

Л. 1, 166x277 мм, сохранность плохая, по правому обрезу обветшал, текст угасает. Водяной знак – в картуше латинские буквы «WPI».

№ 21

Не ранее 1681 г. мая 16 – не позднее 1682 г. мая 7 (7190) г.⁴⁰⁹ – Челобитная Василия Сафарова сына кн. Тенишева на имя царя Федора Алексеевича с просьбой о пожаловании ему за крещение отписанное в 1680/81 г. в казну отцовское поместье в Казанском, Темниковском, Саранском и Шацком уездах

Царю⁴¹⁰ государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом халоп твои, Васка Сафаров сын князь Тенишав.

В прошлых, государь, годех дано отцу моему Сафару мурзе князь Тенишаву твое великого государя жалованье поместейца в Темниковском⁴¹¹ уезде в розных станех и в розных урочищах⁴¹², и в Казанском, и в Саранском, и в Шацком уездах помесная земля и крестьяне, и сенные пакосы, и рыбные ловли, и бортные ухажьи, и всякие угоды. И в прошлом, государь, во 189-м⁴¹³ году по твоему великого государя указу отписана на тебя великого государя то отца моего поместейца и со крестьяны, жилое и пустое со всеми угоды.

И в нынешнем, государь, во 190-м году, пожелая⁴¹⁴ я, холоп твои, крестился во святую православную христианскую веру.

Милосердьи государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуи меня, халопа своего, вели, го-

⁴⁰⁷ На л. 1: «холопом».

⁴⁰⁸ В слове «помесьи» буква «п» исправлена по ранее написанному.

⁴⁰⁹ Датировано по времени выхода майских указов и времени смерти царя Федора Алексеевича.

⁴¹⁰ До текста синим карандашом: «1682 г.»

⁴¹¹ Далее над строкой знак вставки.

⁴¹² Слова «уезде в розных станех и в розных урочищах» написаны на обороте л.

⁴¹³ 1680/81 г. Слово «государь», предлог «во», порядковый номер года «179-м» и слово «году» подчеркнуты синим карандашом.

⁴¹⁴ Так в ркп.

сударь, за крещение⁴¹⁵ православные христианския веры и за многия мои службишка то отца моего отписное помесья в Темниковском и в Казанском, и в Саранском, и в Шадцком уездах пашню и со крестьяны, и с санными пакосы, и з рыбными ловлями, и з бортными ухожьи, и со всеми угоды справить за мною, холопом твоим.

Царь государь, смилуися, пожалуи!

На обороте запись XIX в. черными чернилами, зеркально основному тексту: «N 46/ Н.Х.»; (далее зачеркнуто написанное черными чернилами крайне мелким почерком: «съ списка (?)»); другим почерком «новокрещ.».

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 3041. Черновая челобитная на одном листе, 167x245 мм; сохранность удовлетворительная, по правому обрезу имеются следы воздействия воды, к нижнему обрезу приклеена полоска бумаги 160x20 мм, оставшаяся от последующего оторванного листа.

Водяной знак: «голова шута» с семью бубенцами. См. подобный: Геракли-тов, № 1391 (1694), с. 207.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. История Татарии в документах и материалах. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 503 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (ПСЗРИ-1) Т. 2. СПб., 1830. № 814.

ЛИТЕРАТУРА

Башнин Н.В. Становление культуры делопроизводства в России XIV – начала XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 5. С. 52–67. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.4>

Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отд. рукописей ГИМ, [Альбом] / Ин-т истории СССР, Гос. ист. музей; сост.: Д.В. Дианова, Л.М. Костюхина, отв. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1980. 173 с.

Воробьев В.М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Мавродинские чтения: материалы к докладом 10–12 октября 1994 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 82–91.

⁴¹⁵ В слове «крещение» первая буква «е» исправлена по ранее написанному.

Герасимов А.А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения [Текст] / [Послесл. и коммент. С.А. Клепикова]; [Акад. наук СССР. Ин-т истории]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 259 с.

Дианова Т.В. Филигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута». Каталог. М., 1997. 165 с.

Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998. 318 с.

Козляков В.Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018. 540 с.

Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1: Исследование и описание филигранных. СПб.: Тип. «В.С. Балашев и К°», 1899. ССХII, 510 с.

Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 3: Альбом снимков. СПб.: Тип. «В.С. Балашев и К°», 1899. [4] с., XVI с., XVII–XX л., XXI–DCXXXVI с.

Мустафина Д.А. Акты рода Тенишевых 1603–1697 гг. (1) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2026. Т. 16, № 2. С. 105–149. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-2.105-149>

Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 215 с.

Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв.: с образования централиз. государства до реформ при Петре I. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

REFERENCES

Bashnin N.V. The Formation of the Office Culture in Russia in the 14th – Early 16th Century. *Bulletin of Volgograd State University*. Series 4: History. Regional Studies. International Relations. 2022, vol. 27, no. 5, pp. 52–67. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.4>

Watermarks of Russian Manuscripts of the 17th Century. Based on Materials from the Manuscript Department of the State Historical Museum, [Album]. Institute of History of the USSR, State Historical. museum; compiled by D.V. Dianova, L.M. Kos-tyukhina; edited by V.I. Bugarov. Moscow: Institute of History of the USSR, 1980. 173 p.

Vorobyov V.M. From the history of the local military force in the post-Time of Troubles period (on the example of the Novgorod service towns). *Mavrodin Readings: report materials, October 10–12, 1994*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1994. Pp. 82–91.

Geraskitov A.A. *Watermarks of the 17th century on the paper of handwritten and printed documents of Russian origin* [Text]. [Afterword. and commentary by S.A. Klepikov]; [Academy of Sciences of the USSR. Institute of History]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 259 p.

Dianova T.V. *Watermarks of the 17th–18th centuries*. “The Jester’s Head”. Catalogue. Moscow, 1997. 165 p.

Kashtanov S.M. *Actuarial Archeography*. Moscow, 1998. 318 p.

Kozlyakov V.N. *Service People of Russia in the 16th–17th centuries*. Moscow: Kvadriga, 2018. 540 p.

Likhachev N.P. *Paleographic Significance of Paper Watermarks. Part 1: Research and Description of Filigranes*. St. Petersburg: Printing House "V.S. Balashev and Co.", 1899. ССХІІ, 510 p.

Likhachev N.P. *Paleographic significance of paper watermarks. Part 3: Album of photographs*. St. Petersburg: Type. "V.S. Balashev and Co.", 1899. [4] p., XVI p., XVII-XX I., XXI-DCXXXVI p.

Mustafina D.A. Acts of the Tenishev Family, 1603–1697 (1). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 2, pp. 105–149. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-2.105-149> (In Russian)

Nogmanov A.I. *Autocracy and the Tatars. Essays on the History of Legislative Policy in the Second Half of the 16th–18th centuries*. Kazan: Tatar Book Publ., 2005. 215 p.

Chernov A.V. *The armed forces of the Russian state in the 15th–17th centuries: from the formation of the centralized the state to the reforms under Peter I*. М.: Voenizdat, 1954. 224 p.

Информация об авторе:

Мустафина Дина Абдулбаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-6823-3087>; e-mail: maktub29@yandex.ru

About the author:

Dina A. Mustafina – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Tatarstan History at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-6823-3087>; e-mail: maktub29@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 19.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 17.07.2026

Принята к публикации / Accepted 14.08.2026

Состав тептярских полков по материалам VIII ревизии (1834 г.) Мензелинского уезда Оренбургской губернии

Р.Р. Аминов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

rustem_270988@mail.ru

Резюме. В публикации представлен список тептярей Мензелинского уезда Оренбургской губернии из числа татар, находившихся, по материалам VIII ревизии (1834 г.), в составе тептярских казачьих полков. Настоящий перечень позволяет установить средний возраст тептярей на момент начала службы, количество лиц, определенных в полки по отдельным населенным пунктам, а в некоторых случаях – время их возвращения со службы. Выявлены ветераны Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., благополучно вернувшиеся домой; приведены сведения о боевом пути тептярей Мензелинского уезда 2-го Тептярского полка во время подавления Польского восстания 1830–1831 гг.

Ключевые слова: тептяри; Польское восстание 1830–1831 гг.; 2-й Тептярский полк; VIII ревизия (1834 г.); ревизские сказки; Мензелинский уезд

Финансирование. Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20101, <https://rscf.ru/project/26-18-20101/25-28-00993>, <https://rscf.ru/project/25-28-00993/>

Для цитирования: Аминов Р.Р. Состав тептярских полков по материалам VIII ревизии (1834 г.) Мензелинского уезда Оренбургской губернии. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 158–170. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.158-170>

Composition of the Teptyar regiments based on the materials
from the 8th revision (1834) of the Menzelinsk district, Orenburg province

R.R. Aminov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
rustem_270988@mail.ru

Abstract. The publication presents a list of teptyars among the tatars of the Menzelinsk district, Orenburg province, who, according to the materials of the 8th revision (1834), were part of the Teptyar Cossack regiments. This makes it possible to determine the average age of the teptyars at the start of their service, the number of persons assigned to the regiments from each specific settlement, and, in some cases, the time of their return from duty. It identifies veterans of the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army in 1813–1814, who returned home safely, were identified; it also provides information about the combat path of the Menzelinsky district teptyars of the 2nd Teptyar regiment during the suppression of the Polish uprising of 1830–1831.

Keywords: Teptyars; Polish uprising of 1830–1831; 2-nd Teptyar regiment; VIII revision (1834); revizion tales; Menzelinsk district

Financing. The work was funded by a grant from the Russian Science Foundation № 26-18-20101, <https://rscf.ru/project/26-18-20101/25-28-00993>, <https://rscf.ru/project/25-28-00993/>

For citation: Aminov R.R. Composition of the Teptyar regiments based on the materials from the 8th revision (1834) of the Menzelinsk district, Orenburg province. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 3, pp. 158–170. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.158-170> (In Russian)

Окончание Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. не снизило значимости тептярей, по-прежнему активно привлекавшихся к решению актуальных внутри- и внешнеполитических задач Российской империи.

В начале 1820-х гг. формирования тептярей активно задействовались в Казахской степи; в частности, 2-й Тептярский полк принял участие в двух крупных степных экспедициях. Высокий уровень заболеваемости и смертности среди личного состава обуславливал необходимость систематического пополнения полков. Данная проблема усугублялась отсутствием четко регламентированного плана рекрутского набора, злоупотреблениями со стороны тептярской элиты, суровыми условиями службы, а также сложной эпидемиологической ситуацией. Дополнительным дестабилизи-

рующим фактором выступала христианизация части тептярей, повлекшая за собой их последующее исключение из состава полка. 2-й Тептярский полк был задействован в борьбе с холерой. В частности, 6 октября 1829 г. Оренбург обнесли карантинной цепью из двух сотен этого полка и двух сотен Оренбургского казачьего полка (Рахимов, 2022, с. 72–73, 78).

В 1822 г. был принят новый штат Тептярского регулярного конно-казачьего полка, составлявший 711 чел.: Шеф, войсковой или походный старшина, аудитор, полковой мулла, старший писарь, младшие писари (2 чел.), полковой коновал (1), полковой костоправ (1), его ученики (5), фурлейты (20), надзиратель больных (1), цирюльники (5), полковой ложник, ложники и плотники (5), оружейный мастер (1), его ученики (5), седельщик, его ученики (5); сотенные старшины: есаулы (5), сотники, в том числе и квартирмейстер (7), хорунжие, в том числе полковой адъютант (10); нижние чины: старшие пятидесятники (5), младшие пятидесятники (15), десятники (50), штаб-трубач (1), трубачи (10) рядовые казаки (550) (Рахимов, 2022, с.70–71).

19 ноября 1832 г. вышел Сенатский указ «О подведомстве дел, касательно безочередной отдачи в Тептярские полки тептярей, в Губернском правлении», из которого следовало, что разбор рекрутских очередей был возложен на казенные палаты и рекрутские присутствия. Согласно указу от 19 ноября 1832 г., в случае нарушений при определении тептярей на службу в казаки дела должны подлежать предварительному рассмотрению губернского правления. Следует сказать, что уголовная палата также могла с разрешения оренбургского генерал-губернатора, не входя с представлением в Правительствующий Сенат, рассматривать подобные дела [2].

В коллекции фонда И-2 (Канцелярия Оренбургского военного губернатора) Национального архива Республики Башкортостан хранится множество дел, в которых рассматривались жалобы тептярей разных уездов на несправедливое зачисление на службу в тептярские полки. Среди заявителей присутствуют и тептяри из населенных пунктов Мензелинского уезда.

В частности, в 1831 г. тептяр д. Абдулово по речке Сухие Бишанды Биккул Абдулкаримов (1772 г.р.) подал жалобу на неправомерное, по его мнению, возложение на его семью рекрутской повинности. В том же году Абдулмазит Валишин (1799 г.р., д. Тойгузино, Чибинли тож), был не согласен с включением его в список 2-й очереди лиц, обязанных отправиться на службу в Тептярский полк¹. Из материалов VIII ревизии (1834 г.) видно, что данные тептяри и их близкие не находились на службе в казаках, таким образом, их просьбы были удовлетворены [1].

Максимальное количество тептяр из числа татар Мензелинского уезда, определенных на службу в тептярские полки, усматривается в 1820 г. (19 чел.), в 1829 г. (17), в 1830 г. (13) и, наконец, в 1831 г. (12), что состав-

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2783. Л. 1–2.

ляет 45,2% от общего числа тептярей (135 чел.), по которым известно время их отправки на службу в тептярские полки. В оставшиеся годы² тептяри были призваны в следующем соотношении: 1817 г. – 3 чел., 1818 г. – 7, 1819 г. – 6, 1821 г. – 5, 1822 г. – 3, 1823 г. – 6, 1824 г. – 9, 1825 г. – 1, 1826 г. – 1, 1827 г. – 8, 1828 г. – 6, 1832 г. – 8, 1833 г. – 3, 1834 г. – 8 чел.³

Предельные значения, представленные в 1820 г., видимо, связаны с тем, что тептяри, участвовавшие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., по большей части умерли и выбыли по болезни, и встала острая необходимость восполнения численности казаков в тептярских полках.

Габдулнасыр Абдрахманов (1797 г.р., д. Тагирменчи, Чуплюктамак тож) находился в полку с 1811 г. Судя по всему, он умер в ходе Отечественной войны 1812 г. или Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Здесь обращает на себя внимание возраст Габдулнасыра Абдрахманова: видимо, в ревизской сказке допущена опечатка и его возраст несколько занижен. Другие тептяри значатся без вести пропавшими, скорее всего, они пали на поле битвы. Сейфулла Ишмухаметов (1792 г.р., д. Киркали Тюба): в ревизской сказке указано, что он «поступил в казаки в 1808 г. и со службы не обратился и где находится неизвестно». Мухаметшариф Ишигулов (1793 г.р., д. Усы)⁴ находился в Тептярском полку с 1811 г. и, судя по всему, также был участником вышеупомянутых военных кампаний Российской империи. Неизвестна судьба и Караная Мавлюкеева (1780 г.р., д. Абдулово по речке Сухие Бишанды), определенного в Тептярский полк в 1798 г., а также Габдулнафика Арасланова (1785 г.р., д. Старое Алимово), который был отдан в казаки в 1812 г., и к 1834 г. было неизвестно, где он находится⁵.

В материалах VIII ревизии (1834 г.) представлены вернувшиеся ветераны и Отечественной войны 1812 г., и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Так, Валиша Бикбов (1782⁶ г.р., д. Уменеево) с 1803 г. был в казаках и возвратился в 1818 г., Гайнулла Ирмяков (1793 г.р., д. Уменеево) был в полку с 1812 г. и вернулся домой в 1828 г., и, наконец, Гибетулла Тимиркеев (1790 г.р., д. Адрыкле), находившийся в составе полка с 1811 г., возвращен домой в 1828 г.⁷

² В их число не включены те, кто находился на службе до 1815 г.

³ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 470. Л. 1–814; Д. 471. Л. 5–451.

⁴ Уфимский историк Р.Н. Рахимов приводит сведения об участии некоего зауряд-сотника Ишигулова в Польском восстании 1830–1831 гг. (Рахимов, 2022, с. 81). Вполне возможно, что речь идет о Мухаметшарифе Ишигулове.

⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 470. Л. 64 об., 212 об., 301 об., 505 об.; Д. 471. Л. 70 об.

⁶ В материалах V ревизии (1795 г.) год рождения этого тептяря из татар указан как 1777-й (НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 297. Л. 74 об.).

⁷ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 470. Л. 149 об., 156 об.; Д. 471. Л. 332 об.

В публикуемом списке присутствуют и умершие тептяри, которые находились на службе в Тептярском полку: Юлдаш Мунасыпов (1786 г.р., д. Усы) – умер в 1822 г., Абдулхалик Назиров (1799 г.р., д. Малтабарово) – умер в 1823 г., Шамсутдин Кутлыев (1804 г.р., д. Малтабарово) – умер в 1827 г., Мухаметгали Рахманкулов (1789 г.р., д. Измейково) – умер в 1831 г.⁸

Наибольшее количество отправленных на службу в тептярские полки отмечены в д. Поисево – 6 чел., д. Актаныш – 4 чел., д. Бишкучаево – 4 чел. Этому есть объяснение: вышеупомянутые селения являются самыми крупными. Основная масса тептярей отправлялась на службу в полки в возрасте 18–26 лет. Надо сказать, что в ревизских сказках не всегда представлен истинный возраст тептярей. Так, год рождения Габдуллы Тимеркеева (д. Амекеева) определяется как 1813-й, при этом на службе он числился с 1823 г.; Абдулвахит Абдулкаримов (1808 г. р., д. Усаево) состоял в казаках с 1821 г. и так далее. Мы считаем, что реальный возраст лиц, отправившихся на службу в 16–17-летнем возрасте, по данным VIII ревизии (1834 г.) несколько занижен – на 1–3 года, хотя встречаются случаи и завышения.

Межревизский период (1816–1834 гг.) озаглавлен Русско-турецкой войной 1828–1829 гг., однако участие тептярей в данной военной кампании в источниках не зафиксировано. Призванные в 1829–1830-е гг. и в более ранние года тептяри, скорее всего, приняли участие в усмирении Польского восстания 1830–1831 гг. Сохранилось описание похода 2-го Тептярского полка в 1831 г., в котором были задействованы и тептяри из населенных пунктов Мензелинского уезда.

7 декабря 1830 г. 2-й Тептярский полк под командованием подполковника Э.Ф. фон Больценталя выступил из пункта сбора – Сеитовского посада – по направлению к местечку Бельнич. Вскоре подразделение прибыло в Молодечно, где под контроль полка перешел склад повстанцев с крупными запасами фуража, хлеба и вина. По прибытии полка в местечко Солы было получено предписание военного губернатора генерал-адъютанта М.Е. Храповицкого о командировании двух сотен. 1-я сотня под командованием есаула Леружа была направлена в распоряжение генерал-майора Я.О. Отрощенко в г. Ошмяны, а 3-я сотня под командованием есаула Коитова – в Минскую губернию для ликвидации разрозненных повстанческих отрядов. 20 апреля 1831 г. полк вступил в Вильно, где прошел смотр, проведенный военным губернатором, который предоставил личному составу пятидневный отдых. В этот же период 2-я сотня полка под командованием есаула Иванова следовала в г. Троки с целью оказания содействия земской полиции в подавлении локальных волнений и преследовании отступивших сил противника. Оставшиеся 4-я и 5-я сотни были задействованы в рекогносцировке территории и преследовании отрядов восставших. Полк, в течение месяца дислоцировавшийся в различных пунктах Минской и Виленской губерний и практически не вступавший в боевые столкновения, вернулся в

⁸ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 470. Л. 441 об., 500 об., 535 об., 537 об.

Вильно. В течение всего последующего периода военных действий штаб полка располагался в окрестностях города, а в зимнее время – в самом городе. Отдельные подразделения полка под командованием Э.Ф. фон Больцен-таля и майора барона П.И. Корфа были направлены для ликвидации разрозненных вооруженных формирований⁹.

Отдельные подразделения 2-го Тептярского полка находились в резерве на Понарских высотах 19 июня 1831 г., во время нанесения сокрушительного удара польским частям в районе города Вильно. Позднее, 5 июля, тептяри приняли участие в сражении при городе Паневежисе, а 16 июля осуществляли преследование противника от «местечка Авант до местечка Мамты». Согласно архивным сведениям, за отличие в данных боевых действиях зауряд-есаул 2-го Тептярского полка Бикмухамет Курбангалин (1803 г.р.¹⁰), уроженец деревни Каташ Каран, был награжден орденом Святой Анны III степени с бантом. Впоследствии, 14 ноября 1833 г., он совместно со своим родом был внесен в дворянскую родословную книгу (Рахимов, 2022, с.82–83).

В январе 1832 г. почти все отдельные подразделения полка были сосредоточены в городе Вильно. Командование полком принял майор барон П.И. Корф, однако уже 25 февраля 1832 г., не успев вступить в должность, он получил предписание вернуться в Оренбургскую губернию. В итоге, полк, оставив значительное число больных в различных госпиталях, выступил в крайне изнурительный весенний поход, испытывая острый недостаток в продовольствии и фураже. После прибытия полка в г. Бузулук 20 июня 1832 г. распоряжением командира Отдельного Оренбургского корпуса личному составу был предоставлен отдых¹¹.

Настоящий список, составленный по данным VIII ревизии (1834 г.), представляет интерес в связи с тем, что на сегодняшний день списки тептярских полков за 1816–1834-е гг. не обнаружены – возможно они и вовсе отсутствуют. Материалы, извлеченные из двух дел фонда И-138 (Оп.2. Д.470 и Д.471) Национального архива Республики Башкортостан, позволяют воссоздать список лиц из селений Мензелинского уезда, служивших в полках в межревизский период (1816–1834 гг.). В общей сложности приведены сведения о 151 тептярине из 81 населенного пункта.

⁹ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 9796. Л. 23–25 об.

¹⁰ В ревизской сказке 1834 г. год рождения этого тептярина из татар указан как 1798-й (НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 471. Л. 138 об.).

¹¹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 471. Л. 25 об.–26.

Приложение

**Список татар-тептярей Мензелинского уезда Оренбургской губернии,
находившихся в составе тептярских казачьих полков,
по материалам VIII ревизии (1834 г.)**

**List of Tatar-Teptyars from the Menzelinsk district, Orenburg province
who were part of the Teptyar Cossack regiments, based on the materials
from the 8th revision (1834)**

№	Имя, фамилия, г.р.	Населенный пункт	Теп- тяр- ская ко- манда	С какого года на службе в казаках (в полку)
1	Диньмухамет Кавсяров, 1791	Бекбулово	1	был в казаках
2	Хасян Кавсяров, 1802	Бекбулово	1	с 1831 г.
3	Габдулхаким Ягудин, 1798	Бекбулово	1	с 1820 г.
4	Калимулла Кусяков, 1804	Аняково	1	с 1820 г.
5	Абдулгалим Губейдуллин, 1811	Аняково	1	с 1829 г.
6	Гайнулла Мунасыпов, 1805	Кузяково	1	с 1830 г.
7	Габдулнасыр Абдрахманов, 1797	Тагирменчи, Чуплюкта- мак тож	1	с 1811 г., умер в 1821 г.
8	Гаймадитдин Шайдуллин, 1810	Урьяды	1	с 1827 г.
9	Абдуллатиф Абдулбаширов, 1805	Поисево	1	с 1829 г.
10	Фахритдин Кутлубаев, 1806	Поисево	1	с 1832 г.
11	Абдулвахит Габитов, 1793	Поисево	1	с 1824 г.
12	Фазулла Мендеев, 1804	Поисево	1	с 1828 г.
13	Зейнулла Габдулвагапов, 1800	Поисево	1	с 1830 г.
14	Хабибулла Гайсин, 1797	Поисево	1	с 1824 г.
15	Гайнулла Ирмяшев, 1793	Уменеево	1	был в казаках и возвратился в 1828 г.
16	Рахметулла Ишеев, 1802	Уменеево	1	с 1820 г.
17	Курбангали Ибрагимов, 1808	Уменеево	1	с 1829 г.
18	Валиша Бикбов, 1782	Уменеево	1	был в казаках и возвратился в 1818 г.
19	Гадылша Мансуров, 1802	Тюково	1	с 1820 г.
20	Мухаметсадык Гадылшин, 1813	Тюково	1	с 1830 г.
21	Габдрафик Мухаметкаримов, 1802	Шайчурино	1	с 1827 г.

АМИНОВ Р.Р. СОСТАВ ТЕПТЯРСКИХ ПОЛКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК 1834 Г.
МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

22	Гайнулла Нигаметуллин, 1809	Шайчурино	1	с 1834 г.
23	Сейфулла Ишмухаметов, 1792	Киркали Тюба	2	поступил в казаки в 1808 г. и со службы не обра- тился и где нахо- дится неизвестно
24	Габайдулла Рахметуллин, 1808	Байсарово	2	с 1830 г.
25	Сеитягофер Мраткузин, 1799	Байсарово	2	с 1830 г.
26	Шагимрат Арасланов, 1800	Минлярово	2	с 1830 г.
27	Зейнагабдин Касаков, 1804	Минлярово	2	с 1831 г.
28	Зайнулла Баширов, 1802	Минлярово	2	с 1829 г.
29	Абдулхалил Иблиаминев, 1805	Кадыкеево	2	с 1822 г.
30	Габдулнафик Арасланов, 1785	Старое Алимово	2	отдан был в каза- ки с 1812 г. и на жителство не явился и где на- ходится неизвест- но
31	Нигаметулла Шарыпов, 1798	Актаныш	2	с 1819 г.
32	Аиткул Нигаметуллин, 1803	Актаныш	2	с 1824 г.
33	Шамшутдин Абдулнасыров, 1807	Актаныш	2	с 1825 г.
34	Смагил Галикеев, 1799	Актаныш	2	с 1824 г.
35	Ардуан Абдусев, 1807	Шабызба- шево	2	с 1831 г.
36	Амир Халилов, 1803	Шабызба- шево	2	с 1830 г.
37	Абдрахман Саликеев, 1803	Амекеево	2	с 1823 г.
38	Габдулла Тимиркеев, 1813	Амекеево	2	с 1823 г.
39	Мряс Сулейманов, 1800	Амекеево	2	с 1817 г.
40	Асфендияр Мраткузин, 1791	Толнамас	2	с 1820 г.
41	Мубашар Юзекеев, 1811	Кулларово	3	с 1830 г.
42	Абдулкарим Тимиров, 1800	Курмашево	3	с 1818 г.
43	Хабибулла Умиркеев, 1799	Верхние Урьяды	3	с 1820 г.
44	Гузеир Зубеиров, 1806	Верхние Урьяды	3	с 1823 г.
45	Фейзулла Рахметуллин, 1805	Верхние Урьяды	3	с 1834 г.
46	Супханкул Искаков, 1792	Байбулатово	3	с 1820 г.
47	Гизетулла Алебеев, 1814	Байбулатово	3	с 1834 г.
48	Мухаметгали Рахманкулов, 1789	Измейково	3	был в казаках, умер в 1831 г.
49	Галиулла Сейфуллин, 1809	Измейково	3	с 1834 г.
50	Ахметвали Салимзягуиров,	Измейково	3	с 1832 г.

	1814			
51	Фейзулла Мусагитов, 1796	Измейково	3	с 1817 г.
52	Назмутдин Мурсалимов, 1801	Карачево	3	с 1824 г.
53	Гайнулла Мягадиев, 1795	Карачево	3	с 1820 г.
54	Абдулсалям Абдулвахитов, 1799	Карачево	3	с 1820 г.
55	Габдулвагап Абдулкаримов, 1814	Токталачук	3	с 1832 г.
56	Мухаметгали Тимиров, 1799	Токталачук	3	с 1820 г.
57	Нурулла Зайсанов, 1810	Нижнее Мрясево	3	с 1827 г.
58	Сафергали Гадылшин, 1802	Нижнее Мрясево	3	с 1820 г.
59	Юлдаш Мунасыпов, 1786	Усы	3	был в казаках и возвратился, умер в 1822 г.
60	Мухаметшариф Ишигулов, 1793	Усы	3	с 1811 г.
61	Мухаметша Иксанов, 1798	Чиниково	3	с 1817 г.
62	Мухаметзян Габбясов, 1809	Тонгузино, Чибинли тож	4	с 1827 г.
63	Абдулхалик Назиров, 1799	Малтабаро- во	4	был в казаках, умер в 1823 г.
64	Шамсутдин Кутлыев, 1804	Малтабаро- во	4	будучи в казаках, умер в 1827 г.
65	Валиулла Нигаметуллин, 1806	Старый Бай- ляр	4	с 1827 г.
66	Абдулвахит Абдулкаримов, 1808	Усаево	4	с 1821 г.
67	Идрис Сулейманов, 1800	Старый Та- кирмень	4	с 1827 г.
68	Курбангали Рахманкулов, 1798	Старый Та- кирмень	4	с 1819 г.
69	Тазитдин Медияров, 1804	Старый Та- кирмень	4	с 1834 г.
70	Хайбулла Аминев, 1805	Урусово	4	с 1827 г.
71	Зиганша Ресулев, 1811	Урусово	4	с 1829 г.
72	Мейда Кореев, 1808	Деуково	4	с 1830 г.
73	Гибетулла Нигаметов, 1813	Калмаш	4	с 1833 г.
74	Губейдулла Рахметуллин, 1801	Кулюково	4	с 1820 г.
75	Сейфутдин Феткуллин, 1805	Кулюково	4	с 1829 г.
76	Диньмухамет Мухаметрахимов, 1811	Кузембетево	4	с 1829 г.
77	Бикмурза Мадияров, 1814	Кузембетево	4	с 1834 г.
78	Гали Мухаметрахимов, 1806	Кашир	5	с 1830 г.

АМИНОВ Р.Р. СОСТАВ ТЕПТЯРСКИХ ПОЛКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК 1834 Г.
МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

79	Фазулла Абдуллин, 1798	Тойгилдино	5	с 1821 г.
80	Хамидулла Миклигулов, 1799	Старый Ва- ряш, Черши- лы Каран Тамак тож	5	с 1831 г.
81	Абдулгалям Габзелилев, 1808	Рангазар	5	с 1831 г.
82	Минлибай Абдулмезитов, 1793	Муслюмово	5	с 1818 г.
83	Хабибулла Феткуллин, 1810	Муслюмово	5	в казаках
84	Зейнулла Биктимиров, 1810	Муслюмово	5	в казаках
85	Гисметулла Юзюкеев, 1797	Карамалы	5	рекрут с 1819 г.
86	Шрафитдин Хамитов, 1810	Чалпы	5	с 1829 г.
87	Мухаметкарым Назиров, 1804	Чалпы	5	с 1829 г.
88	Хамидулла Беккулов, 1802	Чалпы	5	с 1820 г.
89	Девлетша Мусин, 1808	Ушуган	5	с 1831 г.
90	Хисамутдин Курбангалин, 1801	Ушуган	5	с 1820 г.
91	Габдулгалям Габайдуллин, 1805	Кавзияк	5	с 1831 г.
92	Фаткулла Ишмуратов, 1799	Кавзияк	5	с 1819 г.
93	Ибрагим Мансуров, 1800	Кавзияк	5	с 1820 г.
94	Хасан Иксанов, 1801	Баланлы	5	с 1834 г.
95	Тохветулла Нигаметуллин, 1796	Юсти Юми- но тож	5	с 1826 г.
96	Сиразитдин Ремкулов, 1810	Юсти Юми- но тож	5	с 1831 г.
97	Исхак Хусеинов, 1805	Тамьян	6	с 1829 г.
98	Абдрахман Абдулвагапов, 1806	Тогашево	6	с 1830 г.
99	Хатымтай Мратов, 1796	Клянчита- мак	6	с 1820 г.
100	Абдрафик Хамитов, 1811	Клянчита- мак	6	с 1834 г.
101	Абдуллатиф Абдулгалямов, 1802	Тыгирмен- ник	6	с 1827 г.
102	Абдулхалик Биктимиров, 1807	Сарсаз Та- кирмень	6	с 1828 г.
103	Каранай Мавлюкеев, 1780	Абдулово по речке Сухие Бишанды	6	неизвестно куда «утратился» с поступления в казаки с 1798 г
104	Феткулла Губейдуллин, 1793	Абдулово по речке Сухие Бишанды	6	с 1819 г.
105	Фахритдин Губейдуллин, 1806	Абдулово по речке Сухие Бишанды	6	с 1823 г.

106	Феткулла Биктимиров, 1804	Абдулово по речке Сухие Бишанды	6	с 1832 г.
107	Мухамядияр Суюндуков, 1798	Шуран	6	с 1820 г.
108	Башир Айдашев, 1811	Старое Ку- гашево	6	с 1829 г.
109	Ахметша Реимов, 1800	Старый Чекмак	6	с 1829 г.
110	Шингарей Абдулнасыров, 1804	Старый Чекмак	6	с 1829 г.
111	Абдрахман Абдуллатифов, 1805	Старый Чекмак	6	с 1832 г.
112	Абдуллатиф Абдулмазитов, 1795	Каташ Каран	7	с 1822 г.
113	Бикмухамет Курбангалин, 1803	Каташ Каран	7	с 1820 г.
114	Махмут Кунафин, 1802	Нуркеево	7	с 1828 г.
115	Гибетулла Мухаметрахимов, 1807	Нуркеево	7	с 1830 г.
116	Абдулвагап Ишкуватов, 1809	Дюметь Тарлы	7	с 1831 г.
117	Абдрахман Суяргулов, 1790	Сарманово по речке Мензеле	7	с 1818 г.
118	Фейруша Медияров, 1801	Альметь Муллино	7	с 1831 г.
119	Абдрахман Абдрешитов, 1802	Старое Ах- метево	7	с 1818 г.
120	Абзелил Ишбулдин, 1799	Старое Ах- метево	7	с 1828 г.
121	Мустафа Зайнигабдинов, 1807	Сармашбаш, Ерыклы Елантово тож	7	с 1824 г.
122	Нигаметулла Абзелилов, 1802	Муртышбаш	7	в рекрутах с 1823 г.
123	Гисметулла Ишмухаметев, 1801	Муртышбаш	7	с 1829 г.
124	Минлигул Абдулмянев, 1814	Азалаково	7	с 1832 г.
125	Багаутдин Рахимкулов, 1813	Азалаково	7	с 1821 г.
126	Хабибулла Асанов, 1791	Азалаково	7	с 1824 г.
127	Хайбулла Субаев, 1803	Иликсазово	7	с 1824 г.
128	Нигаметулла Искаков, 1803	Казгаликово	8	с 1828 г.
129	Фейзулла Суереев, 1802	Чуплюково на речке Чуплюк	8	с 1823 г.
130	Гисметулла Рахимкулов, 1814	Чуплюково	8	с 1833 г.

АМИНОВ Р.Р. СОСТАВ ТЕПТЯРСКИХ ПОЛКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК 1834 г.
МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

		на речке Чуплюк		
131	Мухамшарып Аминев, 1811	Исансупово	8	с 1829 г.
132	Сейфутдин Фейзуллин, 1798	Исансупово	8	с 1820 г.
133	Идрис Ибраев, 1808	Сеитово	8	с 1830 г.
134	Мухаметамин Мустафин, 1807	Кулуново	8	с 1831 г.
135	Феткулла Губеев, 1799	Сукеево	8	с 1819 г.
136	Гибетулла Тимиркеев, 1790	Адряклей	8	возвратился в 1828 г.
137	Минлигул Зюлкарнеев, 1809	Булярово	8	с 1831 г.
138	Мухаметкарим Абдрешитов, 1804	Уразметево	8	с 1821 г.
139	Абсатар Абдрешитов, 1803	Уразметево	8	с 1832 г.
140	Амиргул Минлигулов, 1800	Буляково	8	с 1822 г.
141	Мухаметкарим Абдрешитов, 1804	Буляково	8	с 1821 г.
142	Гильман Хайбуллин, 1811	Семяково	8	в казаках
143	Шарып Бикташев, 1799	Семяково	8	с 1818 г.
144	Абдулмязит Чурукаев, 1800	Семяково	8	с 1818 г.
145	Габдулбашир Абдрешитов, 1808	Бишкумаче- во	8	с 1829 г.
146	Мавлюкей Минликеев, 1808	Бишкумаче- во	8	с 1828 г.
147	Мавлюгул Минлигулов, 1798	Бишкумаче- во	8	с 1833 г.
148	Губейдулла Фазуллин, 1799	Бишкумаче- во	8	с 1818 г.
149	Абдулвахит Саптаев, 1814	Токмак	9	с 1832 г.
150	Мухамядияр Амиров, 1798	Токмак	9	с 1824 г.
151	Аллаяр Мадияров, 1809	Токмак	9	с 1829 г.

*НА РБ. Ф.И-138. Оп. 2. Д. 470. Л. 1–814;
НА РБ. Ф.И-138. Оп. 2. Д. 471. Л. 5–451.*

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Татары Западного Приуралья в материалах государственных переписей населения 1795–1859 гг. Т. 1. Мензелинский уезд. Справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 260 с.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (ПСЗРИ-2). Т. 7. СПб., 1833. № 5764.

ЛИТЕРАТУРА

Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. Уфа: Китап, 2022. 168 с.

REFERENCES

Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments*. Ufa: Kitap, 2022. 168 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0009-6052-4184>; e-mail: rustem_270988@mail.ru

About the author:

Rustem R. Aminov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0009-6052-4184>; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 27.07.2026

Принята к публикации / Accepted 24.08.2026

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

NEW BOOKS, REVIEWS

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.171-181>

Рецензия на книгу:

Торопицын И.В. Военная служба астраханских юртовских татар (вторая половина XVI – первая четверть XVIII в.) (Казань, 2025)

У.Б. Очиров

Калмыцкий научный центр РАН

Элиста, Российская Федерация

utash-ochirov@yandex.ru

Резюме. В рецензии проводится анализ монографии И.В. Торопицына «Военная служба астраханских юртовских татар (вторая половина XVI – первая четверть XVIII в.)» (Казань, 2025). Данное фундаментальное исследование посвящено истории военной службы воинских формирований астраханских юртовых татар в составе русской армии. Эта служба началась почти сразу после присоединения Астраханского ханства к Русскому государству в середине XVI в. и завершилась в первой четверти XVIII в. В данном комплексном исследовании автор выявил специфику использования царскими воеводами данного контингента в походах и войнах и другие аспекты, связанные с военной деятельностью.

Ключевые слова: Русское царство; русская армия; астраханские юртовские татары; конница; XVI–XVII века; история Астраханского края

Финансирование. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (№ госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Очиров У.Б. Рецензия на книгу: Торопицын И.В. Военная служба астраханских юртовских татар (вторая половина XVI – первая четверть XVIII в.) (Казань, 2025). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 171–181. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.171-181>

Book review:

Toropitsyn I.V. Military service of the Astrakhan Yurt Tatars
(second half of the 16th – first quarter of the 18th century) (Kazan, 2025)

U.B. Ochirov

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Elista, Russian Federation

utash-ochirov@yandex.ru

Abstract. The review analyzes I.V. Toropitsyn's monograph "The military service of the Astrakhan Yurt Tatars (second half of the 16th – first quarter of the 18th century)" (Kazan, 2025). This comprehensive study examines the history of military service of ethnic military units of the Astrakhan yurt Tatars as part of the Russian army. This service began almost immediately after the Astrakhan Khanate joined the Russian state in the mid-16th century and continued until the first quarter of the 18th century during the pre-imperial period under Peter the Great. In this work, the author identifies the specific features of the use of this contingent by the tsar's voivodes in campaigns and wars along with other aspects of military affairs.

Keywords: Russian Tsardom; Russian Army; Astrakhan Yurts; Cavalry; 16th – 17th centuries; History of the Astrakhan Region

Financing. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 "The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups".

For citation: Ochirov U.B. Book review: Toropitsyn I.V. Military service of the Astrakhan Yurt Tatars (second half of the 16th – first quarter of the 18th century) (Kazan, 2025). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 3, pp. 171–181. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.171-181> (In Russian)

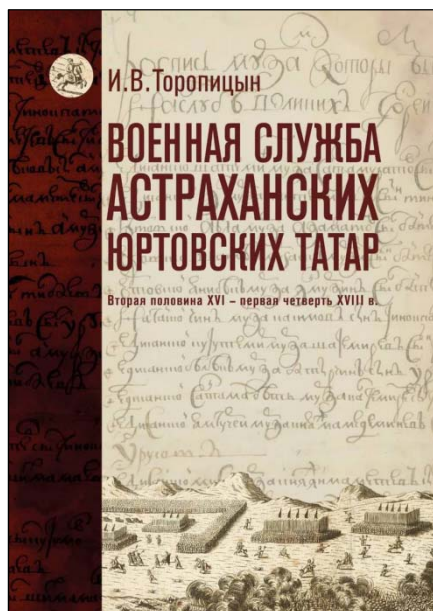
История военной службы тюркских воинских формирований в составе русской армии восходит к древним временам. Еще в XI–XII вв. на территории Поросья были поселены так называемые «черные клобуки» (торки, печенег, берендеи, ковуи), охранявшие южные границы Руси и предоставлявшие вспомогательные воинские контингенты в дружины древнерусских князей.

Следующий этап военной службы тюркских контингентов в русской армии оказался связан с периодом Золотой Орды и временем существования тюрко-татарских государств. Уже в XIV в. русские летописи фиксируют переходы татар из Золотой Орды на службу к московским князьям (Кузьмин, 2002, с. 10). В 1445 г. Василий II принимает царевича Касима, бежавшего из Казани, и дает ему удел, получивший наименование Касимовского

«царства». На его территории проживали как выходцы из тюрко-татарских ханств, так и местные жители (мордва и татары-мишари), обязанные представлять воинские контингенты московским князьям (Рахимзянов, 2009). В XVI в. Иван Грозный присоединил к Руси Казанское, Астраханское, Сибирское ханства. В эти годы применение татарских воинских контингентов в русской армии достигает апогея. В.В. Пенской, анализируя русскую армию в Полоцком походе 1562–1563 гг., оценивал численность татар, черемисов и мордвы в 6,5 тыс. сабель при общей численности армии в 70–75 тыс. ратников (Пенской, 2008, с. 10–11). Другой военный историк оценил численность татар в этом походе в 6,5 тыс. сабель при общей численности армии 55–60 тыс. воинов (Волков, 2020, с. 100), что составило около 12%.

В последующие годы доля татарских воинских контингентов в составе русской армии начинает снижаться, как в силу сокращения численности татар, верстаемых на службу, так и из-за увеличения численности всей армии. По мере отдаления государственной границы от мест компактного проживания касимовских, казанских и астраханских татар, их все меньше и меньше вызывают на службу. Последний их воинский контингент (пятисотенный полк казанских татар) был направлен в русскую армию в период Семилетней войны. Однако в XVIII в. в состав Российской империи вошли другие группы татар: Крымское ханство вместе с несколькими ногайскими ордами, ранее сбежавшими в пределы Османской империи, часть Польского государства с литовскими татарами. Вновь вошедшие этнические группы татар стали активно использоваться на военной службе. На короткое время из них были даже созданы национальные казачьи войска: Крымско-татарское в 1784–1796 гг. и Ногайское в 1802–1805 гг. (впрочем, последнее реально так и не удалось сформировать (Грибовский, 2016)). Литовские татары привлекались на службу в Татарский уланский полк. В период наполеоновских войн из крымских татар было сформировано 4 полка. После этого они служили в лейб-гвардии Крымско-татарском эскадроне (затем команде), а также в Крымском конном дивизионе (с 1906 г. – полку).

В период Гражданской войны в истории национальных татарских воинских формирований был период активизации. На базе кадров Крымского конного полка в Белой армии была создана одноименная часть, а в РККА из приволжских татар сформировали ряд частей, большая часть ко-

торых оказалась сведена во 2-ю Мусульманскую стрелковую дивизию (позже включенной в состав 2-й Туркестанской дивизии). В период Интербеллума командование РККА сформировало ряд подразделений. Существовал проект комплектования 1-й Казанской стрелковой дивизии как национальной, и в ее составе был создан 1-й Татарский стрелковый полк и татарский эскадрон. Однако в 1938 г. в ходе Большого террора и разгрома национальных элит национальное военное строительство в Красной армии было свернуто (Безугольный, 2025, с. 319–320).

Таким образом, история национальных татарских воинских формирований в составе Российской и Красной армий насчитывает без малого пять веков. Однако комплексное и полноаспектное исследование этого феномена до сих пор отсутствует. Тому есть множество объективных факторов, ключевыми из которых следует признать громоздкость и разрозненность массива исторических источников, большая часть которых рассеяна в многочисленных фондах различных архивов, находящихся в разных регионах страны. Некоторые фонды из этих архивов описаны неполно или неправильно, что еще больше затрудняет поиск необходимых сведений. Отсутствует каталогизация сведений, поэтому информацию о татарских национальных формированиях можно выявить в совершенно неожиданных местах.

Очевидно, что задача написания комплексного труда по истории военной службы воинских контингентов татар в Российской и Красной армии сегодня требует значительной подготовительной работы путем написания серии самостоятельных работ, посвященных отдельным периодам (как, например, в диссертации Б.А. Илюшина) (Илюшин, 2017) или этническим группам. Однако следует понимать, что создание таких трудов представляет собой нетривиальную задачу, требующего титанического объема труда и времени, коллектива специалистов историков.

Поэтому известие о написании монографии по военной службе одной из групп татар я воспринял как важный шаг в решении данной сложной исторической проблемы. Не менее важен и выбор объекта исследования – группа астраханских юртовских татар, которая считается одной из наименее исследованных. Об этом прямо говорит в 7-томной «Истории татар» один из авторов параграфа, посвященного служилым татарам Волго-Уральского региона: «История астраханских татар также еще не написана» (Беляков, 2014, с. 228).

Автором рецензируемого труда (Торопицын, 2025) является хорошо известный на всем Юге России и за его пределами профессиональный историк – Илья Васильевич Торопицын. Уроженец г. Астрахань, выпускник Астраханского государственного педагогического института, в 2000 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. К настоящему времени им опубликовано более 200 научных работ в России и за ее пределами по различным проблемам истории Астраханского края и населяющих его народов, в том числе о государственной деятельности В.Н. Татищева (1686–1750 гг.), истории астраханского казаче-

ства, отношениях России с Востоком в XVII–XVIII вв. (включая европейско-восточный транзит через Россию). С 2013 г. И.В. Торопицын стал заниматься историей астраханских юртовских татар, в частности изучением их военной службы. Таким образом, рецензируемая монография является итогом его более чем десятилетних исследований.

Прежде чем приступить к рассмотрению работы, необходимо учесть важный нюанс: Астрахань ханского периода – это торгово-ремесленный город с земляными стенами. И.В. Зайцев оценивал численность населения ханства в 20 тыс. чел., из которых чуть более половины проживало в городе, а остальные были «кочевными людьми» (Зайцев, 2006, с. 158–159). Неудивительно, что до вхождения в Россию ядром войска астраханского хана были ногайцы, а собственно астраханских татар там было немного, «а временами, скорее всего, не было вовсе» (Зайцев, 2014, с. 709). Таким образом, можно прийти к выводу, что военная служба астраханских юртовских татар связана большей частью именно с российской армией доимперского периода. Для понимания особенностей службы астраханских татар следует помнить о том, что за редким исключением, служба кочевников (как у большинства полков русской армии) была периодической, в рамках определенной кампании, после которой они возвращались домой.

Забегая вперед, подчеркну особое достоинство данной работы: И.В. Торопицын старается четко разделять астраханских юртовских татар и ногайцев, хотя в документах это не всегда возможно. Дело в том, что астраханским воеводам помимо юртовских татар подчинялись также ногайцы, и при снаряжении на службу в армию в некоторых документах они могли учитываться вместе. К сожалению, некоторые исследователи, некритично воспринимая сведения из этих документов, путают астраханских юртовских татар и ногайцев. Однако автор рецензируемой монографии всегда старается различить эти группы татар.

Работа имеет традиционную в целом структуру и состоит из введения, 4 глав (которые разделены на 16 параграфов) основной части, выстроенных по хронологическому принципу, заключения, списка использованных источников и литературы, именного указателя.

Во введении И.В. Торопицын анализирует историографию исследования и дает обзор источникам, который, помимо всего прочего, ясно показал те проблемы, с которыми приходится сталкиваться исследователям аналогичных тем: громоздкость и разрозненность архивных документов.

Первая глава посвящена службе астраханских татар во второй половине XVI в. Следует заметить, что историки за редким исключением, описывая военную службу астраханских татар этого периода, начинают с Ливонской войны. Между тем, И.В. Торопицын справедливо указывает, что их военная служба началась практически сразу после присоединения Астраханского ханства, начиная с отражения набега Ямгурчея и подавления мятежа Дервиш-Али и заканчивая походами в Крым в 1559 г. и к Таркам в 1561 г.

Отдельный параграф посвящен действиям астраханских татар в Ливонской войне 1558–1583 гг., в которой они приняли участие с самого начала. При анализе боевых действий Ливонской войны автор проявляет пристальное внимание к участию татар в Полоцком походе 1563 г., что неудивительно, учитывая сохранившийся массив сведений по этой проблеме, включая статистические материалы. Особо интересны версии И.В. Торопицына об участии астраханских татар в обороне крепости Сокол в 1579 г. (Торопицын, 2025, с. 63–65) и походе князя В.Д. Хилкова «за Двину» в Ливонию.

Третий параграф первой главы посвящен особенностям службы астраханских татар за пределами военных конфликтов. В этот период их численность сильно поредела, и ряды астраханских татар стали активно пополнять союзные ногайцы и выходцы из вражеского плена. Как видно из приведенных сведений, их численность составляла несколько сотен воинов, которые могли использоваться в гарнизонной службе на территории Русского государства, караульной службе в самой Астрахани, охране посольств в степной части Нижнего Поволжья и Северо-Восточного Кавказа.

Вторая глава посвящена службе астраханских юртовских татар в войнах первой половины XVII в. «Бунташный» век для юртовских татар начался с участия в походе царской армии в «Кумыцкую землю», закончившегося взятием Тарков. После этого татары и ногайцы были отпущены в Астрахань, но в следующем году кумыки при поддержке турецких войск выбили русские гарнизоны из крепостей северного Дагестана.

Наступление Смутного времени прервало развитие кавказской политики Бориса Годунова (несомненно, интереснейшая тема, которая ждет своего исследователя). Астраханские юртовские татары активно вступают на службу в различные правительственные армии, которые ведут борьбу как с иностранными войсками Речи Посполитой и Швеции, так и с многочисленными формированиями наемников, включая печально известных «лисовчиков». И.В. Торопицын внимательно рассматривает особенности найма и службы астраханских татар в царских войсках, их участие в различных операциях и сражениях, обороне ряда городов, включая такие отдаленные, как Тихвин и Псков. При этом численность воинского контингента астраханских татар в некоторых походах достигала 500 человек.

Следующем крупным военным конфликтом в истории России стала Смоленская война 1632–1634 гг. В историографии сложилось мнение, что астраханские татары не участвовали в этом конфликте. Однако И.В. Торопицын аргументированно показывает, что астраханские татары в эти годы активно участвовали в боевых действиях. В 1630 г. 600 юртовских татар в составе двухтысячного контингента из Астрахани ходили походом на Северный Кавказ на помощь к князю П.К. Черкасскому. В 1632 г. юртовские татары в составе контингента из 2200 всадников ходили походом к Москве, но затем были возвращены обратно без участия в боях. Однако следует помнить, что в рамках Смоленской войны имели место набеги крымских

татар и малых ногайцев на Русь. В 1633 г. более 8 тыс. ногайцев и астраханских юртовских татар вошли в состав русской армии, направленной против Казыева улуса.

Отдельный параграф второй главы И.В. Торопицын посвятил малоизвестному и очень интересному событию в военной истории: походу отряда стольника князя С.Р. Пожарского в 1646 г. на Крым. В составе отряда Пожарского были астраханские татары, игравшие важную роль. Однако на Дону союзные контингенты (кавказский отряд Муцала Черкасского и донские казаки) отказались повиноваться Пожарскому, проявившему пассивность и нерешительность. Конфликт привел к нападению союзников на основной отряд и его разграблению. В итоге пассивность Пожарского, застрывшего на Дону, привела к началу падежа лошадей, после чего астраханские татары и часть ногайцев ушли домой. Однако царский стольник свалил вину в неудаче похода на мурз и табунных голов, которые за это подверглись наказанию.

Третья глава посвящена службе астраханских юртовских татар во второй половине XVII в. Отдельный параграф посвящен малоизвестным в историографии событиям 1649–1653 гг. на Северо-Восточном Кавказе, когда в серьезный конфликт внутри ногайских улусов пытались вмешаться кумыки и даже Персия. Однако благодаря боевым действиям, в которых активное участие принимали астраханские татары (в том числе и как разведчики), конфликт удалось купировать, а персидские войска так и не решились напасть на Терки.

Активное участие астраханские татары приняли и в следующей крупной «европейской» войне – в Тринадцатилетней войне за присоединение Украины к Русскому царству (1654–1667 гг.). И.В. Торопицын внимательно и со всеми возможными подробностями разбирает участие астраханских юртовских татар в кампаниях этой войны, либо, наоборот, их неучастие, объясняя причины этих событий.

Столь же тщательно автор разобрал участие астраханских татар и в Русско-турецкой войне 1672–1681 гг., посвятив отдельные параграфы ключевым походам: Крымскому 1675 г. (который до похода П.П. Ласси стал последним успешным вторжением русских войск в Крым) и Чигиринскому 1678 г. (сыгравшему ключевое значение в завершении всей войны).

Однако следует констатировать, что с этого периода интенсивность привлечения астраханских юртовских татар начинает сокращаться. Для противостояния с крымскими татарами русское командование все чаще использует буддистов-калмыков, к тому же имеющих более эффективный центральноазиатский комплекс вооружения (Бобров, 2009, с. 83). В ходе следующей Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. для участия в первых ключевых кампаниях – Крымским походам князя В.В. Голицына 1687 г. и 1689 г. были отобраны только 50 астраханских юртовских мурз, табунных голов, а также сотников, имеющих отборное вооружение и боевой опыт.

Характерно, что в завершающих кампаниях этой войны – Азовских походах – астраханские юртовские татары уже не участвовали.

Однако тяжелейшее поражение русской армии в сражении под Нарвой в 1700 г. показало, что астраханских татар еще рано было списывать со счетов. Для восстановления боевой мощи Петр I максимально мобилизует все ресурсы в стране, в том числе астраханских татар. Их военной службе в первые два десятилетия XVIII в. посвящена четвертая глава. Уже в 1701 г. 473 астраханских юртовских татарина в составе отряда Б. Кереитова, под началом которого также было 300 астраханских стрельцов, прибыли в армию Б.П. Шереметева и приняли участие в боях со шведами. Они имели особую ценность (как и другие иррегулярные части) для ведения малой войны, которую активно развернули русские войска в Прибалтике. Астраханские татары, кроме того, принимали участие и в крупных баталиях у Ряпиной мызы, Эрестфере и Гуммельсгофе. При этом часть татар, как калмыков и башкир, не стали отпускать на зимние каникулы, а использовали в течение всей кампании, как и регулярное войско. Однако это привело к тому, что татары стали «худы и пеши» (Торопицын, 2025, с. 240). И.В. Торопицын правильно указывает, что с 1704 г. сведения об участии астраханских юртовских татар в боях в Прибалтике исчезают. Например, в сражении при Гемауэртсгофе 15 июля 1705 г. в легком корпусе Шереметева было всего 250 башкир, 50 татар, 20 калмыков (Рахимов, 2014, с. 126).

Последней кампанией воинского контингента астраханских юртовских татар стал поход на Терки в 1708 г. для помощи осажденному гарнизону и подавления восстания горцев и ногайцев. 250 татар были посланы в составе морского отряда, 400 – пошли на конях по суше. Этому походу посвящен отдельный параграф четвертой главы.

И.В. Торопицын завершил свою монографию параграфом, посвященным участию нескольких десятков астраханских татар в Хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского в 1717 г. Примерно от 3 до 7 десятков татар были набраны в состав экспедиции и использовались для конвойной и дипломатической службы. Они разделили печальную судьбу экспедиции, но уцелевшие татары во время казни пленных были помилованы как единовольцы.

Завершают работу заключение, в котором подводятся итоги исследования и делается ряд наблюдений общего характера о комплексе вооружения астраханских юртовских татар, в том числе с помощью иллюстративных материалов из фондов Астраханского государственного объединенного историко-культурного музея-заповедника; список использованных источников и литературы, свидетельствующий об огромном массиве книг и архивных документов, привлеченных автором; и крайне полезный именной указатель, являющийся хорошим подспорьем в работе, учитывая большое количество малоизвестных имен. Следует отметить, что И.В. Торопицын оперирует в работе огромным количеством имен представителей татарской знати, прослеживая их родословные, исправляя при необходимости написа-

ние имен, часто искажаемых в русских документах, что еще раз свидетельствует о высокой степени компетентности автора в этой теме.

Подводя итог рецензии, следует отметить, что данная монография не только вводит в оборот огромное количество неизвестных ранее сведений, но и носит комплексный характер, что позволяет сделать важные обобщения и аналитические выводы по всей теме исследования. Нет сомнения в том, что данный труд станет важным и значимым «кирпичом» в возводимую историю военной службы татарских воинских формирований в составе русской/российской армии.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Безугольный А.Ю. Татары в вооруженных силах Императорской России, Советской России и СССР в зеркале военной и гражданской демографической статистики (последней четверти XIX в. – 1945 г.) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей. Вып. 2 / отв. ред. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. С. 317–325.

Беляков А. Служилые татары: правовое положение, численность и особенности хозяйственной деятельности // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 228–237.

Бобров Л.А. Военное дело и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 83–103.

Волков В.А. Были и небыли ливонской войны 1558–1583 годов. М.: Прометей, 2020. 412 с.

Грибовский В.В. Ногайское казачье войско // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 108–129.

Зайцев И.В. Астраханское ханство М.: Вост. лит., 2006. 301 с.

Зайцев И.В. Военное дело Астраханского ханства // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 709–716.

Илюшин Б.А. Военное дело служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 344 с.

Кузьмин А.В. Крещенные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь. 2002. № 3 (9). С. 5–23.

Пенской В.В. Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв.: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 3–13.

Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.

Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.

Торопцын И.В. Военная служба астраханских юртовских татар (вторая половина XVI – первая четверть XVIII в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. 332 с.

REFERENCES

Bezugolny A.Yu. Tatars in the Armed Forces of Imperial Russia, Soviet Russia, and the USSR in the Mirror of Military and Civil Demographic Statistics (the Last Quarter of the 19th Century – 1945). *The Great Patriotic War of 1941–1945 in the Lives of Peoples and Regions*. Iss. 2. Ed. by A.S. Bushuev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. Pp. 317–325. (In Russian)

Belyakov A. Serving Tatars: Legal Status, Number, and Features of Economic Activity. *History of Tatars from Ancient Times: in 7 vols*. Vol. V. The Tatar People as Part of the Russian State (Second Half of the 16th – 18th centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. Pp. 228–237. (In Russian)

Bobrov L.A. Military affairs and its evolution in the 17th–18th centuries. *History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes*. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 83–103. (In Russian)

Volkov V.A. *The Livonian War of 1558–1583 Was and Was Not*. Moscow: Prometheus, 2020. 412 p. (In Russian)

Gribovsky V.V. The Nogai Cossack Army. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2016, no. 8, pp. 108–129. (In Russian)

Zaitsev I.V. *The Astrakhan Khanate*. Moscow: Eastern Literature Press, 2006. 301 p. (In Russian)

Zaitsev I.V. *Military Affairs of the Astrakhan Khanate. History of the Tatars from Ancient Times: in 7 volumes*. Vol. IV. Tatar States of the 15th – 18th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. Pp. 709–716. (In Russian)

Ilyushin B.A. *Military Affairs of the Tatar Servicemen of the Russian State in the Mid-15th – 17th centuries*: Dis. ... Candidate of Sciences (History). Novosibirsk, 2017. 344 p. (In Russian)

Kuzmin A.V. Baptized Tatars in the Service of Moscow: On the History of the Telebugins and Myachkovs in the 14th – First Half of the 15th Century. *Ancient Russia*. 2002, no. 3 (9), pp. 5–23. (In Russian)

Penskoi V.V. The Military Potential of the Russian State in the Late 15th and 16th centuries: A Quantitative Analysis. *National history*, 2008, no. 1, pp. 3–13. (In Russian)

Rakhimzyanov B.R. *The Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on History*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2009. 207 p. (In Russian)

Rakhimov R.N. *In the Service of the "White Tsar". Military Service of the Non-Russian Peoples of South-Eastern Russia in the 18th – First Half of the 19th Century*. Moscow: RISS, 2014. 544 p. (In Russian)

Toropitsyn I.V. *Military Service of the Astrakhan Yurt Tatars (Second Half of the 16th – First Quarter of the 18th Century): A Monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. 332 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела военной истории, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-9957-5215>; e-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Utash B. Ochirov – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Military History, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-9957-5215>; e-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.07.2026

Принята к публикации / Accepted 17.08.2026

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

ПЕРСОНАЛИЯ / PERSONAL

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.182-190>

Путь к успеху через науку и управление (к 75-летию доктора философских наук Ф.М. Султанова)

А.М. Сафина

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

aliyasafina17@yandex.ru

Резюме. Публикация посвящена 75-летию юбилею известного ученого, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, действительного члена Международной Тюркской академии, бывшего заместителя директора Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан и руководителя Центра истории и теории национального образования Фарита Мирзовича Султанова. В работе освещаются основные этапы его биографии, научной деятельности и вклад в развитие отечественной науки и национального образования, а также роль в формировании культурной идентичности татарского народа. Особое внимание уделяется многолетнему труду юбиляра, его высокому профессионализму и организаторскому таланту. Отмечается роль Ф.М. Султанова как мудрого наставника, воспитавшего плеяду высококвалифицированных специалистов, и как вдохновенного руководителя, чья деятельность плодотворно способствовала развитию науки и образования в регионе.

Ключевые слова: Фарит Мирзович Султанов; ученый; доктор философских наук; Институт истории им. Ш. Марджани; Центр истории и теории национального образования; философия; национальное образование

Для цитирования: Сафина А.М. Путь к успеху через науку и управление (к 75-летию доктора философских наук Ф.М. Султанова). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 3. С. 182–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.182-190>

Path to success through science and management
(on the 75th anniversary of Doctor of Sciences (Philosophy) F.M. Sultanov)

A.M. Safina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
aliyasafina17@yandex.ru*

Abstract. This paper is devoted to the 75th anniversary of the famous scientist, Doctor of Sciences (Philosophy), Honored Scientist of the Republic of Tatarstan, a full member of the International Turkic Academy, former deputy director of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, and head of the Center for the history and theory of national education Farit Mirzovich Sultanov. The work highlights the main stages of his biography, scientific activity and contribution to the development of national science and education, as well as his role in the formation of the cultural identity of the Tatar people. Special attention is paid to the jubilee's many years of work, his high professionalism and organizational talent. The role of F.M. Sultanov is noted as a wise mentor, who trained a pleiad of highly qualified specialists, and as an inspired leader whose activities have fruitfully contributed to the development of science and education in the region.

Keywords: Farit Mirzovich Sultanov; scientist; Doctor of Sciences (Philosophy); Marjani Institute of History; Centre for the history and theory of national education; philosophy; national education

For citation: Safina A.M. Path to success through science and management (on the 75th anniversary of Doctor of Sciences (Philosophy) F.M. Sultanov). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol.16, no.3, pp. 182–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.182-190> (In Russian)

25 августа 2026 г. исполняется 75 лет доктору философских наук, заслуженному деятелю науки Республики Татарстан, действительному члену Международной Тюркской академии, известному ученому и руководителю-организатору Фариту Мирзовичу Султанову. Пользуясь этим знаменательным случаем, мы выражаем глубокое уважение его многолетнему труду, преданности делу и неутомимому служению формированию культурной идентичности татарского народа. Многие годы Фарит Мирзович возглавлял должность заместителя директора Института истории им. Ш. Марджани, был первым руководителем и организатором Центра истории и теории национального образования при этом институте. За его именем – десятилетия неустанного труда, судьбы сотен ученых и научных исследований. В стенах института он стал душой академического братства, внес значительный вклад в развитие исследовательских программ и укрепление международных научных уз. Эта разносторонняя деятельность сделала его выдающейся личностью в области науки и просвещения.

Фарит Мирзович Султанов, уроженец деревни Большие Кургузи Зеленодольского района Татарстана, с юных лет впитал атмосферу сельской жизни,

где глубоко ценились традиции татарского народа и жажда знаний. Эта почва взрастила в нем стойкий характер. Уже в школьные годы он сиял яркой жизненной энергией, участвовал и побеждал в разных олимпиадах и конкурсах, за что был удостоен заветной путевки в легендарный международный детский лагерь «Артек». Завершив школьный путь с золотой медалью, Фарит Мирзович, ведомый с детства неугасаемой страстью к истории и языкам, продолжил учебу в стенах Казанского государственного университета, на историко-филологическом факультете. Это заведение, как маяк знаний, считалось одним из самых исторических и блистательных в стране,

заветной мечтой для множества юных умов. В студенческие годы он проявил себя не только прилежным студентом, но и прирожденным лидером, организатором, будучи старостой группы, что, возможно, стало предвестием его будущих лидерских и организаторских талантов [1].

Окончив стены альма-матер, где в разные годы постигали науки светила, он углубился в научные изыскания в аспирантуре Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР под руководством доктора философских наук Я.Г. Абдуллина. Здесь, среди пыльных томов и живого слова ученых, зародился фундамент его блестящей академической карьеры. В 1980 году, в стенах прославленного Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Антиклерикальные и атеистические идеи в татарской общественной мысли начала XX века» (Султанов, 1979). Труд этот, подобно лучу света, пролил свежее освещение на антиклерикальные и атеистические идеи, пронизывавшие татарскую общественную мысль на заре XX столетия. Впервые под его пера попал беспрецедентный историко-философский анализ творчества таких титанов мысли, как Г. Тукай, Ф. Амирхан, М. Гафури, Г. Ибрагимов и Г. Чыгытай, раскрывая глубины их наследия. Два десятилетия спустя, в 2000 году, в тишине Института философии Российской академии наук в Москве, развернулась новая глава его научного пути. Здесь он блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Татарское национальное движение в российском и мировом социально-историческом контексте» (Султанов, 2000), погрузившись в социально-философский анализ татарского национального движения. Это колоссальное исследование послужило незыблемым основанием для последующих фундаментальных монографий. Таким образом, научная карьера Ф.М. Султанова разворачивалась последовательно: от кропотливого изучения извивов истории татарской общест-

венной мысли к глубокому философскому осмыслению пульса национальных процессов, оставляя после себя богатое интеллектуальное наследие. Спектр его научных изысканий охватывал широкие горизонты: от философских прозрений в области истории общественной мысли и этноистории ислама в Поволжье до осмысления татарского национального движения и насущных вопросов национального образования. Эти труды позволили ему окунуться в глубины осмысления того, как религия и культура, словно нити, вплетаются в полотно национальной идентичности, а также провести глубокий анализ исторических вех татарского национального движения, выявляя незримую, но мощную роль ислама на его пути.

В монографии Ф. Султанова «Хөр фикер юлында» (На пути свободы-мыслия, 1986) предстает глубокое историко-философское осмысление идейного наследия татарских прогрессивных мыслителей начала XX в. Автор с пронизательностью раскрывает не только общее и особенное, но и то, что связывало их духовное наследие с мировыми тенденциями, а также его уникальную национальную составляющую. Особое внимание уделено ценному и позитивному вкладу этих выдающихся деятелей в развитие татарской общественной мысли, а также предпринята смелая попытка пролить свет на спорные вопросы, ставшие предметом научных дискуссий, и воздать должное творческому наследию и судьбам тех мыслителей, чья значимость до сих пор оставалась недооцененной (Султанов, 1986).

В бесценном наследии Фарита Султанова особое место занимает его новаторский вклад в изучение татарского национального движения. Исследуя его многогранные этапы, идейные основы и знаковые фигуры, ученый неустанно способствует бережному сохранению и динамичному развитию национального самосознания. Уже в 1997 г. плоды его кропотливого научного труда получили заслуженное международное признание – он стал действительным членом Международной Тюркской академии. Значимым этапом в осмыслении исламского фактора в национальном движении стали монографии «Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом контексте: история и современность» (Султанов, 1999) и «Татарское национальное движение: история и современность» (Султанов, 2000а). В этих фундаментальных трудах автор глубоко анализирует взаимосвязь исламских традиций и татарского национального движения в исторической ретроспективе и на современном этапе, исследует коренящиеся причины формирования татарского национального самосознания, его эволюцию под влиянием сменяющих друг друга различных политических режимов и культурологических факторов. Автор уделяет пристальное внимание исламу как неотъемлемой части национального бытия, его роли в формировании общественных и политических устремлений татарского народа. Особое место занимают ключевые личности и поворотные события, оказавшие решающее влияние на развитие национального самосознания, а также современные вызовы, с которыми сталкиваются татары в условиях глобализации и меняющихся политических реалий. Книги охватывают широкий спектр тем – от исторических вех развития татарского национального движения до его актуального состояния, от взаимодействия с глобальными исламскими течениями до проблем сохранения культурного наследия в эпоху гло-

бализации. В них собраны разнообразные материалы – от редких исторических документов до глубоких интервью с идеологами и активистами движения, что позволяет сформировать всестороннее и многогранное представление о его сущности. Коллеги отмечают, что эти научные работы стали первыми монографическими исследованиями, посвященными татарскому национальному движению. В своих трудах автор одним из первых ввел в научный оборот термин «татарстанизм» – концепцию, объясняющую идеологию, направленную на достижение баланса между этническими и религиозными отношениями в республике. Наряду с этим, он поддерживает концепцию «евроислама» с его джадидистскими корнями, как перспективное направление для современного развития (Юзеев, 2000, с. 300–302; Биктимерова, Исламов, Жәләлиев, 2011; Султанов, 1999; Султанов, 2000а); [2]. В трудах также рассматриваются вопросы сохранения языка, культуры и традиций татарского народа. Ф. Султанов призывает читателя взглянуть в сегодняшний день, осознать ключевую роль молодежи в пульсирующих национальных процессах и постичь не только историческое наследие, но и мерцающие перспективы татарской самобытности в современном мире. Особое внимание уделяется взаимодействию с другими народами и культурами как залого гармоничного развития. Исследования открывают читателю как глубокие теоретические прозрения, так и ценные практические выводы, представляют интерес как для ученых, интересующихся вопросами национальной идентичности, религии и политики, а также для всех, кто стремится постичь глубинные течения жизни в многоликом обществе Российской Федерации.

Фарит Султанов прошел свой долгий и плодотворный путь в научно-управленческой деятельности, ступенька за ступенькой, восходя по карьерной лестнице до самого заместителя директора. С 1985 по 1993 г. он стоял во главе сектора истории общественной мысли в научно-исследовательском Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. Затем, с 1993 по 1996 г., возглавил Татарский филиал Института национальных проблем образования Министерства образования РФ. С 1996 по 2012 г. он был назначен заместителем директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ по организационно-финансовой работе и одновременно стал у истоков созданного им Центра истории и теории национального образования. На этих ответственных постах его главной заботой было укрепление материально-технической базы института, чуткая координация научных проектов и налаживание международных связей. Коллеги вспоминают его управленческий стиль как воплощение мудрости, такта и редкого умения находить компромиссы. Он не гнался за публичностью, но именно благодаря его незримым, но упорным усилиям институт смог реализовать множество масштабных проектов. Он принадлежал к тем руководителям, для кого власть была не правом отдавать приказы, а скорее священной обязанностью задавать верные вопросы. Он никогда не повышал голос, никогда не обижал, напротив – он советовал, он верил. И именно поэтому к нему тянулись люди. Его сильная, но в то же время мягкая натура была секретным оружием истинного философского лидера. Степень доктора философских наук для Ф. Султанова являлась не только академическим статусом, но и мировоззрением, самым образом жизни. Философия для него не знавала книжной пыльной абст-

рации: она проникала в самую суть повседневной жизни института, она становилась воздухом, которым он дышал. Он не просто изучал философию – он ею жил. В современном научном мире, где зачастую господствуют формальные показатели – индекс цитирования, количество грантов и публикаций – очень легко потерять из виду главное: неустанный поиск истины. Фарит Мирзович создал в институте атмосферу подлинной интеллектуальной честности. Он не терпел пустых рассуждений и самонадеянности. Его излюбленным методом было не «вкладывать» знания в собеседника, а помогать им рождаться из вопросов и сомнений. Он умел слушать, и это было активное слушание, в котором он улавливал не столько слова, сколько саму логику мысли. Как истинный последователь Сократа, в каждом утверждении он искал тонкие противоречия не для того, чтобы опровергнуть оппонента, а чтобы глубже раскрыть саму суть проблемы.

В Институте истории его отличал особый, таинственный смех. В чем же разгадка «загадочного смеха» Фарита Мирзовича? Улыбка руководителя, осознающего, что наука – это не завод по штамповке публикаций, а живой, трепетный организм в непрерывном развитии. Вся его жизнь и деятельность – наглядное свидетельство того, что руководство наукой есть подлинное искусство. Искусство, рожденное глубокой философской рефлексией, интеллектуальной честностью и той самой доброй, мудрой сократовской улыбкой, что напоминает: истина вечно ускользает вперед, пребывая в новом вопросе, но никак неизбежно, пресном ответе.

Фарит Мирзович в роли руководителя Центра истории и теории национального образования предстал перед своим окружением как виртуозный организатор и проницательный стратег. Под его мудрым началом Центр развернул активную деятельность и успешно реализовал многочисленные проекты, направленные на глубокое исследование и бережное сохранение культурного наследия татарского народа, а также на интеграцию национальных ценностей в образовательный процесс. Он сумел мотивировать сотрудников на достижение высоких целей, способствовал развитию инновационных проектов и укреплял научные связи с коллегами разных регионов РФ. Для Ф. Султанова было делом чести не просто передавать накопленные знания, но и зажигать огонь в сердцах молодого поколения к своей самобытной культуре и славной истории. Его лидерство стало тем стержнем, вокруг которого витало дыхание подлинного сотрудничества и искреннего доверия, что, несомненно, стало залогом впечатляющих успехов в деятельности всего Центра. Им опубликованы учебные программы для общеобразовательных школ, гимназий и педагогических по «Истории общественной мысли» и «Истории ислама». Он принимал активное участие в написании «Национальной доктрины развития национально-воспитательных систем в Республике Татарстан» (1999), «Концепции государственного национального университета» (2000), учебной программы «Национально-региональный компонент государственного стандарта общего образования по истории. Предмет “История татарского народа и Татарстана”» (2006), был научным руководителем проекта «Антология татарской педагогической мысли» (2005–2014). Будучи доктором философских наук, он исповедовал убеждение, что постижение истины требует симбиоза

академической глубины и гуманистической направленности. Его педагогический метод всегда отдавал пальму первенства нравственным ориентирам, не устану пробуждая в учениках страсть к критическому осмыслению мира.

Ф.М. Султанов всегда уделял пристальное внимание подготовке молодых кадров, передавая им свои знания и опыт, а также стимулируя развитие их исследовательского потенциала. Как наставник, он вдохновлял аспирантов и молодых ученых на самостоятельные исследования, способствуя формированию нового поколения специалистов в области истории, религии и национальной политики. Одной из его отличительных черт – он искренне радовался успехам каждого ученика. Его подход к обучению основан на уважении, чести, внимании и индивидуальном подходе, что способствует развитию критического мышления, профессиональной ответственности и гражданской активности у молодых ученых. Как отмечают его ученики, именно под руководством Фарита Султанова они обрели уверенность в своих силах и нашли путь к реализации своих научных и профессиональных целей. Многие его аспиранты пошли по стопам своего наставника и продолжают успешно работать в области науки. Коллеги и ученики ценят его не только как фундаментального исследователя, но и как человека большой души, всегда готового прийти на помощь. В то время как молодые исследователи, приходящие в институт, часто терялись в лабиринтах большой науки, Ф. Султанов «брал их за руки», направлял, давал советы и благословлял на путь науки. В своих выступлениях и инициативах он акцентировал внимание на необходимости вовлечения молодежи в культурные, образовательные и общественные проекты, считая, что именно молодежь должна стать движущей силой в реализации целей татарского возрождения.

В стенах научного мира, где господствуют холодный разум, логика, немолчимые факты и пыльные архивы, сердце, казалось бы, не имеет права на существование. Однако каждый, кому посчастливилось быть рядом с Фаритом Мирзовичем Султановым, знает: в Институте истории им. Ш. Марджани на первом плане были не только весомые труды и диссертации, но и неподдельное признание, глубокое уважение к каждому, от маститого ученого до скромного сотрудника – признание их как личности. Коллеги отмечают, что даже в самых бурных научных спорах или в водовороте повседневных забот сотрудников, он не спешил осуждать, а стремился понять, вникнуть в суть, отыскать истоки и причины. К этому человеку шли не только за научной истиной, но и за мудрым советом в житейских перипетиях. Каждый, будь то рядовой сотрудник или академик, рядом с ним чувствовал себя услышанным. Это – редчайший дар. В мире, скованном спешкой и постоянным перебиванием, он умел делать паузы. В этих драгоценных паузах рождалось доверие – благодатная почва, на которой может расцвести лишь истинная наука, свободная от страха и внешних обстоятельств.

Руководитель, ученый, наставник – это три грани одной личности, три вершины ответственности. На посту руководителя он снискал славу своим мудрым и твердым управлением Институтом истории, выстроив прочный фундамент для его процветания. Как ученый, он обогатил философию и историю татарской общественной мысли, оставив неизгладимый след в научном

мире. И, наконец, как наставник, он открывал сердца своих учеников широтой взгляда, отзывчивостью души и глубоким пониманием.

Высокие научные достижения Фарита Мирзовича Султанова получили заслуженное признание. Он был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» (2002), награжден почетными грамотами Академии наук РТ (2006) и Министерства культуры РТ (2007), а также нагрудным знаком «Отличник образования РТ» (2007). Его вклад в развитие науки был отмечен медалями «В память 1000-летия Казани» (2005) и «За доблестный труд» (2012).

В этом году видный ученый, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Татарстана Фарит Мирзович Султанов, чье имя с глубоким почтением произносится в научных кругах, отмечает свое 75-летие. Несмотря на то, что сейчас находится на заслуженном отдыхе, он остается примером для подрастающего поколения благодаря своему богатому научному наследию, опыту наставничества и вкладу в национальное возрождение татарского народа. Его научные исследования охватили глубины философии, тонкости истории ислама, сложнейшие грани татарского национального движения и основополагающие вопросы национального образования. Примите наши самые искренние пожелания: крепкого здоровья, незыблемого душевного спокойствия, долгих лет жизни, и пусть ваше творческое вдохновение, подобно вечному источнику, всегда сопутствует вам!

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Гаффарова Ф.* Егетләр солтаны // Ватаным Татарстан. 2011. 29 август.
2. *Махмудов Ә.* Татарның киләчәге өметле // Ватаным Татарстан. 2002. 6 сентябрь.

ЛИТЕРАТУРА

Биктимерова Т.А., Исламов Ф.Ф., Жәләлиев Ш.Ш. Китап күнел үстерә: Ислам белән милли хәрәкәт аерылгыз // Султанов Ф.М. Нәтиҗәләр ясар чак... Казан: ТР ФА Ш. Мәрҗани исем. Тарих институты, 2011. Б. 176–179.

Султанов Ф.М. Хөр фикер юлында. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 116 б.

Султанов Ф.М. Антиклерикальные и атеистические идеи в татарской общественной мысли начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1979. 184 с.

Султанов Ф.М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом контексте: история и современность. Казань: РИЦ «Школа», 1999. 236 с.

Султанов Ф.М. Татарское национальное движение в российском и мировом социально-историческом контексте: Социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2000. 279 с.

Султанов Ф.М. Татарское национальное движение: история и современность. Казань: Магариф, 2000а. 207 с.

Юзеев А.Н. Первая книга о татарском национальном движении // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2000. № 3/4. С. 300–302.

REFERENCES

Biktimerova T.A., Islamov F.F., Zalaliev Sh.Sh. The book develops the soul. Islam and the national movement are inseparable. In: Sultanov F.M. *Until the results are achieved...* Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011. Pp. 176–179. (In Tatar)

Sultanov F.M. *On the path of free thought*. Kazan: Tatar. Book Publ., 1986. 116 p. (In Tatar)

Sultanov F.M. *Anticlerical and atheistic ideas in Tatar social thought at the beginning of the 20th century*: Dis. ... Candidate of Sciences (Philosophy). Kazan, 1979. 184 p. (In Russian)

Sultanov F.M. *Islam and the Tatar national movement in the Russian and world context: history and modernity*. Kazan: RITS "School", 1999. 236 p. (In Russian)

Sultanov F.M. *The Tatar national movement in the Russian and Global socio-historical context: A socio-philosophical analysis*: Dis. ... Doctor of Sciences (Philosophy). Kazan, 2000. 279 p. (In Russian)

Sultanov F.M. *Tatar national movement: history and modernity*. Kazan: Magarif, 2000a. 207 p. (In Russian)

Yuzeev A.N. The first book about the Tatar national movement. *Gasyrlar avazy – Echo of Centuries*. 2000, no. 3/4, pp. 300–302. (In Russian)

Информация об авторе:

Сафина Алия Магсумовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0002-7693-8858>; e-mail: aliyasafina17@yandex.ru

About the author:

Aliya M. Safina – Cand. Sci. (Philology), Researcher of the Center for the History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0002-7693-8858>; e-mail: aliyasafina17@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 08.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 01.06.2026

Принята к публикации / Accepted 27.07.2026

**Научная деятельность Марины Маратовны Имашевой:
вклад в изучение социально-экономической истории мусульманских
народов Нижнего Поволжья и истории астраханских татар
в Новое время (к 50-летию со дня рождения)**

А.Ю. Хабутдинов

*Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
Казань, Российская Федерация
aikhabutdinov@mail.ru*

Резюме. В данной статье представлен подробный и всесторонний анализ научной деятельности Марины Маратовны Имашевой – доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, работы которой внесли значительный вклад в изучение социально-экономической истории тюрко-мусульманских народов Нижнего Поволжья, открыли многие неизвестные факты в истории малоизученной этнотерриториальной группы астраханских татар в составе татарской нации в Новое время. Анализ ее вклада в историческую науку позволяет понять многие аспекты формирования и развития этнотерриториальной группы астраханских татар, их этнической и конфессиональной идентичности в XVIII – начале XX в. и специфику социально-экономического и культурного взаимодействия между представителями разных народов в Нижневолжском регионе в этот период. Научные интересы М.М. Имашевой охватывают несколько исследовательских направлений. Среди них особо выделяются: история российско-азиатской торговли через Астрахань в XIX в.; вопросы, связанные с историей формирования и развития этнотерриториальной группы астраханских татар в Новое время; история астраханской городской татарской общины; исламские институты в Астраханской губернии в Новое время; межэтническое взаимодействие татар и представителей других мусульманских народов Нижнего Поволжья; и др.

Ключевые слова: Марина Маратовна Имашева; социально-экономическая история; история астраханских татар; национальная идентичность; астраханская городская татарская община; астраханская внешняя торговля; этноконфессиональные институты; историография

Для цитирования: Хабутдинов А.Ю. Научная деятельность Марины Маратовны Имашевой: вклад в изучение социально-экономической истории мусульманских народов Нижнего Поволжья и истории астраханских татар в Новое время (к 50-летию со дня рождения). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.* 2026. Т. 16, № 3. С. 191–199. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.191-199>

Marina Maratovna Imasheva's scholarly activity: her contribution to the study of the socio-economic history of the Muslim peoples of the Lower Volga region and the history of the Astrakhan Tatars in the Modern times
(on the occasion of her 50th birthday)

A. Yu. Khabutdinov

Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Kazan, Russian Federation

aikhabutdinov@mail.ru

Abstract. This article provides a detailed and comprehensive analysis of the scholarly work of Marina Maratovna Imasheva – Doctor of Sciences (History), Leading Researcher at the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Her works have made a significant contribution to the study of the socio-economic history of the Turkic-Muslim peoples of the Lower Volga region and have revealed many previously unknown facts about the history of the little-studied ethno-territorial group of Astrakhan Tatars within the Tatar nation in the modern period. An analysis of her contribution to the field of history makes it possible to understand many aspects of the formation and development of this ethno-territorial group of Astrakhan Tatars, their ethnic and confessional identity in the 18th – early 20th centuries, and the particularities of the socio-economic and cultural interaction between representatives of different peoples in the Lower Volga region during this period. M.M. Imasheva's research interests encompass several key areas, among which, the following stand out in particular: the history of Russian-Asian trade through Astrakhan in the 19th century; issues related to the history of the formation and development of the Astrakhan Tatar ethno-territorial group in the modern period; the history of the Astrakhan urban Tatar community; Islamic institutions in the Astrakhan Governorate in the modern period; interethnic interaction between Tatars and representatives of other Muslim peoples of the Lower Volga region; and others.

Keywords: Marina Maratovna Imasheva; socio-economic history; history of the Astrakhan Tatars; national identity; the Astrakhan urban Tatar community; Astrakhan foreign trade; ethno-confessional institutions; historiography

For citation: Khabutdinov A. Yu. Marina Maratovna Imasheva's scholarly activity: her contribution to the study of the socio-economic history of the Muslim peoples of the Lower Volga region and the history of the Astrakhan Tatars in the Modern times (on the occasion of her 50th birthday). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 3, pp. 191–199. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-3.191-199> (In Russian)

Марина Маратовна Имашева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Научные работы историка, посвященные изучению истории мусульманских народов Нижнего Поволжья, прежде всего, истории этно-территориальной группы астраханских татар, внесли значительный вклад в изучение этой малоисследованной темы в отечественной историографии.

М.М. Имашева родилась в Астрахани 5 сентября 1976 г. В 1993–1998 гг. училась на историческом факультете Астраханского государственного педагогического института им. В.Н. Татищева (ныне – Астраханский государственный университет), по окончании

получила специальность учитель истории. В 1999–2004 гг. обучалась в аспирантуре Астраханского государственного университета, по специальности 07.00.02 – Отечественная история. В июне 2004 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Торговля России со странами Востока через Астрахань в первой половине XIX века» (Имашева, 2004). Научный руководитель – д.и.н., профессор Н.М. Ушаков.

В период обучения в аспирантуре и написания кандидатской диссертации сформировались главные исследовательские подходы ученого, которые основывались на выявлении, анализе и

введении в научный оборот значительного числа неопубликованных архивных источников и опорой на них, как основы исследования. Тогда же сформировались и основные интересы в научных исследованиях, связанные с социально-экономической историей региона Нижнего Поволжья и местных турко-мусульманских народов в Новое время.

Поступление М.М. Имашевой в аспирантуру в 1999 г. ознаменовал собой переход к профессиональной деятельности историка-исследователя. Выбор темы кандидатской диссертации свидетельствовал о стремлении к изучению и реконструированию социально-экономической истории родного края через анализ социально-экономических и геополитических процессов, происходивших в первой половине XIX в. на нижневолжском фронтире Российской империи.

В процессе сбора эмпирического материала по теме кандидатской диссертации, ею был собран значительный статистический материал, что позволило создать комплексную картину астраханской внешней торговли в заявленный период. В результате были освещены вопросы приоритетных направлений развития российско-азиатской и непосредственно условия ее осуществления на астраханском направлении в первой половине XIX в.; выявлены обороты и ассортимент экспортно-импортной астраханской внешней торговли и ее удельный вес в структуре российской внешней торговли обозначенного периода; проанализированы участие в восточной торговле через Астрахань российского и иностранного купечества и вопросы астраханского торгового мореплавания.

В научный оборот был введен значительный комплекс архивных материалов, в том числе данные статистики по истории астраханской внешней торговли. Кандидатская диссертация М.М. Имашевой внесла значительный вклад в изучение российско-среднеазиатских и российско-иранских экономических отношений, истории развития Волжско-Каспийского торгового пути в Новое время, роли российского и различных этнических групп восточного купечества в этих взаимодействиях. В 2010 г. на основе материалов, собранных при подготовке кандидатской диссертации, вышла в свет ее монография «Вопросы российско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в.» (Имашева, 2010), которая получила высокую оценку в научном сообществе (Корноухова, 2019; Пирова, 2018). Данные и выводы, представленные в монографии, широко цитируются в исследованиях по сходной тематике.

Одним из ключевых пунктов в кандидатской диссертации был вопрос участия в астраханской внешней торговле купцов (предпринимателей) разного этнического происхождения. В силу геополитического положения Астрахани, ведущую роль в астраханской внешней торговле в дореформенный период играли купцы восточного происхождения. С середины 2000-х гг. тема истории мусульманского предпринимательства в регионе в Новое время становится ведущей в исследованиях М.М. Имашевой. В итоге, была написана и успешно защищена в 2016 г. диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Социально-экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии: конец XVIII – начало XX вв.», подготовленная в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ, соискателем докторантуры которого в 2009 г. стала М.М. Имашева (Имашева, 2016).

Научным консультантом по докторской диссертации М.М. Имашевой стал доктор исторических наук, академик АН РТ, директор Института истории им. Ш. Марджани Радик Римович Салихов, который является создателем научной школы по истории татарского предпринимательства в имперский период (Исхаков, 2025). Безусловно, именно он оказал решающее влияние на выбор ее исследовательской парадигмы и помог определить главные направления научного поиска. Несмотря на то, что в докторской диссертации рассматривались разные этнические группы мусульманских предпринимателей региона – персов, азербайджанцев, узбеков, казахов, центральное место в ее работах занимает история астраханских татар, их вклада в социально-экономическое развитие региона и Российской империи в целом.

В своих докторской диссертации, многочисленных статьях по истории мусульманского предпринимательства Астраханской губернии в Новое время, двух монографиях «Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития» (Астрахань, 2015) и «Татарское общественное движение в Астрахани в конце XIX – начале XX вв.» (Казань, 2020), М.М. Имашева исследовала целый ряд значительных исследовательских задач (Имашева, 2015; Имашева, 2020). А именно, определила социальный и правовой статус мусульманского предпринимательства Астраханской губернии; охарактеризовала этнический и количественный состав астраханской мусульманской буржуазии; описала

коммерческую направленность деловых операций астраханских предпринимателей-мусульман; рассмотрела территориальные особенности географии проживания и расположения коммерческих предприятий этой этносоциальной группы в регионе; выявила характерные особенности астраханской локальной мусульманской общины, формы ее взаимодействия с центральными и региональными органами власти, в том числе органами политического сыска (жандармерией) Российской империи; охарактеризовала особенности общественной деятельности мусульман-предпринимателей Астраханской губернии; исследовала участие мусульманской буржуазии региона в благотворительной и просветительской деятельности (Гарунова, 2017).

Значимым результатом работы над диссертацией и монографиями, является вывод Имашевой о том, что деятельность астраханского мусульманского предпринимательства определялась целым рядом факторов, наиболее значимыми из которых являлись не столько формальные (правовые, регулирующие сословный статус и отношения подданства), сколько неформальные (нормы шариата, обычаи и традиции, сложившиеся в этноконфессиональной практике, национальные особенности коммерческого оборота). Важнейшим является также вывод о том, что проведенное исследование доказало ведущую роль в структуре мусульманского предпринимательства Астраханской губернии татар, как собственно астраханских (юртовских и карагашей), так и переселенцев из Средневожских и Приуральских губерний.

Еще одним результатом работы над докторской диссертацией стало обращение М.М. Имашевой к теме истории этнотерриториальной группы астраханских татар, как составной части татарской нации и мусульманского мира России. В настоящее время именно эти исследовательские вопросы являются ведущими в ее научной деятельности.

Помимо научной работы, в течение четверти века, М.М. Имашева совмещала научную работу с педагогической деятельностью. В 2000–2017 гг. она работала в вузах г. Астрахани, в которых преподавала курсы «Отечественной истории», «Истории отечественного государства и права», «Истории государственного управления в России» и т.д. В 2013–2017 гг. на общественных началах оказывала консультационную поддержку Региональному духовному управлению мусульман Астраханской области, разработке учебного плана медресе «Астраханский исламский колледж». Именно в эти годы в исследовательское поле зрения М.М. Имашевой попадает тематика, связанная с историей ислама в Астраханской губернии в Новое время.

Особенно значимыми достижениями М.М. Имашевой в области изучения истории ислама в Астраханской губернии, на наш взгляд, являются работы, посвященные: 1) историческим мечетям г. Астрахани, даты постройки и освящения которых, были определены ею впервые; 2) образовательным мусульманским учебным заведениям дореволюционного периода; 3) биографиям и деятельности мусульманского духовенства; 4) общественным и культурно-просветительским организациям татаро-мусульманской общины; и др. В своих изысканиях по этой тематике она опиралась на исследования ведущих российских специалистов по истории татарской нации и российского ислама в 1990–2000-х гг. Д.Ю. Арапова, Д.М. Усмановой, А.Ю. Хабутдинова, И.К. За-

гидуллина, Д.М. Исакова и др. (Арапов, 2006; Усманова, 1999; Усманова, 2006; Хабутдинов, 2001; Хабутдинов, 2008; Загидуллин, 2006; Исаков, 1997; Исаков, 1999). Исследования по этой тематике М.М. Имашева продолжает и в настоящее время, активно сотрудничает в научных проектах с Духовным управлением мусульман Российской Федерации.

В 2017 г. М.М. Имашева переехала в Казань и до 2023 г. работала в Казанском (Приволжском) федеральном университете на кафедре Истории Татарстана, где преподавала дисциплины образовательных программ «История тюркских народов» (бакалавриат), «История искусств тюрко-мусульманских народов» и «История, экономика и культура тюркских народов» (магистратура): «История тюрко-мусульманских народов в Новое и новейшее время», «Культура и искусство тюрко-мусульманских народов в Новое и Новейшее время», «Политическая культура мусульманских народов Российской империи» и т.п.

В настоящее время М.М. Имашева является членом редколлегии двух научных журналов, входящих в «Белый список» научных журналов – официальный реестр наиболее авторитетных российских и международных научных изданий, публикации в которых учитываются при оценке научной деятельности. Журналы «Ислам в современном мире» и «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» являются профильными по той тематике, которая является ведущей в исследованиях М.М. Имашевой, что, безусловно, является признанием ее научных достижений в этой области. Она является автором трех монографий, двух сборников документов, более сотни научных статей, большинство из которых посвящены истории астраханских татар-мусульман в Новое время.

В настоящее время М.М. Имашева является ведущим научным сотрудником отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, научным руководителем двух аспирантов и одного докторанта по темам, связанным с историей татар и мусульманских институтов в Российской Федерации. Также она возглавляет научный коллектив авторов, работающих в настоящее время над двухтомной коллективной монографией «История астраханских татар в Новое и Новейшее время», первого в науке комплексного исторического исследования, посвященного этнотерриториальной группе астраханских татар в составе татарской нации.

Последовательно, добросовестно, скрупулезно, опираясь исключительно на архивные и опубликованные источники, многие из которых она вводит в научный оборот впервые, в течение десятилетий М.М. Имашева занимается исследованиями в области истории мусульманских народов Нижнего Поволжья, прежде всего, астраханских татар. Вполне справедливо, на наш взгляд, утверждать, что в настоящее время она является главным специалистом в научном мире по истории астраханских татар и истории ислама в Астраханской области. Доктор исторических наук М.М. Имашева заслужила большое уважение и авторитет в научном сообществе, представив целостный научный проект, направленный на изучение социально-экономической истории мусульманских народов Нижнего Поволжья и истории астраханских татар в Новое время.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Гарунова Н.М. Социально-экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии конца XVIII – начала XX вв. (по материалам исследований М.М. Имашевой) // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI века: доклады и сообщения 20 межрегионального семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Ставрополь; Армавир: Дизайн-Студия Б, 2017. С. 77–80.

Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 559 с.

Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века. Саратов: Саратовский СГАУ, 2010. 247 с.

Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2015. 186 с.

Имашева М.М. Социально-экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии: конец XVIII – начало XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. Грозный, 2016. 638 с.

Имашева М.М. Татарское общественное движение в Астрахани в конце XIX – начале XX вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. 295 с.

Имашева М.М. Торговля России со странами Востока через Астрахань в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 260 с.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX века): сборник статей / сост., авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 479 с.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Иман, 1997. 80 с.

Исхаков Р.Р. Подвижник исторической науки (к 60-летию академика Радика Римовича Салихова) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т. 15, № 3. С. 183–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.183-190>

Корноухова Г.Г. Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 661–682. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682>

Пирова Р.Н. Торговля «персидской фруктой» в России в XIX в. и роль в ней астраханского персидского купечества // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2. С. 45–48. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.2.9>

Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань: Фэн, 2006. 584 с.

Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань: Мастер Лайн, 1999. 164 с.

Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идел-Пресс, 2001. 383 с.

Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 213 с.

REFERENCES

Garunova N.M. Socio-economic and public activities of Muslim entrepreneurship in the Astrakhan Governorate in the late 18th – early 20th century (based on the research of M.M. Imasheva). *The Russian North Caucasus: socio-cultural, economic and political aspects of the history of the 18th – early 21st century. Reports and communications of the 20th interregional seminar of the Caucasus Studies School of V.B. Vinogradov*. Armavir: Design Studio B, 2017. Pp. 67–69. (In Russian)

Zagidullin I.K. *Muslim worship in the institutions of the Russian Empire (the European part of Russia and Siberia)*. Kazan: Marjani Institute of History, 2006. 559 p. (In Russian)

Imasheva M.M. *Issues of Russian-Asian trade through Astrakhan in the first half of the 19th century*. Saratov: Saratov State Agrarian University, 2010. 247 p.

Imasheva M.M. *Muslim entrepreneurship in the Astrakhan Governorate in the late 18th – early 20th centuries: economic and social aspects of development*. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilyevich, 2015. 186 p.

Imasheva M.M. *Socio-economic and public activities of Muslim entrepreneurship in the Astrakhan Governorate: late 18th – early 20th centuries*: Dis. ... Doctor of Sciences (History). Grozny, 2016. 638 p.

Imasheva M.M. *The Tatar public movement in Astrakhan in the late 19th – early 20th centuries*. Kazan: Kazan University Press, 2020. 295 p.

Imasheva M.M. *Trade between Russia and Eastern countries via Astrakhan in the first half of the 19th century*: Dis. ... Candidate of Sciences (History). Astrakhan, 2004. 260 p.

Imperial Russia and the Muslim World (late 18th – early 20th century). Comp., author of intro. essays and comm. by D.Yu. Arapov. Moscow: Natalis, 2006. 479 p. (In Russian)

Iskhakov D.M. *From the medieval Tatars to the Tatars of modern times (An ethnological perspective on the history of the Volga-Ural Tatars in the 15th–17th centuries)*. Kazan: Master Line, 1998. 276 p. (In Russian)

Iskhakov D.M. *The phenomenon of Tatar Jadidism: an introduction to socio-cultural understanding*. Kazan: Iman, 1997. 80 p. (In Russian)

Iskhakov R.R. An ascetic of historical science (dedicated to the 60th anniversary of academician Radik Rimovich Salikhov). *From History and Culture of Peoples of the*

Middle Volga Region. 2025, vol.15, no.3, pp. 183–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.183-190> (In Russian)

Kornoukhova G.G. The Role of the Russian Government in the Development of Caspian Sea Trade with Persia in the Second Half of the 19th – Early 20th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2019, vol. 18, no. 3, pp. 661–682. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682> (In Russian)

Pirova R.N. Trade in “Persian fruit” in Russia in the 19th century and the role of the Astrakhan Persian merchant class in it. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2018, no. 2, pp. 45–48. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.2.9> (In Russian)

Usmanova D.M. *Muslim representatives in the Russian parliament. 1906–1916*. Kazan: Fan, 2006. 584 p. (In Russian)

Usmanova D.M. *The Muslim Faction and the Problems of “Freedom of Conscience” in the State Duma of Russia (1906–1917)*. Kazan: Master Line, 1999. 164 p. (In Russian)

Khabutdinov A.Yu. *The Formation of the Nation and the Main Directions of the Development of Tatar Society in the Late 18th – early 20th centuries*. Kazan: Idel-Press, 2001. 383 p. (In Russian)

Khabutdinov A.Yu. *From Community to Nation: the Tatars on the Path from the Middle Ages to the Modern Era (late 18th – early 20th centuries)*. Kazan: Tatar Book Publ., 2008. 213 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Хабутдинов Айдар Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5390-2786>; e-mail: aikhabutdinov@mail.ru

About the author:

Aidar Yu. Khabutdinov – Dr. Sci. (History), Full Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Kazan, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5390-2786>; e-mail: aikhabutdinov@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 03.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 27.07.2026

Принята к публикации / Accepted 21.08.2026

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.

2026. Том 16, № 3

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.

2026, vol. 16, no. 3

Компьютерная верстка – Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина

Оригинал-макет подготовлен

в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 15.09.2026 г. Дата выхода в свет 30.09.2026 г.

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$ Печ. л. 12,5 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «Новый взгляд»

394021, ул. Минская, 63а, помещ. 6/1,

Воронеж, Российская Федерация

E-mail: 89932951721@mail.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф